

Георгий Абакумов.
Подполковник полиции
в отставке. Краевед.
Действительный член
Академии Российской
литературы.
Родился и проживает
на Верхнем Дону.

**...И казаки, уходят в тишину,
Не успевая Богу помолиться.
Не дай, Господь, сегодня никому,
Чтобы могло такое повториться!**

**Стоит обида в горле комом,
И сердце рвётся на куски...
Как мерзко поступили с Доном!
Завыть бы волком от тоски.**

**Ведь сотни лет служили верой
И лили кровь за Русь и Дон.
Но беса власть гадюкой серой
Вползла и в наш родимый дом.**

**И изнутри нас стала жалить,
Не пощадив детей и жён,
Больней стараясь нас ударить...
И явь была, как страшный сон!**

**И Дон наш из последних сил,
Собрав в кулак всю волю,
Над степью СПОЛОХ объявил!
Знать, в этом – наша доля...**

«У казаки уходят в тишину...»

Георгий Абакумов

Георгий Абакумов

«У казаки уходят в тишину...»

Георгий Абакумов

«У казаки уходят в тишину...»

Альтаир
Ростов-на-Дону
2022

Абакумов Г. Н.

А 13 «И казаки уходят в тишину...» – Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2022, – 216 с., илл.

Новая книга известного донского писателя, казака и краеведа Г.Н. Абакумова – это повесть о нерушимой дружбе двух молодых казаков-кровников, в годы Гражданской войны волею судеб оказавшихся «по разные стороны баррикад». Повесть основана на реальных событиях и рисует достоверные картины мирного и военного быта верхне-донских казаков, яркие примеры казачьего говора и фольклора, характерные типы казачьего народа первой трети 20-го века. Умело используя художественные средства, автор исподволь, но убедительно подводит читателя к мысли, что ужасы братоубийственной войны никогда больше не должны повториться в истории России в угоду безответственным политикам и преходящим идеологиям. Книга дополнена редкими историческими и современными снимками.

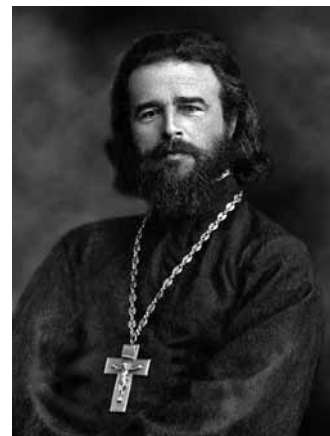
Для всех, кто интересуется историей Дона, казачества и православия.

ISBN 978-5-91951-709-2

© Абакумов Г., Абакумова С., 2022

© Абакумова Н. Г., обложка, 2022

© Оформление «Альтаир», 2022

Протоиерей Илия Попов 1871–1937

Протоиерей Илия Попов — сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

*Эта книга издана при содействии
Фонда имени священника Илии Попова*

Предисловие автора

Если вы наберёте в поисковике невесть кем придуманные строки: «И казаки уходят в тишину, не успевая Богу помолиться», интернет предоставит вам разнообразную информацию о репрессиях казаков в 1919 году и позже.

Я как человек, не один раз слышавший от очевидцев тех событий, своих бабушек и дедов, об ужасах того времени, не утерпел и продолжил эти давящие на сердце строки:

*...И казаки, уходят в тишину,
Не успевая Богу помолиться.
Не дай, Господь, сегодня никому,
Чтобы могло такое повториться!*

*Стоит обида в горле комом,
И сердце рвётся на куски...
Как мерзко поступили с Доном!
Завыть бы волком от тоски.*

*Ведь сотни лет служили верой
И лили кровь за Русь и Дон.
Но беса власть гадюкой серой
Вползла и в наш родимый дом.*

*И изнутри нас стала жалить,
Не пощадив детей и жён,
Больней стараясь нас ударить...
И явь была, как страшный сон!*

*И Дон наш из последних сил,
Собрав в кулак всю волю,
Над степью СПОЛОХ объявил!
Знать, в этом – наша доля...*

На Верхнем Дону те времена старики называли «саботажем». Это страшное слово включало в себя всё: и восстание казаков, и репрессии, и раскулачивание, и страшный голод, унесший людей не меньше, чем война.

В моей памяти сохранилось много рассказов об этом времени. По возможности я постараюсь их записывать. Но то, что я услышал в хуторе Быковском, мне просто разворошило душу. Это рассказ о двух молодых казаках, которых судьба раскидала по разные стороны баррикад. Но те непростые события на Дону не смогли сломать их дружбы.

Изначально мне хотелось написать документальный очерк о товарищах. Одного героя, который впоследствии иммигрировал во Францию, звали Тихон Любимов, другого – Андрей Самофалов (в рассказе отчества изменены, во избежание возможных совпадений). Родственники второго даже передали в историко-краеведческий музей Верхнедонского района его фотографию на коне в форме красноармейца. Со слов хуторян, он погиб во время Великой Отечественной войны, но в «Книге Памяти» числится как «Самофалов А. В., 1914 года рождения». То есть, он никак не мог в пятилетнем возрасте участвовать в Гражданской войне. Пытаясь выяснить истину, я понял, что эта история приобрела оттенок легенды, и сохранённая в людской памяти информация является не совсем документальной.

Перечитывая письмо нашего земляка из-за границы, написанное спустя сорок с лишним лет, понимаешь, что его представление о нашей стране сохранилось на уровне 1920 года: *«Таня, сище знаю, где ты живёш и тогда была красота там, было много рыбы, крутяя горы и текла светлая вода, но как ты устроилас там. Купила ты это месность или же кто тебя дозволил тебя паселится и леже ты просто сама за селила это пустое место. Ты пишеш что имееш карову но тыжа себя хлеб несееш то где жа ты ей достаеш корму».*¹

¹ Орфография и пунктуация письма сохранены.

Эти бесхитростные выражения до боли знакомы моему сердцу. Ведь на Верхнем Дону, в хуторах, до сих пор так гутарят. Находясь полвека на чужбине, казак не только не забыл милые сердцу места, но и в разговоре применяет казачьи поговорки: *«Саша это была безабидная девачка чи напхай ей снегу в задок или же на сыпай песку ей в передок все ей это было для смеху и некогда она ни скем ни ругалась и не на кого не сердилась была молодец...»*

Собранной информации не хватало даже на статью в местную газету. Поразмыслив, я решил написать небольшой рассказ о тех лихих временах, взяв за основу дружбу хуторских героев.

В художественный текст вставлены фрагменты документальной информации и воспоминания местных старожилов, которые слышали эти истории из «первоисточника» – от своих родных. За что автор жителям Верхнего Дона, поделившимся информацией, премного благодарен.

1.

Лето 1914 года на Верхнем Дону выдалось жарким. К августу подул суховей. В народе этот огненный сухой ветер, который прекращает свирепствовать лишь после Смоленской, называют «астраханцем». Степь выгорела, и лишь островки бессмертника красовались розовыми оазисами среди бушующих волн белого ковыля. Из живых душ в степи только жаворонок разливал трели в поднебесье.

Хутор Быковский, Казанской станицы, вытянулся вдоль речки Малой Песковатки. Хутор не разрастался в степь по простой причине: кругом были зыбучие пески – «буруны», прозванные так казаками за то, что они перемещались волнами, отвоевывая у степи всё новые просторы.

С севера Быковский от непогоды прикрывала меловая гора, поросшая вековой дубравой и нависавшая над речкой, как бык на водопое. Отсюда, вероятно, и хутор получил своё название.

В нижней – старой – части хутора речка огибала меловую гору в виде лука и хуторяне это место называли Лукой. Места здесь были заливные, трава зеленела всё лето, и пастухи обоживали на Луке стойло для коров и лошадей. Речка на Луке была мелкой, – как говорили, «конь пузо не мочил». Но пастухи народ ушлый, – они поставили из плетня запруду. Песковатка, буруном переваливая через искусственную преграду, выбила довольно глубокую яму. Хуторяне в этой яме купались, ловили вершей пескарей и ершей, и даже купали своих коней, спасая их от жары и оводов.

– Тиша, не дури! Воронка утопишь! – кричал подросток, протирая бока своему молодому коню мочалкой из травы.

– Андрюха, у меня растёт конь боевой, а не рабочая лошадка. И он меня должен выносить из воды и из огня! – возражал его товарищ, направляя коня опять в яму.

Накупав своих будущих боевых коней, казачата пустили их на выпас, а сами, нанырвавшись в речке, упали на песочек

погреться. Песковатка хоть и была мелка, но из-за того, что питалась родниками, вода в ней была чистой и холодной.

Тихон с Андрейкой – одноклассники, дружили с детства. Они отсидели четыре года бок о бок на одной лавке в приходском училище. И не раз им кулаками приходилось доказывать, что низовые не хуже дерутся, чем казачата Верхнего Быка или серединцы. Жили друзья через плетень, хозяйства были средние. Семьи жили дружно и в достатке. Парням было по восемнадцать лет.

Каждый день, с утра пораньше, хуторской атаман урядник Яков Писарев до седьмого пота гонял молодёжь на плацу за хутором, – шли очередные сборы.

– Андрюха, пойдем ноня на игрища к серединцам. Они сейчас гуляют у речки, на Ульяниной яме под вербами. До зари Митроха на гармошке душу рвёт.

– Ну, давай худобу уберём и пойдем, прогуляемся. Нынче, Петро Карпов гутарил², Федот пришёл на побывку, байки про службу рассказывал. Послушаем.

– А через пару лет кони окрепнут, мы ещё подучимся и – айда в реестр!

Казачата вскочили с песка и кубарем скатились в воду, весело плескаясь.

После заката солнца дневная жизнь в хуторе затихала. Понад речкой потянуло прохладой. На хуторских улицах улеглась пыль, поднятая коровами, а еще больше овцами, шайками возвращающимися с гурта. На базах затихало мычание, ржание, бляение обитателей, и в хуторе начиналась вторая жизнь.

Казаки вышли за дворы и, сидя на лавках, обсуждали с соседями новости. Старухи старались не пропустить молодёжь, которая потянулась на игрища к речке. Надобно всех было обсудить. И не дай бог, кто пройдёт мимо и не поздоровается! Срамы сколько! «До чего белый свет докатился. Уходят, мол, старые устои...» Благо, такие попадались редко. Старикам все учтиво желали здоровья.

² Гутарить – разговаривать.

Сплёвывая шелуху, опёршись на прясло, Тихон подждал товарища, который, обмывшись у колодца, побежал в курень переодеваться.

– Андрюха, а ну давай быстрее – пороссячьей рысью! А то всех девок разберут...

– Наши девки ещё по хатам молоко допивают и на печи сидят! – засмеялся товарищ.

– Ага! Нам бы только байки про службу послушать да бока какому-нибудь залётному намять – и вечер удался!

– А то! Абы только опять рубаху не порвали, – маманя заругать...

Обнявшись, бедовые друзья, стараясь не запылить начищенные до блеска сапоги, побрели к атаманской управе. Обычно молодёжь собиралась здесь на майдане, а затем спускалась к речке, где разводили большой костёр.

Компания собралась по интересам. Девчата у костра, усевшись на поваленную вербину, под гармонь пели песни. Парни, в основном, петь стеснялись. Они со стороны смотрели на своих красавиц, щелкали семечки и слушали явившегося при форме Федота. Ну, а за костром, как водится, смотрела «мелочь пузатая»: если костёр плохо гореть будет, получишь туманов – и спать к мамке.

Уже за полночь гуляки по парам стали расходиться по хутору. Нет, не по домам – до зари миловаться будут. И только тогда, когда загромяхают подойники, невесты, шурша юбками, проскочат в курень. Так было заведено, и родители понимали, что сладкое времечко ой, как быстро пролетает...

С игрищ компания Федота расходилась последней. Служивый с каждым за руку попрощался, что для молодёжи было польстительно. Ведь через год, другой, возможно, с одного котелка придётся кулеш хлебать.

Из низовцов остались только Тихон и Андрейка. Они и домой возвращались в обнимку, бурно обсуждая услышанное о службе.

Полноликая луна взошла поздно, осветив окрестности бледным светом. По-над речкой ещё плакала гармонь. Воздух

по низине был влажным и сладковатым на вкус. Местами на луговину стал наползать туман.

Вдруг впереди, в левадах, раздался девичий крик. Без слов товарищи рванулись на призыв о помощи. В свете луны они увидели трех коней, на двоих сидели парни, держа третьего в поводу. Их третий товарищ под вербиной на берегу пытался удержать дивчину, которая с криками о помощи вырывалась из рук. С ходу Тихон влепил обидчику в ухо, – тот, падая в Песковатку, потянул за собой и жертву. Спаситель ухватил девушку за талию и, рванув, прижал к себе. Девушку охнула от такого поворота дел, но вырваться не стала. Обидчик барахтался в воде, пытаясь вылезти на обрывистый берег. Под вербиной разгоралась битва, – Андрейка бился с двумя парнями. Тихон пришел на помощь товарищу. Противники с криком: «Это ж чеканутые низовцы!», дали стрекача вслед коням, спешившим в свои конюшни. Друзья обернулись, и в свете луны увидели стройную красавицу, которая ожидала развязки.

– Тиша, смотри! Да это ж наша соседка, Дуняша Попова.

– Да, Андрюха, мы с тобой за своими конями и не увидели, как красавица за плетнём выросла! А морозовцы хотели нарезать такую красоту...

– Да это Мишка Бурьянов, атамана морозовского сын. Он всё лето увивается за мной. Мне только семнадцать годков, и маманя редко на улицу пускает. Он боится на игрищах появляться, а с дружками караулит меня. Говорит, ещё немного – и сватов зашлёт.

– Тихон, да мы, кажись, атаманского сынка со сватками поколотили!

Смеясь, компания пошла домой. Дуняше было легко и спокойно с этими надёжными парнями...

Наутро атаман, построив молодёжь, сообщил, что есаулец будет заниматься с ними приемами борьбы с противником без холодного оружия. Немного помолчав, атаман в язвительном тоне молвил:

– А Любимов и Самофалов могут в холодке посидеть, они уже готовые воины: отдубасили морозовцев на раз-два! Хорошо, хоть превосходящего противника, а то бы я вам устроил...

Улыбнувшись, атаман пошёл к пролётке, а все кинулись к друзьям с расспросами. На Дону так всегда, всё тайное утром становится явным, да ещё с аршин прибавят.

– Становись! – рявкнул есаулец³, и улыбки слетели с губ казачат.

У казаков кулачные бои не практиковались. Дрались врукопашную редко, потому как исход мог быть плачевным. Казаков учили бить один раз. Это удары в голову, кадык, песик⁴, затылок...

Атаман еще сказывал казачатам: «Бьёшь – крестись, бьют – молчи!»

Вечером друзья встретились и, сидя на лавке за воротами, поболтали ни о чём, поплевали семечек. Разговор не клеился: парни чего-то оба не договаривали, чего раньше у них не было.

– Андрюха, что-то скучно. Может, Дуняшке свистнем? – переборов себя, выдавил товарищ.

– А давай! Вчера до зари проболтали. Вроде, и песен не пели, и Федота не было, а время мигом пролетело, – согласился Андрей.

Вскочив, друзья подошли к плетню Поповых. Из коровника с подойником шла хозяйка.

– Здравсьте, тётъ Моть! А можно позвать Дуняшу за ворота? Мы никуда не пойдём – тутa посидим, – в один голос напросились друзья.

Посмотрев на соседей, казачка улыбнулась.

– Ну да, с такими «друзьями» сваты наш двор за околицей обходить будут!

– А нам самим такие невесты нужны! – дружно отрапортовали парни.

³ Есаулец – казак, назначенный для созыва станичников на сход.

⁴ Песик – висок.

Дуняшу кликать не пришлось, она как будто ждала гостей за дверьми куреня.

До утра молодёжь прогутарила под тыном. Втроём им было весело и интересно. На гульбища тоже стали ходить втроём. На Дуняшу больше никто не заглядывался. Все знали, что у её защитников – четыре крутых кулака.

2.

Во второй половине июля в хутор прискакал из станицы Казанской вестовой. Выслушав его, атаман Яков Писарев объявил сполох⁵. На токах всюду останавливалась работа, отпрягали лошадей, скакали и шли к атаману. Понеслось страшное слово: «Война!»

Под призыв попало двадцать казаков служивого разряда. Это были молодые казаки до тридцати трёх лет, которые отслужили срочную по четыре года и находились в резерве.

Площадь загудела ещё бойчее. Кое-где бабы стали голосить, проклиная германца. На восемь утра следующего дня было объявлено построение.

Быковский практически поделился на двадцать частей. Весь хутор – это «кум, сват да брат», а посему все гармонисты были нарасхват. В ночь казаки загуляли. Хутор до утра пел, гулял и голосил.

Низовцы провожали пятерых служивых. Посидев немного за столами у соседа Ивана Дёмина, наша троица ушла гулять на улицу.

– Тихон, а давай завтра на конях проводим служивых до Морозовки. Там у церкви служба будет с благословением... А потом наши с морозовскими вместе поедут через Бровский на Солонцы и до станицы, – предложил Андрей.

– Давай! Под сёдлами, с комфортом. Пусть кони к боевому порядку привыкают, – согласился товарищ.

⁵ Сполох – тревога.

Дуняша с восторгом смотрела на друзей, а у самой сердце рвалось на части. Она ещё не определилась, кому отдать своё предпочтение.

Быковский, не успев затихнуть, к утру загудел с большей силой. Народ к управе стекался отовсюду. Атаман вышел на крыльцо и скомандовал: «В седло!» Два десятка казаков при полной амуниции построились в походную колонну и во главе с атаманом двинулись в хутор Морозовский. За колонной ехали провожающие – верхом на конях, в пролётках, в телегах.

Тихон с Андреем ехали за колонной призывников. Оба, как никогда, молчали. На душе было сумрачно и гадко. Одно дело – Федота слушать у костра про прелести службы, другое – провожать своих друзей, соседей, родственников в неизвестность. Что судьба им уготовила, один Господь знает...

Шесть вёрст до Морозовки проехали махом. Когда стали подниматься в гору к атаманской управе, зазвонили колокола Рождество-Богородицкой церкви. Перед храмом уже стояли строем три десятка морозовских казаков в амуниции, во главе с атаманом. Быковцы, спешившись, тоже встали в строй.

Урядник Бурьянов скомандовал:

– Шапки на молитву вон!

Казаки сняли фуражки и, опустив головы, слушали, крестясь, молебен. В конце службы батюшка окропил всех святой водой, благословив на праведный поход. После напутствия стариков призывники, смешавшись с провожающими, стали прощаться. В этой толпе оказались и друзья. Попрощавшись с соседом и пообещав помогать его родным, Тихон обернулся в поисках друга и нос к носу встретился с Мишкой Бурьяновым, который был при полной военной амуниции. Михаил первый протянул руку и от души выдал:

– Ты, Тихон, на меня зла не держи. Люба мне была Дуняша, да насильно мил не будешь. Упросил я батю в списки меня внести. Чай, ещё повидаемся, – германца и на вас хватит...

Соперники обнялись и расстались, как братья.

– По коням! В походную колонну... Арш! – разнеслась команда. Казаки поскакали рысью за гору.

Быковцы возвращались домой в разнорядной, растянувшись, как цыганский табор. У друзей кони шли рядом, ноздря в ноздю.

– Тиша, а ты что, с Мишкой помирился? – завёл разговор Андрей.

– Ну да... Он тоже ушёл на войну. Грех держать на душе зло на человека, который уходит тебя защищать, – философски ответил Тихон.

– А я бы этому гаду руки не подал, и никогда не подам! Он Дуняшу нашу обидел, – зло парировал товарищ...

После проводов хутор как-то притих: все ходили понурые, ждали вестей с фронта. Даже на игрищах не было веселья. Федот отбыл в часть. Если песни и играли, то походные, заунывные. Даже праздники, которыми изобиловал август, проходили тихо и скромно.

Ситуация разрядилась в начале сентября. Письма с фронта получили все семьи сразу. Видать, выпала такая возможность у служивых. Все были живы, здоровы, и казачьи части на то время находились во втором эшелоне. Хутор как будто выдохнул из груди сгусток горечи и задышал ровнее. А точнее, хутор загулял.

Казаки с гордостью ходили по родне и публично читали письма с фронта. Эти письма, протёртые до дыр, все знали наизусть. Приветы, которые передавали с фронта родне, ментально «обмывались», а дальше пили за воинов.

Молодые казаки с удвоенным усердием учились ратному делу, уже понимая, что война затянется, и всем лиха достанется.

Дружба между Тихоном и Андреем крепла с каждым днём. Они понимали друг друга с полуслова и старались больше времени проводить вместе. Товарищи практически не могли и дня прожить друг без друга. Но самое страшное – оба не могли прожить и дня без Дуняши.

Та, в свою очередь, страдала оттого, что не могла своё сердце отдать кому-то из них, и сердце делила на двоих. Эти два друга были, как один образ. Каждый из них дополнял другого. Об этом «любовном треугольнике» знал уже не только родной

хутор. Мать Дуни смирилась и принимала друзей, как своих сыновей. Мужа у Матрёны не было, и воздыхатели дочери помогали ей по хозяйству, лишь бы быть ближе к любимой. Меж собой о данной ситуации друзья боялись и словом обмолвиться, полагаясь на судьбу, – мол, жизнь всё расставит на свои места.

Зима прошла как-то незаметно, стороной. Никто и внимания не обращал на сугробы, заносы и морозы, как было в мирное время. Все ждали вестей с фронта. В хутор по одному стали возвращаться раненые казаки, а по два-три казака призывались взамен. К весне пришли и первые похорожки, которые оплакивали всем хутором.

Несмотря на общий траур в Прощенное воскресенье решено было всем хутором собраться на площади перед управой.

Посреди площади поставили большое чучело «масленицы», почему-то наряженное казачкой. Установили большие качели, карусели. Вкопали отёсанный, высокий столб с крестом, на котором болтались призы для смельчаков. Но самое интересное должно было произойти в начале праздника. Атаман решил внести изюминку в проводы зимы – организовать скачки. И главным призом была полная сбруя для коня: уздечка, недоуздок и нагрудник, украшенные медными начищенными бляхами. А главное, это казачье седло!

Узнав об этом, желающие участвовать в скачках казачата (потому что это была забава для молодёжи), за неделю посадили своих коней на овёс. За зиму кони отощали, и их нужно было привести в форму.

Тихон с Андреем тоже готовились взять знатный приз. Они просмотрели сбрую, сводили своих коней к кузнецу – перетянуть подковы. До лоска вычистили красавцев и кормили их, как на убой.

Дуняша, глядя на все эти хлопоты, смеялась и дразнила товарищей:

– Я, конечно, не атаман, но у меня будет свой приз на скачках. Я поцелую лучшего наездника, даже если это будет Петька Морозов! – смеялась она.

Это цепляло самолюбие ухажёров, так как Петька Морозов был самым никудышным во всем хуторе.

С утра, разминая коней, друзья отпускали повод, и кони летели галопом к Пьяному ерику. Так назывался родник под горой, где в старину якобы стояла винокурня. По другой легенде, под горой проходил прогонный тракт, и купцы любили отдыхать у родника, разбавляя вино ключевой водой.

Воронок Тихона сначала рвал вперёд, затем позволял Буяну идти с ним ноздря в ноздю, а к концу прогона и вовсе немного попускал. Это очень беспокоило молодого казака. То, что у друзей были лучшие кони, они не сомневались, но очень хотелось первому сорвать поцелуй любимой девушки.

– Андрей, а зачем тебе ещё одно седло? У тебя же новое! – донимал своего соперника Тихон.

– А меня Дуняша поцелует, а седло я другу подарю! – смеялся Андрей.

– Не надо, у меня тоже новое, – обиженно бурчал Тихон.

– Ну, прости! Один поцелуй на двоих не разделишь, – подводил итог друг.

На том и порешили. За поцелуй оба были готовы загнать своих коней...

В воскресенье хутор проснулся рано. Молодёжь, наскоро позавтракав, готовилась к скачкам.

Подтянув подпруги, Тихон вывел Воронка за ворота и, собрав сапоги в гармошку, лихо взлетел в седло. Молодой конь от неожиданности аж присел. Подбрав покороче повод, Тихон озорно свистнул, и конь, приседая, стал приплясывать, ожидая команду седока.

– Ну, ну, погодь! Не рви удила. А то у нас гутарят: кто с места в галоп, тот к финишу барки обделаает. А нам не оконфузиться, а взять приз надобно.

С гиканьем Андрей перескочил на Буяне через прясло и, натянув повод, как вкопанный, стал возле Воронка. Он протянул руки к Тихону и, в сёдлах, обнявшись, друзья попросили друг у друга прощения. За ворота на улицу вышла Дуняша с матерью.

– Тётъ Моть, прости нас за всё! – в один голос рывкнули конники.

– Бог простит, а мы с дочкой вас прощаем! – ответила за двоих соседка.

Казачки выглядели шикарно. Поверх плюшек⁶, раскинулись яркими цветами шали. Под цвет шалей красовались и юбки. На ногах поскрипывали кожаные сапожки на каблучках.

Друзья аж рты раскрыли. Принаряженная мать смотрелась не намного старше дочери.

Глядя на глуповатый вид своих ухажёров, не выдержала и невеста:

– Что рты раскрыли? Под венец еще не идём, – женишки не подросли!

Казачки, смеясь, взявшись под руки, пошли по дороге.

Натянув поглубже папахи, аккуратно объехав красавиц, друзья пустили коней.

В центре хутора был какой-то балаган. Дымились самовары, казачки угощали всех блинами, не забыв при этом налить и стопочку первача. Казачки, поделившись на компании, каждый себе под гармошку горланил песни.

Особливо, в стороне, выстроились три десятка молодых казаков на своих дончаках.

С крыльца управы, вытирая масляную бороду, спустился атаман. Подозвав есаульца, он отправил его на санях по дороге на край Верхнего Быка.

Выстроив всадников в шеренгу, атаман пошёл вдоль строя, проверяя сбрую коней и амуницию казаков. Шпор казаки не носили, боясь ранить своих коней, но плётка всегда висела на кисти правой руки.

После устранения всех замечаний, атаман объявил правила скачек. Нужно доскакать до есаульца на край хутора и, объехав его сани, вернуться назад, под арку.

Вынув наган из кобуры и подняв его над головой, урядник выстрелил.

⁶ Плюшка – женская одежда.

Казалось, что в хуторе начался конец света. Всадники с гиканьем и улюлюканьем рванулись вперёд, в надежде стать обладателем главного приза.

Казачки свистом и криком помогали своим родным всадникам. Три десятка подкованных коней подняли такую снежную пыль, как во время вьюги в январе. Не было возможности узнать всадников: кто спереди, кто сзади. Этот смерч шёл через хутор по направлению к есаульцу, который, увидев это явление, впрыгнул в сани, чтоб не затолкли.

На обратном пути всадники стали вытягиваться змейкой, во главе которой во весь опор летели, как на крыльях, два друга.

Кони шли ноздря в ноздю. Всадники скакали на укороченных стременах, старались перенести тяжесть своего тела на передние ноги коней, прижавшись к их шеям так, что папахи лежали на ушах скакунов. Под улюлюканье хуторян, арка приближалась со скоростью ветра.

Громче всех кричала и выше всех прыгала Дуняша, радуясь, что друзья идут вместе к финишу.

До арки оставалось около ста сажень, когда вдруг из толпы выскочил мальчуган, пытаясь перебежать на другую сторону дороги. Выскочил он со стороны Воронка, который не смог бы остановиться при всём желании. Тихон мгновенно оценил ситуацию и рванул повод вправо. Воронок не остановился, лишь отстранился от Буяна буквально на аршин, и кони прошли под арку, оставив стоять паренька посреди дороги. В следующее мгновение молодой казак подхватил ребёнка и вернул его в толпу к матери, чтобы не затолкли летевшие к финишу кони.

Вследствие случившегося буквально на три вершка Буян опередив Воронка, вошел под арку первым. Атаман был судьёй жестким, но справедливым. Никакие помехи не должны влиять на результаты казака.

Под рёв толпы, урядник объявил победителя скачек. Им стал Андрей Самофалов. Но героем дня оказался Тихон Любимов, так как спас жизнь маленькому казачонку.

Друзья спешили и прогуливали коней в поводу, – после скачки нельзя сразу останавливать скакуна. К ним подбежала Дуняша и поцеловала Андрея, на зависть другу. А затем чмокнула и Тихона в благодарность за поступок.

Андрей, смеясь, дразнил друга тем, что у него кроме поцелуя есть еще и седло.

Обтерев ветошью коней, и немного прогуляв их, казацата накинули на них попоны. Привязав призёров к коновязи, и взяв под руки свою подругу, они пошли гулять.

Молодёжь раскручивала карусели, на которых с визгом катались девчата. Но более ловкие парни пошли к столбу с призами. Столб был выскоблен до глянца, и смельчаки больше двух аршин от земли не поднимались. Наша троица тоже посмеялась над неудачниками.

Осрамившийся не удачным походом за призом Митяй Дёмин, не глядя на друзей, обратился к Дуняше:

– А что, красавица, не хочешь, чтоб твои ухажёры подарили тебе шаль шёлковую? Вон в том мешочке висит, – и ткнул в небо пальцем.

Андрей замахнулся на него, но Тихон остановил друга и заявил:

– А почему бы и не нет?!

С этими словами он расстегнул полушубок и передал другу. Затем снял рубаху и исподнюю рубашку. С голым торсом Тихон подошёл к столбу и объявил есаульцу, что хочет попробовать снять приз. К девятнадцати годам парень вымахал до гвардейского роста, был атлетически сложен, – никак не скажешь, что это неслуживый казак.

Поплевав на руки, Тихон с ловкостью акробата полез на столб. Без передыха он добрался до креста и, удерживаясь одной рукой за него, другой ощупывал мешочки с подарками.

Выбрав приз, он рванул мешок и скатился вниз. Дуняша визжала и прыгала от восторга. Все девчата с завистью наблюдали, как молодой атлет развязал мешок и, вынув шёлковый яркий платок, накинул его на плечи любимой. Та, в свою очередь, второй раз поцеловала Тихона.

– Слышь, Тиша, а давай седло на поцелуй поменяю, – с завистью заявил Андрей.

– Ага, если так дело пойдёт, ты и коня променяешь! – засмеялся соперник.

– Не дождёшься! Коня я ни на кого и ни на что не променяю. Нынче получается, что мой Буян – самый резвый в хуторе. А мне с ним в бой ходить... Поехали домой, коней в стойло поставим, а потом придём, догуляем...

Хутор гулял до полуночи, потому что на следующий день начинался Великий пост.

3.

Весной время покатилось быстрее. Не успел снег растаять в буераках, а на буграх уже зазеленела трава, пошли первые первоцветы. Запылила дорога.

Друзья сидели вечером на лавке за Дуняшиным двором и мечтали, как они летом в речке будут плескаться.

– Тиша, а вы не собираетесь в Шумилин на базар? А то мне к Пасхе принарядиться надо, – поинтересовалась девушка.

– А что, давай! Андрюха, я у бати Сивого возьму, в пролётку запряжём – и айда на ярмарку! Мне сапоги стали поджимать, батя денег на новые даёт. Там с Урюпина приезжают, готовыми сапогами торгуют. А то закажешь – и жди очереди, а на Пасху босиком пойдёшь в церковь! – рассудил Тихон.

– Мне то что? Сяду рядом – и поедем...

И друзья договорились встретиться с утра пораньше.

Только стало светать, а Тихон уже сидел в пролетке, поджидая Андрея с Дуняшей.

– Слышь, братишка, а почему ты в сапогах? Они же тебе жмут! Я думал, что ты в белых суконных носочках выйдешь, обутый в чирики, как дед Родя! – смеялся Андрейка, демонстрируя своё хорошее расположение духа.

– Сам ты, как бабка Фёкла, языком треплешь! Лучше скажи, как поедем? Через дубраву или низом, через луку? – обрубил болтуна товарищ.

– Поехали, Тиша, верхом, через дубраву, – там дорога песчаная, уже подветрило. Низом грязь, солонцы.

По песчаной дороге в гору конь с трудом вытащил пролётку. Зато по лесу сам перешёл на рысь. Дорога до хутора Шумилина пошла под уклон.

Лес начинал просыпаться от зимней спячки. Он наполнился птичьим разноголосьем. Под вековыми дубами раскинулись самотканые ковры из подснежников и петушков. Дышалось легко, – аж голову кружило. Компания, усевшись в обнимку в пролётке, молча наслаждалась природой.

Лес закончился, и пролётка вылетела на буруны. Извиваясь меж песчаных дюн, дорога выходила на прогон. Испокон веку по этому прогону гоняли скот со степи на север. После лесной красоты, путник чувствовал себе в этой пустыне, как голый на майдане. В низине сквозь туман показался хутор Гребенняковский, по которому вместо центральной улицы бежала речка Песковатка.

– Тихон, ты у нас книжек больше прочитал. Скажи, почему так хутор называется? – подначил друга Андрей.

– А бог его знает... Может, оттого, что по этим пескам из травы попадают только чабрец да гребенник, а после Троицы и те выгорают, – нашёлся с ответом ездовой.

– А как мы в Шумилин заедем? Где через речку переезжать будем? – донимал Андрейка

– Да прямо через Цыганов мост и поедем. А мост так называется потому, что загулявший цыган не уступил казакам дорогу, которые с мельницы ехали на гружёной телеге. Цыган им кричит «Поберегись!» и в лоб прёт. Они и «побереглись»: цыгана вместе с телегой скинули в речку, – подытожил Тихон.

Через полчаса путешественники въехали в хутор.

* * *

По воскресеньям в Шумилине проходили базары, на которые приезжал торговый и мастеровой люд как с Дона, так и с Хопра, с Воронежской губернии. Ежегодно 14 февраля, 28 апреля и 28 июня здесь проходили ярмарки, где главным предметом сбыта был живой скот. В зимней же ярмарке заметную статью составляла торговля мясом и хлебом. Хорошо шла торговля красными и бакалейными товарами, и, по отзывам торговавших, выгодно.

Путешественники, доехав до училища, повернули направо, где и проходило торжище.

Перед входом, над речкой под вербами, были вкопаны несколько коновязей. К свободному месту Тихон привязал коня, надел ему на морду торбу с овсом, похлопав по шее. Андрей с Дуняшей стояли у ворот, поджидая товарища.

Торговцы уже разложили товар по деревянным прилавкам, зазывая покупателей. Рядами стояли гончары, столяры, мануфактурный ряд, сапожники, отдельно – продуктовые ряды.

Дуняша сразу направилась к рулонам с материей – купить себе отрез. Тихон остановился у сапожника, а Андрей пошёл бродить по рынку. Он заметил в углу рынка торговцев конской упряжью и направился к ним. Рассматривая невесть откуда взявшееся здесь черкесское седло, он и не заметил, как рядом остановилось два казака, один из которых прихрамывал на правую ногу.

– О, Андрейка! Самофалов! – вскрикнул хромой казак и ударил по плечу знакомого. Парень резко обернулся и с улыбкой протянул руку.

– Здорово ночевал, дядя Митя, – поздоровался парень и молча протянул руку второму незнакомцу.

– Я слышал, ты на Масленицу отличился на Буяне? Да и друг твой на Воронке не оплошал... А я вам говорил: «Берите этих жеребят, отец у них – знатный жеребец, да и мать никогда сзади табуна не ходила». Это дело надо бы обмыть. Мы как раз в харчевню с Семёном шли перекусить. Ведь вам уж скоро и на службу на этих конях, – знакомец, причитая, обнял парня

за плечи, повёл к небольшой харчевне расположенной в углу рынка, у речки.

Дуняша, накупив себе отрезов материи на юбки и кофты, нашла Тихона, который никак не мог выбрать себе сапоги.

Ему на ногу легли две пары сапог. Одни были в гармошку, другие – с отутюженными голенищами – были подороже, но смотрелись побогаче. Денег хватало и на них.

– Дуня, подсажи мне, какие сапоги лучше! А то уж голову сломал с выбором, – попросил Тихон, протягивая обе пары девушки.

Та, не думая, указала на дутые сапоги:

– Бери эти, они богаче смотрятся.

Пока парень рассчитывался, Дуняша рассматривала женские сапожки.

– Тиша, смотри, какая красота! Я таких и не видывала: и мой размер, и под юбку... А деньги я все потратила на покупки. Мы с мамой на Пасху собрались в церковь...

Девушка держала в руках красные сафьяновые сапожки.

Взяв под мышку свёрток с сапогами, Тихон растерянно смотрел на Дуняшу, которая сейчас выглядела самой несчастной девушкой на свете.

Положив сапоги на прилавок, она взяла парня под руку и тихо молвила:

– Поехали домой...

Дойдя до ворот базара, глянув на пролётку, Тихон предложил:

– Ты, Дуняша, иди к пролётке, а я Андрейку найду.

К коновязи друзья подошли в обнимку, весело смеясь. Девушка лишь потом, когда все уселись в пролётку, поняла причину веселья. Андрейка был изрядно выпивши. Он балагурил и шутил. Дорога домой показалась намного короче. Когда спустились с горы и переехали через речку, Андрей на ходу спрыгнул с пролётки, заявив, ему нужно зайти к кузнецу.

Дальше Тихон с Дуняшей поехали одни. Они никогда наедине не оставались и чувствовали себя как-то неловко, хотя Тихон мечтал о таком моменте. После того, как Андрей простил-

ся с ними, Дуняша осталась сидеть посередине пролётки, правым плечом прижавшись к охмелевшему от счастья парню. Конь словно чувствовал своего хозяина и, зная дорогу, опустив голову, неспешно тащил свою ношу. Первой заговорила девушка:

– Удачная поездка вышла: мама будет рада таким покупкам. И я была бы рада, если бы не эти сапожки... Я даже и не представляю, как под новую юбку я надену свои, старые.

Парень, опустив вожжи, достал из-под ног свёрток и положил его на колени.

– Дуняша, если тебе не трудно, развяжи узелок и разверни покупку.

Ничего не понимающая девушка выполнила просьбу. Но, развернув пакет, она ахнула. Сверху на сапогах Тихона лежали точёные красные сапожки. Она взяла их в руки и прижала к груди. И только смогла выдать:

– А как же...?!

Но посмотрев на сапоги парня, она всё поняла.

– Ну да... Когда я пошёл за Андрейкой, то подошёл к сапожнику и поменял дутые сапоги на гармошку – они пополам дешевле. Да и сапожник уступил. Это он для своей дочери их сшил, а она выросла. А ты, с его слов, на неё похожа. Так и сказал: «Я уступлю для твоей любимой».

После сказанных слов Тихон почувствовал, что стал как будто проваливаться в преисподнюю, а в лицо кто-то плеснул кипятком. А после того, как девушка обняла его и поцеловала в губы, он и вовсе чуть не лишился рассудка. Видимо, из-за такого бесконтрольного состояния парень обнял девушку обеими руками и прижал к груди. Казалось, всё кругом замерло. Молодые сердца рвались наружу и пели песню любви похлеще соловьев. Дуняша, прервав сладкий поцелуй первой любви, не отстранилась от любимого, а прижалась к нему ещё сильнее.

Сколько времени они так просидели, один Господь да амуры знают. Но на улице стало уже темнеть, а умный конь мирно стоял под разлапистой вербой, ожидая команды хозяина.

Первый пришёл в себя Тихон и, нежно отстранив девушку, прошептал:

– Дуняша, может, домой поедем... Батя переживать будя, – коня надо в стойло поставить.

Словно проснувшись, девушка вздрогнула, повернула румяное лицо к парню и молча чмокнула уже несомненно любимого в щёку. Вечером решили не встречаться, довольно было приключений за день, да и, не откладывая, девушка решила начать с мамой портняжить.

Тихон с Андреем были последышами, младшими детьми в семьях. Женившись, им предстояло остаться в родительском доме – доглядывать родителей и вести хозяйство.

Поставив коня в стойло, повечеряв с родителями, Тихон вышел на улицу. По ночам заморозков уже не было, но и тепла Господь ещё не давал. Небо вывездило, показывая, что завтра день будет ясным. «А ясными ли будут наши отношения с Андреем? Сохраним ли мы дружбу? Ведь Дуняша мне сердце отдала... А он стал каким-то нервным, и секреты у него от меня появились. А тут ещё напился ни с чего, как будто почувствовал, что Дуня меня выберет», – размышлял молодой казак.

* * *

– Андрей, ты коня не хочешь размять?! – кричал у ворот Тихон, гарцуя на Воронке.

– Погодь, счас подседлаю... Ноня не коню, а седоку надобно проветрится, – больно дымка у шумилян кружаная!

Через пару минут Буян, перемахнув через прясло, галопом пошёл по-над горой к Пьяному источнику. Улыбнувшись, Тихон рванул следом.

Застоявшиеся кони рвали подковами весеннюю землю, аж селезёнки от напряжения ёкали. К источнику пришли ноздря в ноздю. Спрыгнув с коней, парни направились испить водицы. Утолив жажду, они уселись на поваленную вербину и молча смотрели на своих коней, мирно ожидавших седоков.

– Андрей, нам нужно поговорить по душам.

– А что говорить? И так ясно, что Дуняша тебя выбрала. Я это почувствовал вчера ещё с утра.

– И поэтому надрался, как сапожник?

– Да нет... Я вчера казаков из Гусынки встретил. Помнишь старшего табунщика Митяя Кошелева? Он нам с тобой помог коней выбрать. Я ему благодарен за эту услугу.

– Ну, это его работа – добрых коней растить в атаманском табуне.

– Да, он работает, а прибыль ложится в карман юртового атамана!

– Да брось ты, Андрюха! Это же не личные атаманские табуны, а казачьего общества... Вон, похоронки пришли с фронта. И кто вдовам да детишкам помогает? Атаман, с той же казны.

– Да ладно, хватит офицерье защищать! Казаки рассказывали, как на фронте они жируют, пока рядовые вшей в окопах кормят.

– Ну, это ж война, – всем нелегко!

– Ага! Кому – война, а кому – мать родна...

– Ладно, хватит лаяться... Так ты на меня не в обиде?

– Да брось, Тиша! Мы же братья-кровники! Али забыл? Я друга не променяю ни на девушку, ни на атамана. Будь они все неладны... А Дуняшу я, как и ты, люблю. И не осуждаю её за то, что она тебя выбрала.

У Тихона к горлу подкатил ком. Он не мог выдавить из себя слова. За такого друга он готов был отдать жизнь.

– Ты вот что, брат... Времена сейчас смутные настали. Война идёт. Нас не сегодня, завтра призовут. И мало ли что в жизни случится... Давай пообещаем друг другу, если что с нами случится, родных в беде не оставлять!

С этими словами Тихон встал и протянул другу руку.

Пожав друг другу руки, друзья крепко обнялись. Домой возвращались не спеша, как и раньше, непринуждённо болтая...

* * *

Дуняша с матерью жили душа в душу, как подруги. Секретов меж собой не держали. А посему, приехав с базара и хвалясь

покупками, дочь как на духу всё рассказала матери. Дослушав до конца, та, теребя платок, молвила:

– Ну, и слава богу, что всё разрешилось! Видать, время пришло. Парни оба хороши, но сердце не обманешь и ему не прикажешь...

4.

Ближе к Пасхе, погода установилась на удивление прекрасной. Стояли ясные, тёплые, солнечные дни. По ночам уже не примораживало, а земля дышала весной, распространяя по степи дивные запахи.

Ещё завидно управившись по хозяйству, Тихон зашёл к Поповым.

– Здорово дневала, Матрёна Ивановна!

– Слава Богу, Тиша... Люди ещё и не вечеряли, а вы уж на гульки собрались!

– А сейчас ночи коротают, тётъ Моть, не успеваем нагуляться! Вы завтра едете в церковь яички святить?

– Да нет, Тиша. Вы сами снесь освятите. Я приготовлю корзину. Дома святой водой умоюсь, да и разговеемся.

– Моя маманя так же сказала. Мы тогда на Сивом в пролётке и сгоняем в церковь.

– Аккуратней будьте. А то морозовцы разговееются раньше времени и невесту уведут.

– У меня её теперь только Господь заберёт!

– Иди уж, женишок! Вон, твоя суженая выглядит из куреня...

* * *

Друзья договорились ехать на ночную службу в Рождество-Богородицкую церковь. До Морозовки было ближе, чем до Шумилина.

Пораньше управив скотину и принарядившись, Тихон, поставив в передок корзину с продуктами и водой на освящение, выехал со двора.

За воротами к нему подсел Андрей, и они подъехали ко двору Поповых.

– Как настрой, братка? – обняв товарища, спросил Тихон.

– Ой, чует моё сердце, лихо я завтра прям с утра разговееюсь, братишка!

– Что-то ты зачистил с этим, Андрюха? Из кузницы не вылезает... Аль молотобойцем устроился?

– Понимаешь, Тиша, девушка для парня, как шора⁷ для коня. Ну, чтоб конь не шарахался по сторонам, а смотрел только вперёд. Так и ты... Смотришь только вдаль, как семью создать, а по сторонам тебе и не глянуть. Перед тобой – одна ненаглядная. А мир меняется на глазах!

– А что же в нём изменилось? Зима прошла, весна на дворе, это я вижу. Красота кругом, скоро соловьи запоют...

– Эх, хутор! Мой курень с краю. Люди меняются, они не хотят жить по-старому. Всё скоро поменяется...

– А что же поменяется? То, что нас на войну загребут?

– Да не только это. Люди хотят больше воли и справедливости.

– Тебе казачьей воли мало? Тебя не устраивает казачья справедливость?

– Не совсем устраивает, и не только меня. Вон, надысь Лукерья Щебуняева получила похоронку на мужа. И чё? А то, что в семье был только один пай у них. А теперь и того не будет. А на руках пятеро девчат осталось. А Лукерья виноватая, что казачат не смогла нарожать? Вот, и где справедливость? Даст ей атаман только сенокос для коровы, чтоб с голодухи не помёрли, да капуста в левадах, ну, может ещё половину пая, как вдове. И у неё только один выход: в четырнадцать лет, а то и ранее, девок замуж выпихнуть, чтоб не пухли от голода, – мол, свекруха откормит.

– Ну, это да... Но так было испокон веков. Таковы наши казачьи устои.

– Баста! Теперь их не будет.

– Ладно, будя шуметь, – атаман услышит, горячих всыплет.

⁷ Шора – деталь упряжи, наглазник.

– Придёт время, – и атаман своё получит...
– Эй, казаки, не возьмёте ли девицу под крылышко? – раздался со двора голос тётки Матрёны.

Парни замолчали, глядя широко раскрытыми глазами на появившуюся девушку. Один с завистью, второй с ревностью, но оба с любовью.

Первым из ступора вышел Андрей.

– Матрёна Ивановна, завтра на разговенье доставим ко времени. Вы уж наливочку приготовьте.

– Я тебе и первача налью, баловник, только дочку привезите...

Усевшись в пролётку, друзья со смехом удалились.

Казачка смотрела им вслед и крестилась:

– Слава тебе, Господи! Прости наши души грешные... Дай, Господи, счастья нашим детям. Не дай им сгинуть в пучине войны...

* * *

Церковь всегда объединяла человечество. Вера в Бога – это единственное, что так сближает людей.

– Здорово, односум!

– Слава богу! Дай расцелую...

– Здорово была, кума! Сто лет не видались... Совести у тебя нету, хоть бы в гости забежала! Чай, не на краю света живём...

– Прости, кума, закружилась с хозяйством. Ей-богу, забегу похристосоваться, – крой поляну...

– Эй, однополчанин, чаво морду воротить, как бык от борозды?

– Прости, брат, не разглядел! Дай обниму...

– Ишо год бы не повидались, чай и не признал бы!

– Да Бог с тобой! В окопах сколько вшей откормили...

– Ага! Если их всех в сотенный казан сгрести, да на огонь, хутор накормить можно бы было шулюмом! Ха-ха-ха!..

Так на Дону казаки всегда приветствовали в храмах и на кладбищах своих друзей, родных, однополчан.

В эту суматоху влились и наши герои. Они здоровались, обнимались, целовались. Этому всему был рад и батюшка, ведь приход – это одна семья. А каков поп, таков и приход.

Немного в стороне стояла морозовская молодёжь, и среди них, в шинели и фуражке, – атаманский сын, Мишка Бурьянов.

– Андрюха, постой с Дуняшей, а я зараз обернусь.

Подойдя к парням, Тихон со всеми поручался и протянул руку Михаилу. Тот с неохотой вытащил из кармана левую руку и пожал подошедшему. Тихон, здороваясь, посмотрел на правый карман.

– Всё, Тиша, отвоевался я, списали вчистую, – с этими словами служивый с неохотой показал правую руку. – Пошли в атаку, шрапнелью так окатило, все пальцы с шашкой и улетели. Благо, что хоть голову не сорвало.

– Прости, Михаил, не знал. Думал, на побывку прибыл.

– На побывку теперь не пускают. Только если в гроб, али на списание...

Тихону не понравился резкий тон раненого. Видать, тот был обижен на весь белый свет. Он развернулся и отошёл.

– Погодь, Тихон! – позвал Михаил. Ты это, не серчай... Я злой на всех, как собака. Мне теперь на завалинке дед Митяй цигарки крутит. Я у него учусь одной рукой козьи ножки заворачивать.

– Да ладно, я не в обиде.

– И вот ещё что... Я списки у батяни глядел на сводный отряд. Ты с Андрюхой на очереди на замену. Зная вас, атаманы решили обеих сразу отправить. А когда – один Бог знает. Может, через месяц, а может, и завтра. Война...

Обнявшись, как старые друзья, казаки пошли к церкви. Начиналась всенощная...

– Христос воскрес! Христос воскрес! – с этими словами батюшка шёл по рядам, под звон колоколов обильно поливая святой водой прихожан и освящая снедь.

– Господи, прости! Тиша, я до дома не просохну, с ног до головы вымокла!

– Дуняша, это же святая вода. И ты у меня святая. Теперь будешь одна святость!

Подхватив корзины, молодёжь поспешила к пролётке. Усевшись, Тихон снял пиджак и накинул его на плечи любимой.

– Укройся, поедем с ветерком. Матрёна Ивановна уж и стол накрыла и первач выставила... Да, Андрюха?

– Братка, ты меня удивляешь! Конечно, да!.. Но-о-о! Поехали!..

Передав родителям корзины с освящённой снедью, поставив коня в стойло, друзья пошли в гости разговляться.

Хозяйка не поскупилась для дорогих гостей. Посреди стола стоял запечённый в печи румяный гусь. На чашке красовались жаренные золотистые караси. Горкой на плетёном подносе лежали пирожки с разной начинкой, калачи. Ну и, конечно, без разносолов не обошлось. Рядом с гусем возвышался графин с наливкой и штоф чистого, как слеза, первача. По краям стояли четыре стопки.

Дуняша каждому очистила по варёному яичку и положила кусочек сала.

Хозяйка налила жирной, горячей лапши с гусиными потрошками и подала новые расписные деревянные ложки.

Андрей, не дожидаясь приглашения, налил рюмки.

Прочитав молитву, со словами «Христос воскрес!»⁸, «Воистину воскрес!»⁸, все уселись за стол.

Выпив по три рюмки, компания загомосила⁸, пошли тосты и здравицы.

– Да, ребята, давно у нас в доме так не гуляли, – с грустной ноткой заметила Матрёна.

Выпив ещё по одной, Тихон встал из-за стола и, помолчав, сжимая рюмку, заговорил:

– Сегодня я узнал новость, которая меня и огорчила, и порадовала. Огорчился я тем, что мы с Андрейкой стоим первыми в списках на замену...

У Даши со звоном упала вилка, а Андрей вскочил со стула и обнял друга.

⁸ Загомосила – зашумела.

– А что же у тебя за вторая, более радостная, весть?

– А то, что, уходя на фронт, мы не можем Дуняшу оставить без присмотра. И я решил, Матрёна Ивановна, заслать к вам сватов.

Теперь уже у хозяйки выскользнула из рук полная рюмка наливки и со звоном упала на пол.

Андрей молча взял из постова другую рюмку и, наполнив её, поставил перед казачкой.

– Ничего, рюмки к добру бьются, – выдавила из себя мать, глядя на дочь, которая сидела ни жива, ни мёртва, а у самой слёзы градом текли по щекам. То ли от счастья, то ли от радости, то ли от грусти о пролетевшей юности.

– Тётъ Моть, я не пойму: вы рады али нет моему решению?

Взяв себя в руки, казачка заговорила:

– Я, конечно, рада твоему предложению... Но огорчена тем, что жених моей дочери уходит на войну. А согласна ли дочь на твоё предложение?

– Да, мама, я согласная! – со слезами на глазах ответила Дуняша.

– Вот и славно! Давайте за это и выпьем... Ну, брат, ты не перестажь меня удивлять... Тихон-Тихоня!

* * *

Сватовство решили провести на Троицу. Но судьба сократила сроки...

В начале мая донскую степь можно смело сравнивать с раем. Старики говорили: «Никому не хочется умирать весной». А дед Прохор, которому давно перевалило за девятый десяток, кричал соседу:

– Эх-ма, мне б порошков где купить от глухоты! А то глазами вижу – всё цветёт, носом чую – всё пахнет, а весну ушами не слышу...

А весну нужно и глядеть, и нюхать, и слушать. В сочетании с цветущей природой её благоухание и трель соловья – это божественно во все времена!..

Андрей помогал товарищу по хозяйству. Когда пахали огород, то с двух сторон жерди с кольев снимали, чтоб лошадой с плугом до края прогонять. После того, как Тихон огород забороновал, отец попросил прибить жерди на место.

Забрав очередной пролёт, друзья уселись на зелёную травку – передохнуть в холодке. Солнце припекало уже по-летнему, и работники обливались потом.

– Тишань, чуёт моё сердце, скоро нас заберут на войну.

– Не исключено. У меня что-то тоже под ложечкой подсасывает. Ну, ничего, а то уже двадцатый год, а мы у мамки под подолом отсиживаемся.

– Да я бы ещё посидел хотя б вёсну! В приговорительный разряд с двадцати пишут, а нас уж давно записали. Вон, атаман нашего сын, Гришка, на год старше нас, а он его оженил, курень отстроил, и у того ни што не чешется...

– Как ты, Андрюха, атаманов да офицеров недолюбливаешь!

– А за что их любить? Вон, бывало, деды наши пойдут, басурман поколотят, привезут воз добра и дуванят⁹ по чести. Разницы не было, что походный атаман, что вдова с пятью малолетками. И жили все ровно, вон как у нас за пряслом, абы скотина не зашла на огород... А у нашего атамана – ворота тёсаные, да ещё и покрасил. Камыш и трёх лет не простоял, ан, нет – перекрыл курень, теперь под железом. А народ что – не видит, что ли? А какая разница – какая крыша? Абы не текла! А это он власть и богатство выпячивает...

– Да плюнь ты, брат, на всё! Гляди, сиделец галопом прёт по проулку. Как бы ни к нам?

Товарищи вскочили и побежали к воротам.

– Тпру, стой окаянный! – вестовой осадил коня у ворот Любимовых.

– Тихон, Андрей, готовьте на завтра проводы. А с утра на полезавтра – к управе, при всей амуниции.

Друзья переглянулись и обнялись. Сзади их во дворе уже запричитала мать.

⁹ Дуванить – делить.

Хозяин, казак крутой, прицыкнул на неё:

– А ну, притихни! Раньше времени дурёха загузынила! И, слава Богу, нечего тянуть. Вон, и утки твои не пропадут. А то на белый свет не вылазют, тают на глазах.

Мать с причитаниями ушла в курень, а отец сел перечислять гостей, чтобы никого не забыть, а то обидятся...

– Тиша, а что это батя за утят так на мать насатанился?

– Да это маманя самогонку варила на проводы да на сватовство побольше. А дрожжи с хмелем на отрубях затирала. Ну, выгнала как-то самогон, гущу хлебную жалко выбрасывать, она и выкинула в корыто утям. А батяня с осени оставил на гулянку с дюжину птицы. Хорошо их откормил. Они и наглотались этой гущи хмельной. Мать вышла во двор – и ну голосить! Все утята подошли и валяются на базу. Она крестится, мол, мор на них напал. На мясо побоялись рубить. А чтоб пух не пропал, она их и ощипала.

– И что?

– А то! Утром батяня выходит на баз, а там голые утки – знай, воду хлебают! Голые походили под солнцем и аж загорели – таять стали, жир по бокам течёт. Их батя в сарае теперь держит. Не столько от жалости, сколько срамоту людям показывать не хочет. И как чуть, так мать попрекает: мол, хозяину рюмки в жизни не поднесла, а птицу всю упоила!

Посмеявшись, Андрей пошёл оповестить свою родню, а Тихон зашёл к Поповым.

Матрёна сажала на огороде лук, а Дуняша доставала ведром воду из колодца, разливая её по каменным корытам для птицы.

– Дуняша, подь сюды, разговор есть.

– Что, Тиша, случилось?

– Призывают нас на службу. Завтра проводы.

У девушки ведро выпало из рук, обдав её водой. Но она, не замечая этого, кинулась казаку на шею.

– Ой, Тишенька! Как же так? Ведь не нагулялись, не намиловались мы с тобой ещё. И сватовства мы не дождались. И кем я тебе буду на проводах?

– Погодь, не сепяти,¹⁰ родная. Я батю скажу, вечером зайдём, семейно посидим, да и всё. Нечего гулянки закатывать, – война идёт.

– Ну, хочь так, – немного успокоилась молодая казачка.

Почувяв неладное, с огорода спешила мать.

– Что, Тихон, в армию? Я так и поняла, как увидела оглашенного есаульца.

– Тётъ Мотъ, мы это... Придём нынче вечером к вам на посиделки. Дуняшу по чести сосватаем.

– Да я не супротив, приходите как управитесь.

Поцеловав девушку, казак пошёл домой...

* * *

Вечерние посиделки не были похожи на сватовство. Бабы в основном утирали слёзы да сопли. Свадьбу решили отыграть по приезду казака на побывку.

Оставив отца на милость казачек, молодые потихоньку покинули курень.

Андрей на вечеринку не пришёл, заявив:

– Братка, мы с тобой ещё набудемся да навоюемся. Иди лучше невесту утешь...

Вечер был дивный. Луна светила полным ликом. Соловьи изливали трели, и запах черёмухи ранил душу, заставляя бешено колотиться сердце.

Влюблённые пришли на своё потаённое место у реки. Небольшая полянка у обрыва уже покрылась мягкой зелёной травой, как самотканым ковром. Внизу по камням, вплетая свою песнь в звуки ночи, журчала Песковатка.

Постелив пиджак, парень уселся и протянул руку девушке, которая с радостью приняла это приглашение. Сначала они сидели молча, обнявшись, наслаждаясь весной и друг дружкой.

– Тиша, у меня такое ощущение, будто я в сказке. Что нет войны, нет на земле никого, кроме соловьёв и нас.

¹⁰ Сепятить – спешить, торопиться, суетиться.

Парень развернул девушку к себе и нежно поцеловал. Она обхватила его за шею, прижимаясь всем телом, и вихрь любви захватил их, унося в поднебесье.

Очнулись они, когда соловьи стали затихать, и сумерки заползли в густые кусты.

– Тиша, хочь и уходишь ты в неизвестность, но я самая счастливая девушка на свете! Я буду ждать тебя верно, ведь за эту ночь я не только стала твоей невестой, но и женой. Господь простит нас...

Тихон обнял Дуняшу и поцеловал в щёку.

* * *

Как ни крутил Василий Павлович, а половина родни из приглашённых оказалась общей для двух дворов. Тогда он и его кум, Семен Карпович, посоветовавшись, решили провожать друзей вместе.

С утра пораньше под нож пошла живность. Возле пекарки¹¹ появилось с десяток стряпух.

Казачки, стянув с двух дворов доски, сбивали столы и вкапывали лавки на подворье Любимовых.

Из хутора уходило только два служивых, поэтому хуторяне, кто по приглашению, а кто и из уважения, прихватив бутылку первача, шли попрощаться с товарищами.

Крёстные отцы казаков досконально перетрясли сбрую и амуницию. Как говорится, «от нитки до иголки». Ведь всё «богатство» казака должно уместиться в перемётные сумы.

За столы уселись затемно, запалив фонари.

К Тихону прижималась невеста, прицепив к его груди бумажный цветок. По другую сторону от неё сидел Андрей с родителями.

С улыбкой уплетая томлёную в печи утятину, Андрей шепнул Тихону:

¹¹ Пекарка – летняя кухня.

– Чего тут шаровары протирать? Компания уж загомосила¹²! Служивых больно не жалуют: завтра на причастие – и пить нельзя. Давай отсюда по тихой грусти сбегать – без нас догуляют...

И молодёжь, как ветром сдуло.

– Ну, вы идите, помилуйтесь... А мне по делам нужно, – засовывая бутылку в карман, проговорил Андрей.

* * *

Наутро вся компания переместилась к управе. В хуторе проводы стали редкими. Провожать через год войны было уж некого. Все казаки были на фронте, бились с германцем.

Выслушав напутственные речи, расцеловав родных, казаки впрыгнули в сёдла и галопом с места понеслись по песчаной дороге в сторону станицы.

На молебен новобранцы попали в Казанский храм. На майдане после службы батюшка всех благословил на труд ратный, обильно окропив святой водой.

Затем и провожающие, и те, кто уходил на службу, смешавшись, пошли на переправу. По давней традиции новобранцы омыли руки и голову в воде и попросили у Дона-батюшки сил и мужества в походе. А провожающие выпили по чарке за каждое из трех желаемых событий: за благополучную дорогу, за успешную службу и за счастливое возвращение.

Последняя минута. Казаки снимают шапки, кланяются и крестятся...

Наплавной мост еще не был установлен после зимы, полая вода покрывала всю пойму, поэтому через Дон переправлялись на пароме. Приученные ко всему кони играли удилами, но стояли смирно.

Андрей снял фуражку и, повернувшись лицом к ветру, глядя на Задонскую гору, задумчиво произнёс:

– Эх, Тиша, увидим ли мы ещё раз родимую сторонку? Окунёмся ли ещё раз в донскую водицу?

– Да ну тебя! Нам бабка Фекся нагадала по сто лет жизни.

¹² Загомосила – здесь: засуетилась.

– Ну да, помню. В детстве, когда ходили к ней Христа славить. Ей очень нравилась наша побаска, когда читали мы её в один голос. Она думала, что мы родные братья...

– А мы и есть братья!

Паром ткнулся в правый берег, и казаки свели коней. До Коноваловой балки долетели мигом, там их поджидали с дюжину мигулинских казаков.

На второй день пути, ближе к ночи, призывники с Верхнего Дона прибыли для погрузки на станцию Чертково. По пути к ним в отряд примыкали казаки со всей округи. Так набралась сотня.

Погрузка в эшелон проходила ночью и в суматохе. По помостам новобранцы завели коней в вагон и поставили их в стойло, привязав повода от недоуздов к коновязи.

Справа в вагоне было четыре места для лошадей, а слева – нары, сбитые в три яруса. Посредине стояла печка, у стены – грубо сколоченный стол и две лавки.

Расседлав коней, Андрей с Тихоном покидали сёдла и сумы на нижнюю полку. Там уже разместились двое казаков с хутора Шумилина.

Урядник с фонарём заглянул в вагон и крикнул:

– Выходим, казачки!

Тихон потянулся за вещмешком, а Андрей, развязав свой, достал бутылку казёнки и шмыгнул к фуражиру.

Через минуту он вернулся с фонарём «летучая мышь»¹³ и заявил:

– Ну что, односумы¹⁴, в России поллитра решает всё! Остаёмся в одном вагоне. Занимай места получше. Сейчас сотня погрузится, и к нам поделят с дюжину казаков.

Все четверо расположились на нижней полке. Вместо подушек были сёдла, на солому сверху набросили потники¹⁵, застланные попонами, одеяло – казачья шинель. Вот и весь быт.

¹³ Фонарь «летучая мышь» – по названию немецкой фирмы, которая запатентовала первый ветроустойчивый фонарь с керосиновой лампой.

¹⁴ Односум – (казач.) товарищ в походе, однополчанин, сослуживец.

¹⁵ Потник – подстилка под седло.

Постепенно нары стали заполняться казаками. Последним зашёл урядник с большим медным чайником, который установил на печку.

– Что, казаки, умостились? Ну и слава Богу. Наш взвод разместился в двух вагонах, а между ними коней определили... Время позднее, укладывайтесь спать. Предупреждаю, кто будет громко храпеть, отправлю спать к коням. Они вас быстро уговорят.

В эту ночь громче всех храпел сам урядник, не давая заснуть своему взводу. Но усталость взяла своё...

* * *

– Казаки, подъём! Оправиться, умыться! Скоро станция. Завтрак, а точнее обед, вам подадут, господа.

И действительно, дневальные по вагону метнулись вдоль поезда и притащили казан с каким-то блюдом и пять бурсаков чёрного хлеба.

Умывшись из бочонка, который стоял у печки, казаки растопили буржуйку и вскипятили чайник.

Когда по котелкам разлили кушанье, то первогодки не могли понять, чем это их потчуют¹⁶.

– Привыкайте, господа казаки, к русским щам. А то наладились у мамани борщ хлебать наваристый, да с салом, перебитым в салатовке с чесночком, да со сметанкой! А это простые армейские щи. Капуста, мясо, картошка, крупы малешко, да муки, чтоб ложка стояла, вот и весь секрет. Хотя про армейские щи не скажешь, как мужики про своё блюдо кажут. А у них щи – хочь хрен полощи!

Казаки дружно захохотали.

Командиры старались с первых дней службы в подразделениях создать атмосферу уюта, братства, товарищества и солидарности. С шутками-прибаутками, но всё по уставу.

Подкрепившись, Тихон и Андрей занялись своими конями. Они вычистили стойло, напоили скакунов и задали им корм. А пока те с аппетитом похрустывали сеном, щетками почистили им бока.

¹⁶ Потчуют – здесь: кормят.

Так как коней поставили в стойло ночью, сразу после марша, то казаки тщательно раскрючовали¹⁷ копыта, удалив изпод подков грязь.

Переделав все дела, друзья опять завалились на нары. Но сон не шёл и под стук колёс все стали вспоминать дом и родных.

И тут, на удивление попутчикам, казак Плигин из хутора Шумилина достал двухрядку «хромку» и стал на ней перебирать клавиши.

– Ты что её лапаешь, как девку? Сыграй чего-нибудь! – зашумели казаки.

– Тише, погодьте. Ведь гармошка ласку любит. Её сначала приголубить надобно.

– Это те чё? Лошадь али корова? За ухом почешу ещё!

– Ну да! Была у меня любимая коровушка Зорька. И решили мы её продать, чтобы добавить деньжат и купить пару быков. Свёл я Зорьку на ярмарку. Продал за двадцать четыре рубля. А тут, как на грех, подвернулся какой-то заезжий шарлатан с гармошкой. Я всю жизнь мечтал о такой. Дядька Петро меня немного подучил играть и говорит: мол, у тебя слух, сам разыграешься. А он, зараза, дешевле двадцати двух рублёв не уступит. Ну и купил я гармошку, как в тумане... Сам не понимаю, как это я корову на инструмент поменял! К дому подхожу, а ноги подкашиваются от страха. Что, думаю, жене скажу? Сел я за воротами на лавку и стал играть страдания. Да так увлёкся, что и не заметил, как жена рядом уселась и слушает. Очнулся я, чуть от стыда не провалился. Прости, говорю, Валюша. Вот только два рубля от коровы и осталось. А жена у меня умная. Обняла меня за плечи и говорит: «Да чёрт с ней, с этой коровой! Сыграй ещё страдания...»

Хохот казаков заглушил марш славянки. Служивые сразу притихли, слушая музыку и песни земляка.

Тихон подсел к гармонисту и спросил:

¹⁷ Раскрючовать – расчистить копыта с помощью специального крючка.

– Володя, а знаешь ты песню про кукушку? «Я не забуду никогда последней встречи у опушки! Откуда в этой тишине взялась разлучница-кукушка?..»

Гармонист не спеша сложил меха и заявил:

– Песню эту я хорошо знаю, но с некоторых пор я её не пою.

Все дружно загалдели:

– Почему?

– Расскажи!

– Повесели!

– Хорошо... Хотел я отработать эту чертову гармонь. Стал по свадьбам ходить. Атаман узнал и пригласил меня в управу. И так в душу лезет, мол, наслышан, что ты хорошо играешь, слух у тебя хороший.

– И что? – я ему говорю.

А он: «Владимир Иванович, приезжает ко мне с ночевкой станичный атаман. Выпить он не любитель, только чаи хлебает. А вот песни попеть да послушать очень уж любит. Будь любезен, поприсутствуй при застолье, подыграй на гармонике!»

Ну, хорошо, мне не трудно, соглашаюсь.

Прибыл станичный атаман со свитой. Решили они на утренней зорьке на речке Песковатке уток пострелять, – они как раз на крыло становились. В ночь на берегу речки, ближе к хутору Обрывскому, распалили большой костёр. Накрыли знатную поляну под шатром и загуляли. А есаулец у нашего Нижне-Шумилинского атамана был то ли с прибамбасом, то ли контуженый. Но подшутить любил над всеми, не глядя на чины и возраст. Мне-то потом рассказали, чего он нагородил гостям...

Застолье было в разгаре. Наш атаман пошёл с местными казаками вентеря¹⁸ потрусить. А есаулец подошёл к одному из гостей и спрашивает: «Ну, как вам наш гармонист?» Тот в ответ: «Душевный». «И правда, у него что в душе, то и от души. Только каторжанин он – десять лет на каторге по сибирским рудникам. Жену приревновал и зарубил. У неё песня была любимая

¹⁸ Вентерь – рыболовная снасть, представляющая собой мешкообразную сеть, натянутую на ряд обручей.

«Кукушка». И теперь вот как потянет рюмок пять-шесть, начинает по жене тосковать. А как заиграет свою «Кукушку», его и перемыкает. Хватает топор и давай за всеми гоняться», – прогутарил так есаулец и ушёл к речке, к атаману.

А у меня была на очереди эта чёртова «Кукушка». Я её, ну, очень любил. Задушевная песня. Как затыну, так и проваливаюсь в тартарары. Не вижу тогда ни черта кругом. Ну, и заиграл: «Я не забуду никогда последней встречи у опушки...»

Короче, допел я песню, сложил гармонь... Глядь, никого нет, и костёр догорает. Я и решил дровишек подкинуть. Взял в руки топор, и тут «бабах» у меня за спиной дуплетом – типа, предупредительный выстрел. И в один голос: «Бросай топор! Руки вверх!» Я чуть со страху в штаны не наложил... Мы, конечно, потом до утра ржали, как кони. Но сначала было не до смеха... С тех пор я эту песню не пою.

А дуракам бы подумать: какая каторга?! Да ещё десять лет! Мне от роду – двадцать с хвостиком...

Под дружный хохот казак положил голову на гармонь и низким задушевым голосом запел: «Я не забуду никогда...»

5.

Обстановка на восточноевропейском (русском) фронте весной 1916 г. (по книге Л.В. Ветошников «Брусилловский прорыв»).

Выполняя свой стратегический план на 1916 год, германцы в феврале начали Верденскую операцию, предупредив и тем самым спутав все оперативные расчёты союзников.

Французские резервы быстро выдвигались в «верденскую мясорубку», и Жоффру приходилось добиваться помощи от своих союзников и, в частности, от России.

На восточноевропейском фронте к этому времени установилось относительное спокойствие. 19 февраля (3 марта) начальник французской военной миссии в России ген. По передал в Ставку телеграмму ген. Жоффра с просьбой принять все

необходимые меры для ослабления германского удара под Верденом.

Ген. Жоффри просил:

«а) произвести на противника сильное давление с целью не дать ему возможности увести с фронта какие-либо части и лишить его свободы маневрирования;

б) произвести безотлагательно на русском фронте подготовку наступления, предусмотренного совещанием в Шантильи».

Нажим французского империализма на Россию был настолько сильным, что начальник штаба верховного командующего вынужден был согласиться на наступление и ответить ген. Жоффри, что идут широкие перевозки войск для подготовки атаки на германцев.

Русская армия, не ожидая окончания организационных мероприятий, 5(18) марта 1916 года должна была начать операцию с наличными силами и средствами, нанося главный удар на фронте Двинск – р. Вилия. Так родилась Нарочская операция 1916 года.

Наступление, начатое 5-8 (18-22) марта войсками 2-й армии на участке между р. Дисенка и оз. Вишневокское и частью 5-й армии в Якобштадтском районе потерпело крах, хотя для нанесения удара и были собраны значительные силы и обеспечено превосходство (236 тыс. штыков против примерно 46 тыс. штыков) над немцами. Неудача явилась следствием из рук вон плохого управления войсками и недостаточной подготовки атаки. Всё это усугублялось неумением русского командования правильно оценить обстановку. Командование, разрабатывая операцию, не учло того обстоятельства, что в марте наступает распутица. В разгар операции такая распутица обратила всё пространство боёв в болото, покрытое водой, и до крайности затруднила передвижение войск и подвоз боеприпасов.

Не успела развернуться Нарочская операция, как Антанта потребовала новой подготовки России к активным действиям на своём фронте для участия в общем наступлении союзных армий...

* * *

Наши герои, оторванные от дома, шутя и балагурия в теплушках, не могли и представить, в какие события их закручивает водоворот судьбы. А от судьбы своей никуда не деться. И обмануть её удавалось лишь тому, кто шёл на предательства или сделку со своей совестью, и то ненадолго. Но казаки были людьми чести.

К началу лета 1916 года наши герои попали на юго-западный фронт. Основным противником казаков были австро-венгерские войска. К этому времени активных боевых действий не проводилось. Артиллерия, накопив силы, разбивала укрепления противника, а силами казачьих полков производился прорыв. Казаки уходили в тыл противника, круша его и выворачивая наизнанку.

Казачья сотня расположилась в неглубоком тылу, в роще. Расседлав коней и протерев им спины травой, казаки подвесили на их морды торбы с овсом.

– Что-то, Андрюха, давно нет весточки от родных...

– Тю, Господи, и двух недель не прошло, как письма получали!

– Да? А мне кажется, уж месяц прошёл...

– Это ты за Дуняшей скупаешь, и тебе день за три кажется.

– Наверное...

– Поглянь¹⁹! Разъезд наш скачет, как скаженные. И конь в поводу.

Спешившихся казаков окружили товарищи. Урядник, взяв под козырёк, доложил сотнику, что разъезд был атакован из засады превосходящими силами противника. Один казак убит.

Хлопнув нагайкой по сапогу, сотник вскипел:

– Твою же мать! Третье нападение за неделю! Опять драгуны?

– Так точно! Белые драгуны!

– Казаки, нужно отыскать их логово. Они действуют небольшими отрядами. И в основном ведут разведку у нас в тылу. Иначе они нас и ночью могут перерезать, как слепых котят. Разъ-

¹⁹ Поглянь – посмотри.

езды посылать слишком наглядно, а одного казака и второго в подстраховку – в самый раз.

Его взгляд упал на Самофалова и Любимова.

– Вот вы, казаки, и разомнитесь. Найдите мне стойбище этого чёртового Мамаю! А ещё лучше – прихватите языка. У нас есть хороший толмач. И язык их понимает, и кулак у него тяжёлый, – сгугарятся.

Андрей с Тихоном пошли готовиться в разведку. Просмотрев сбрую, они отстегнули от сёдел всё лишнее, а за голенище сапог сунули ножи. Из лагеря выехали в сумерках, предварительно расспросив, где происходили стычки с драгунами. Тихон ехал впереди, Андрей шагов за сто позади, подстраховывал.

Отъехав версты три, в лощине обнаружили рощицу, а на верхушках деревьев, как бы играли блики от огня. Подождав товарища, Тихон предложил план:

– Давай, Андрюха, я поеду вперёд, затем проберусь к лагерю ползком, а ты на краю рощи жди меня. И, если погоня, подстрахуешь.

– Хорошо, брат. Будь осторожней...

Чем дальше ехал разведчик, тем гуще становился лес. Впереди Тихон явственно видел блики костра. Он остановил коня, спешился, снял с себя карабин и саблю, приторочив их к седлу. Налегке казак заскользил меж деревьев. Нутром Тихон почувствовал, что враг рядом. Шмыгнув в тень разлапистого дерева, стал вести наблюдение.

Через несколько минут справа от себя он услышал речь на непонятном языке и обойдя стороной заслон, решил не оставлять врага у себя за спиной. В бледном свете луны разведчик рассмотрел двух солдат в синих кителях и красных шароварах. Они сидели спиной к лагерю и тихо переговаривались, держа карабины между ног.

Зайдя со спины, как тень, казак с ножом в руке скользнул к неприятелю. Во весь рост он поднялся сбоку от правого дозорного, полоснув по шее драгуна, сидящего на земле. Второй попытался вскочить, но нож уже вошёл в левое подреберье.

Вытерев лезвие о синий мундир, Тихон на кураже, как дикая кошка, заскользил к лагерю.

На поляне горело несколько костров, вокруг которых сидело около полусотни драгун. На кострах были установлены небольшие котлы, в которых готовился ужин.

Посреди поляны была установлена холщовая палатка, видать, служившая походным штабом и местом отдыха офицеров.

Коней поблизости не было. Вероятно, коневоды увели их до утра на попас.

Довольный результатами разведки, казак собрался под прикрытием кустов покинуть рощу. Но вдруг он услышал приближающийся топот коней. Видать, усиленный разъезд в количестве двух дюжин всадников, возвращался из разведки или из засады. Возможно, это были те, которые напали днём на казаков. Они были возбуждены и громко переговаривались.

То, что увидел Тихон, повергло его в шок. Передние драгуны, держа с двух сторон, вели в поводу... его Воронка!

Посмотреть на трофей из палатки вышли офицеры. Все восхищались красотой вороного коня, шерсть которого отливала чёрным блеском в свете луны. Один из офицеров подошёл к коню и похлопал его по шее. Воронок зафыркал и стал перебирать на месте ногами.

Белые драгуны мало чем уступали казакам в джигитовке, и офицер, схватившись за лук, взлетел в седло. Конь стал приплясывать под ним, приседая на задние ноги. Офицер, похлопав по прикладу карабина, громко смеясь, что-то выкрикивал. Драгуны вторили ему.

В это время в лесу раздался резкий свист, и Воронок, обернувшись на него, сначала встал на дыбы, затем опустился и высоко взбрыкнул задними ногами. Но, под дружное одобрение драгун, офицер удержался в седле.

Конь, не реагируя на команды наездника, закусив удила, полетел стрелой по направлению к лесу.

Офицер обеими руками вцепился в лук, бросив поводья. Возле кустов Воронок остановился, как вкопанный, заставив

вскрикнуть непрошенного седока, который со всего маха ударился причинным местом об луку. Не успел тот прийти в себя, как на круп сзади запрыгнул хозяин коня, который левой рукой обхватил пленника за пояс, а правой приставил к горлу острый нож.

– Воронок, домой! – последовала команда, и конь с места галопом полетел по лесу.

Драгуны сначала смеялись над неловким наездником, но, когда они увидели, что сзади примостился казак, понеслись выручать командира, плетками погоняя своих коней, уставших за день. Стрелять в беглеца они не решались, так как могли зацепить своего.

На выезде из леса, как пулемёт, практически беспрерывно, заработал казачий карабин. Драгуны один за другим стали падать с коней. Оставшиеся в живых, круто развернув коней, скрылись в лесу.

Андрей на Буяне во весь опор помчался вслед за товарищем. В лагерь разведчики прискакали вместе. Тихон быстро обрисовал картину, и сотник дал команду: «По коням!»

Белые драгуны и коней своих не успели пригнать с пастбища, как на них с гиканьем навалились казаки. Они, как бешеные, летали по лагерю, круша противника. В течении часа, разгромив лагерь наголо и прочесав лес, казаки возвращались с трофеями.

– Тихон, как же ты выкрал охвицера драгунского? – не унимались односумы.

Когда тот рассказал правду, сотня чуть не свалилась от хохота с коней.

– Тиша, твоя история чем-то напоминает мне цыганскую, – не унимался Плигин. – У конокрада-цыгана спрашивают казаки: «Эй, ромалэ, как ты украл коня?» – «Клянусь, ей-богу не хотел! Иду, а на дороге конь лежит. Я его хотел переступить, а он вскочил и поскакал со мной!..»

За удачную разведку товарищей представили к наградам, а Тихона еще и к первому званию.

Как-то вечером, помывшись после наряда, Тихон позвал товарища, но того в палатке не оказалось.

– Эй, Петро, Андрея не видел? – спросил он у дежурного по лагерю.

– Да он к пушкарям отправился. Они вон там стоят, в овраге. Знакомец у него там какой-то...

У Тихона после этих слов защемило в груди. Нет, казак не ревновал товарища к новым приятелям, но в его душе зародилось чувство страха и тревоги. Андрей стал мыслить по-новому, у него появились новые знакомые из других частей. Он писал письма не только домой, но и кузнецу хуторскому, Митяю-отарщику.

Как бы ни был неприятен разговор, но Тихон твёрдо решил поговорить с товарищем.

Взяв у фуражира охапку душистого сена, Тихон решил лечь не в общей палатке, а переночевать с другом под разлапистой сосной.

Стянув с ног сапоги, Тихон до хруста в суставах вытянулся во весь рост. Закрыв глаза, стал думать о любимой. Он очень скучал по Дуняше. Парень грезил о её ласках и безумно нежных горячих губах. Ему хотелось вдыхать запах кудрей любимой и слышать её щебетание.

– Подвинься. Разлётся, как барин! – подошедший тихо Андрей резким тоном вернул товарища «с небес на землю».

– А ты видел, как барин спит? – огрызнулся раздосадованный реальностью казак.

– Наслышан я про них, мать их так!

– Ты где блудишь, полуночник?

– Да к знакомцу ходил побеседовать.

– А мне ты ничего не хочешь рассказать? Я смотрю, у тебя от товарища секреты появились.

– А тебе это надо?

– Надо, Андрюха, очень надо! Беспокоюсь я за тебя... Ты мне брат кровный, али нет?

– Да брат, брат, – не гоношись! Расскажу я тебе всё, как на духу... Ещё дома я вступил в партию большевиков. И теперь у меня есть к ней обязательства. Вот я и хожу общаться со всякими людьми. Они тоже партийные, али сочувствуют нам.

– И что нужно этой партии по жизни?

– А хотят они, чтобы все жили на равных. Спали в таких постелях и на таких перинах, как барин. Ну, чтобы не было бедных. Чтобы охвицеры в зубы кулак не совали. Землю поделить всем поровну. И даже заводы отдать рабочим.

– Ох, ты и шибко хватанул! Кто ж тебе всё это отдаст на делёж-то?

– А мы и спрашивать не будем – сами заберём.

– А армию куда денете? Они же царю присягу давали.

– Тиша, это ты округ себя ничего не видишь. Армия, съедаемая в окопах вшами, хочь нынче готова царю глотку перегрызть. Окромь казаков, конечно...

– А ты супротив своих готов идти?

– Да, готов. Но и средь нас есть много сочувствующих.

– Так ты и в меня стрелять будешь?

Этим вопросом Тихон загнал товарища в тупик. Немного помолчав, Андрей нашёл в темноте ладонь товарища и крепко её сжал.

– Нет, брат. В тебя я стрелять не буду. Мы же клятву давали быть братьями. Это свято. Я выше нашей дружбы даже идеи свои никогда не поставлю. Даже ценой своей жизни. А ты?

– Вот дурак! И я, конечно, не буду. Мы же на крови клялись...

– Ох, Тиша, много я наслушался... Боюсь, не только брат на брата скоро пойдёт. Сын супротив отца пойти может. Ведь старики – за старые устои, а нам нужны новые.

С тревогой в душе оба долго молчали и думали о своём, прежде чем провалиться в крепкий солдатский сон. И что самое страшное, не война пугала их, хоть они лежали в версте от передовой и завтра могли погибнуть в бою. Их пугала душевная неопределенность, ответ на которую не на передовой можно найти, а где-то там, в родных куренях. Но прежде чем всё прояснится, много казачьей кровушки прольётся...

* * *

После завтрака сотня в пешем строю построилась на развод. Казаки стали повзводно. Урядники доложили подъесаулу о наличии личного состава. Приняв доклады, командир сотни довёл план мероприятий на день и определил наряды.

Младший урядник Любимов с девятью казаками заступил дежурить по лагерю, а взводный с остальным личным составом первого взвода стали готовить коней в разъезд. Окрестность была буквально нашпигована войсками, передовая рядом, и задача взвода стояла в недопущении проникновения разведки противника в наш тыл.

Задача дежурного наряда по лагерю состояла в дежурстве на пропускном пункте в расположении сотни. Второй скрытый пост находился со стороны леса. Также под охрану брались прилегающая территория, палатки с продуктами и с резервным вооружением.

Прощаясь с Андреем, Тихон предостерёг товарища от его лихой горячности. Тот, гарцуя на коне, посмеялся, – мол, как ещё окопную скуку разгонишь.

Остальная сотня отдыхала, но находилась в постоянной боевой готовности.

До обеда время пролетело быстро. Отобедав, свободная смена наряда с младшим урядником улеглась в холодок. Тихон, надвинув фуражку на глаза, мечтал о встрече с любимой.

Вдруг до его слуха донёсся приближающийся топот копыт. Тихон сразу вскочил и побежал к шлагбауму. И действительно, во весь опор летел казак первого взвода. Всадник ещё не доскакал до шлагбаума, а дежурный уже доложил сотнику. Навстречу вестовому бежали казаки и офицеры, на ходу затягивая ремни.

Раненый, в крови, казак только и вымолвил, что взвод попал в засаду.

– Сотня! По коням!

Во главе с подъесаулом сотня в считанные минуты ушла на помощь казакам. Каждая минута стоила чьей-то жизни.

Тихон дал команду наряду затянуть подпруги на сёдлах, карабинов из рук не выпускать.

Более двух часов от сотни не было ни слуху, ни духу. Заслышав топот коней, весь наряд выскочил на дорогу. Казаки ехали понурые на взмыленных конях. С десятка коней вели в поводу, со всадниками поперёк седла.

У Тихона подкатил ком к горлу от дурного предчувствия. Среди верховых Андрея не было. Когда сгрузили убитых и сложили их на разосланные попоны, друга и там не оказалось. Первым, с рассечённой головой, лежал взводный урядник.

В стороне, на песке, засучив рукав, перевязывал себе раненую руку Гладилин.

– Николай, куды Андрюха делся? Что с вами приключилось?

– Лопухнулись мы, Тиша, по самые... некуда. Едем колонной в разъезде, а из леса сбоку – раз, и выскочило около десятка белых драгун. И почти все охвицеры. Ну, думаем попались! А они разворачивают коней и наутёк галопом. Мы за ними в погоню. У самых сосен драгуны разворачиваются и на нас. Ну, думаем, сейчас вам всыплем. И не заметили, как из леса с двух сторон навалилась засада. Петра ранили, ну, рубака он, ясное дело, уж никакой, поэтому и вырвался за подмогой. А мы рубались до последнего, пока сотня не подошла. На Андрюху навалилось человек пять. Огрели по затылку плашмя и увели в поводу в лес. У нас у каждого на плечах было по неприятелю, а то и по два, не смогли отбить. Видать, за твоего охвицера да за их разгром мстят гады!..

Тихон не стал дослушивать рассказ односума, отошёл в сторону и сел под дерево. Внутри словно всё оборвалось. Не было ни горечи, ни сожаления – одна только злость. Злость на себя, что в трудную минуту не было его рядом с другом, что не смог подставить дружеское плечо, не протянул руку помощи. Злость на врага, которого он был готов рвать зубами.

К проходящему мимо сотнику казак обратился не по уставу:

– Мироныч, погодь! Отпусти меня, Христа ради, на денёк. Мочи нету сидеть тут в неизвестности.

– Не сепяти, Тихон. Дай оглядеться. Мы их опять хорошо потрепали, не придут ли они нынче с ответным визитом к нам. Да и взводного мы потеряли. Будешь пока за него. А завтра смешишься, посмотрим... Драгуны казака никогда не расстреляют. У них свой кодекс чести. Как самураи чёртовы, нагляделся я на это... Да, если что, и обменять можно на ихнего. Они знают, что за казака мы и трёх пленных отдадим.

Всю ночь Тихон не сомкнул глаз. Проверив посты, он сажился на пень и обдумывал, как выручить своего товарища из плена, если он, конечно, ещё жив. С его буйным характером не сможет Андрюха в темнице сидеть, глупостей натворит.

6.

– Мама, Борщовы письмо с фронта получили. Не знаешь, что Митяй пишет? Про наших ничего не прописывает?

– Дуняша, если бы прописал, Михайловна уж на прясле бы у нас висела. Как сорока стрекотала бы...

– Как там казаки воюют?.. Хорошо, хоть похоронок давно не было... Маманя, а ты слышала, что в Солонцах творится?

– Нет. А что там случилось?

– Да бабы в церкви гутарили, мол, у них Змей Горыныч в хуторе завёлся! Просто так его никто не видит, а как кому похоронка пришла, то на заре семья эта в небе видит змея огненного. А больше никто его не видит. Ладно бы одна баба помешалась, а то ведь всех убиенных этот поганец сопровождает.

– Так, хватит, доча, городить огород! Иди в хату. Я каждый день встаю ни свет, ни заря, а ни одного змея в небе не видала!

Дуняша не спеша встала и зашла в курень. Мать вслед перекрестила её и, вздохнув, пошла на скотный двор – управляться.

* * *

Наутро, сдав наряд, Тихон подошёл к сотнику:

– Разрешите обратиться, господин подъесаул?

– Ну, чего тебе ещё, Любимов?

– Никодим Мироныч, ну поймите меня, места не нахожу! Отпустите хоть на денёк. Я мигом обернусь, только разведая, чего да где. А потом за подмогой...

Смачно сплюнув под ноги, сотник рявкнул:

– Да знаю я тебя! Попрётся сам на рожон, и сгинут у меня два казака.

– Ей-богу, Мироныч, я аккуратно! Обыдённой обернусь!

– Ну, чёрт с тобой, Господи прости! Иди у урядника форму драгунскую получи, – может, это тебе поможет. Да не суйся, куда ни попадя!..

Счастливым, как гимназист, Тихон побежал готовиться в разведку.

* * *

Обязанные мягким войлоком копыта Воронка мягко ступали по хвое. Лес словно вымер, только неугомонная сойка иногда окликалась в стороне, но пока присутствие разведчика никто из лесных жителей не выдавал. Конь вёл себя спокойно и уверенно, он быстрым шагом шёл вперёд, всадник думал о своём. Он был уверен, что найдёт друга. Ведь и на расстоянии товарищи чувствовали родную душу. В том, что Андрей жив, Тихон не сомневался ни на минуту. Но его могут пытаться, а неумный характер друга не потерпит этого, и тогда тот наломает дров.

С небес на землю разведчика спустил конь, который, как вкопанный, остановился у вековой сосны и, раздувая ноздри, топтался на месте. Казак, похлопав левой рукой Воронка по шее, правой потянул карабин за приклад из-за спины. Вокруг была такая же тишина, но, глубоко вдохнув терпкий сосновый воздух, Тихон различил еле уловимый запах дыма.

А вот и гнёздышко неприятеля...

Толкнув каблуками коня под бока, казак тронулся вперёд. Он понимал, что где-то должен быть пикет. И он не заставил себя долго ждать.

– Хальт! – прозвучало в тиши.

Казак знал, что это переводится, как «стой», но его охватил кураж. Он помахал драгуну рукой и направился в его сторону.

Офицерская форма ввела австрийца в смятение. Держа винтовку на перевес, он вышел из-за дерева. Широко улыбаясь, Тихон незаметно извлёк из рукава нож и, подъехав поближе, метнул его в неприятеля. Драгун выронил винтовку, хватаясь за горло.

Быстро оглядевшись, казак увидел ещё одну винтовку у ствола дерева, а из кустов с хрустом вылезал напарник.

Увидев офицера на коне, тот вытянулся в струнку, но резкий удар прикладом по голове заставил его расслабиться и рухнуть к ногам Воронка.

Спешившись, Тихон осмотрелся вокруг, вытянул из штанов драгуна ремень и связал ему руки. Затем он снял ремень с убитого и связал пленнику ноги. Посадив спиной к дереву, начал резко хлестать его по лицу.

Драгун, придя в себя, хотел закричать, но, увидев в руках Тихона окровавленный нож, закивал головой и замолчал.

Общий язык они нашли быстро. Казак медленно произнёс, подтверждая жестами:

– Обманешь – зарежу...

В ответ пленный до хруста в шейных позвонках замотал головой.

Не спеша отрезав клоч мундира, Тихон скрутил тугой кляп и засунул его в рот своего собеседника. Хотя по выражению его глаз, это было лишним.

Из спутанного рассказа пленного стало ясно, что остатки летучего отряда в количестве трёх десятков драгун базируются в доме лесника, откуда они совершают свои вылазки. Здесь сплошной линии фронта не было, и отряд чувствовал себя безнаказанным. Он был создан по типу наших партизанских отрядов.

Тихон оставил Воронка в орешнике. Он связал вместе трофейные шашку и карабин, забросил их за спину. Свой же взял на изготовку и стал пробираться в логово неприятеля...

Увлёкшись погоней, а затем и боем, Андрей ничего не замечал кругом, кроме синих мундиров. Он рубал направо и налево, вся форма была забрызгана кровью.

Вдруг, словно громом, его что-то шарахнуло по затылку. Всё вокруг окрасилось в розовый цвет и поплыло перед глазами. Затем наступил кромешный мрак.

Возвращалась память с трудом, с острой болью в затылке, которая отзывалась во всех конечностях. Казак собрался с силами, открыл глаза и неторопливо стал поворачивать голову. Он начал лихорадочно растирать руки, ноги, голову, восстанавливая кровообращение. Боль стала постепенно уходить, и сознание возвращалось. Андрей понял, что его в бою оглушили, и он попал в плен. Перевернувшись на живот, он дополз до стены и стал буквально ощупывать помещение руками. Это был рубленый из кругляка сарай. Сквозь единственное пыльное и зарешеченное окно едва пробивался свет далёких звёзд. Дверь снаружи была заперта. Даже пол был застлан толстыми деревянными плахами. Выход только один – через дверь.

Пока было время, казак начал делать силовые упражнения, заставляя сердце сильнее колотиться и быстрее гонять кровь, восстанавливая силы. К рассвету его молодой, здоровый организм практически был готов к новым приключениям.

Андрей вспомнил своего товарища, представив, как он там убивается из-за его пропажи. «Не наделал бы глупостей», – подумал казак, зная норы Тихона.

Немного успокоившись, Андрей вытянулся на полу и задремал.

Сквозь сон он услышал, как открылась дверь, но подниматься не стал. Вошедший попинал его по подошвам сапог, поставил что-то на пол и вышел, заперев дверь.

После того, как стукнула дверь, Андрей открыл глаза и увидел рядом с собой два котелка. В одном была каша с мясом, и сверху лежала краюха хлеба, а в другом – вода.

– Ну что ж, спасибо, подкрепимся.

Он с удовольствием буквально проглотил завтрак и запил водой.

Опять вытянувшись на полу, стал размышлять:

– Если так будут кормить, не исхудаю. А что дальше? Если это диверсионный отряд, типа партизанского, то они в основном шакалят по ночам, а потом полдня отсыпаются. Вот отдохнут, пообедают, да и займутся мной, выбивая сведения для ночного налёта. Значит, у меня ещё есть время на размышление...

При дневном свете, который слабо проникал через запылённое, зарешеченное окно, Андрей повторно осмотрел помещение, убедившись, что выйти можно только через дверь.

– Кто же мне её откроет? Конвойные, расстрельная команда или друзья-товарищи?

Он опять лёг на пол, неизвестно для чего накапливая силы.

Тихон, словно уж, полз между деревьями на выручку товарищу. Со слов драгуна он знал, где держат Андрея. Расстреливать его не собирались, а хотели отправить в тыл, в расположение части, чтобы похвалиться пленным казаком.

«Нет, ребята, негоже обижать нашего брата. В казаках силен дух товарищества. Казаки не оставляют в беде своих, приходя к ним на помощь», – рассуждал про себя разведчик.

Обходя по кругу подворье лесника, казак спустился на дно ручья и потянул носом до боли знакомый запах.

– Да это же конским навозом пахнет! Конюшню они здесь устроили!

Все лошади находились в загоне, жерди которого были прибиты прямо к деревьям. Посреди загона протекал ручей.

– О как! И водопой не нужен. Задал овсеца, кинул сенца – и иди спать! Хорошо устроились...

К своему удивлению Тихон не обнаружил ни охраны, ни коноводов. В голове моментально созрел план побега. Он подкрался к коновязи, на которой была развешена сбруя.

Это казак мог сутками не есть или в седле перекусить всухмятку, а драгуны – «голубая кровь». Им подавай обед на тарел-

ке, и чтобы был обеденный перерыв. Этим правилом этикета и воспользовался донской казак. Он дождался, когда обед закончится и все разойдутся по палаткам. Возле двери сарая, на пеньке дремал часовой. Встав во весь рост, поправив свой драгунский китель, казак смело шагнул к сараю, который стоял на отшибе. Ничего не понимающий драгун вытянулся перед офицером. Андрей показал пальцем на дверь, охранник повернул голову, и это движение было в его жизни последним. Кулак казака с хрустом приложился к виску, и служивый рухнул, как подкошенный.

Вынув чеку из петли, Андрей толкнул дверь и, споткнувшись о порог, влетел внутрь. Это его и спасло. Над головой пролетела оглобля и ударила о косяк. Так пленник решил встретить своих новых хозяев.

– Твою в дышло мать! Андрей!

Бросив увесистый дрын, товарищ бросился спасителю в объятия.

– Всё! На, держи!

С этими словами Тихон сунул товарищу в руки свёрток. Быстро развязав его, Андрей перекинул португею от шашки и передёрнул затвор карабина, накидывая на плечо патронташ.

– Тихо! За мной...

Товарищи практически кубарем свалились на дно оврага, отвязали заранее оседланных коней и, оторвав жерди от сосен, стали выгонять табун вниз по ручью. Застоявшиеся кони с места галопом пошли по балке. Проскакав с полчаса, въехали прямо в мелководную речку. Воды в ней было с четверть, дно в основном песчаное, участками вперемешку с мелкой галькой.

– Андрей, я знаю эту речку: она сейчас заворачивает вправо и протекает недалеко от нашего лагеря. Там ещё большой выступ с берега.

– Слышь, Тиша, тебе эта картина ничего не напоминает?

– Да как не напоминает! Аж сердце защемило... Особо вон там, когда вода прямо меж кустов и деревьев бежит. Ну, прямо Песковатка!

– Ага! А там за поворотом Дуняша на коромыслах ведра не сёт...

– Да ну тебя! Все перевернёшь вверх тормашками...

Казак замолчал, думая каждый о своём, но держа карабин на взводе и поглядывая на кусты, – по драгуну могли и свои шархнуть...

Кони шли по воде, высоко поднимая ноги. Живительная влага возбуждала их, и они быстро дошли до знакомого выступа. Просека привела прямо к лагерю.

Не успели «отарщики» и опомниться, как были окружены со всех сторон казаками, оцетинившимися наголо пиками и шашками.

– Господин подъесаул! Да это же наша пропажа нашлась. Да ещё и с приданным! Заявились сваточки...

– Любимов! Твою на милость! Мы же могли вас перестрелять!

И тут до Тихона дошло, что он в драгунском кителе. Да и топот полусотни коней из леса ничего хорошего не сулил. Поэтому и поднял сотник казаков в ружьё.

– Ну, простите, господа казаки, что заставили поволноваться. Не догадался я китель с шароварами снять и явиться к вам в исподнем белье. Засмеяли бы... Ничего, господин подъесаул, это хорошо, что сотня под седлом. Надобно к пешим драгунам в гости наведаться. Больно они нам задолжали.

– Ладно уж, веди, герой!

Казак с хохотом и гиканьем ушли за проводниками.

Такого подвоха от казаков драгуны не ожидали. По поводу побега пленного в лагере царил переполох. Но о том, что был угнал и табун, они и думать не хотели. Лошадей искали по лесу.

Казак на лагерь навалились с двух сторон. Неприятель не смог в пешем строю организовать оборону. Драгуны в лесу спасались бегством. Но синие мундиры там были слишком приметны и мало кто смог остаться в живых.

Больше всех лиходейничал Андрей, разыскивая здорового с красным лицом и рыжими усами драгуна. Но тот как сквозь землю канул.

Вечером при разборе налёта, сотник заявил:

– Любимов, я сначала сомневался, назначать тебя на взводного али нет? Но теперь уверен, что ты и меня подменишь, хлоп чего. К награде и очередному званию рапорт подам...

Но для Тихона самой большой наградой был рядом стоящий товарищ, невлащенный²⁰, как новый алтын. Не меньше было радости, когда в лагерь пришёл Воронок. Хозяин и не сомневался, что умная животиная найдёт дорогу, но беспокоился за боевого товарища не меньше, чем за друга...

Будут потом и другие геройские дела, где казаки проявят не меньше храбрости и отваги, чем в этом бою...

Наговорившись вдоволь у костра, товарищи улеглись за полночь. Но сна не было у обоих. Они молча рассматривали звёздный небосклон, думая каждый о своём.

Тихон очень любил Дуняшу и скучал по ней. Он помнил запах ее волос, все черточки на теплых ладонях, каждую её родинку и милые морщинки у губ, когда она улыбалась. Как она там без него? Сердце у казака ныло, как будто в ожидании беды.

У Андрея же мысли были иного характера. Он смотрел дальше своего плетня. Парень мечтал, как после войны в стране грянут перемены. Будет построено справедливое общество без бедных и богатых. Все будут равны меж собой, трудясь на благо государства. Общую картину он вырисовывал, в частности, на примере своего хутора.

Ну, раздадут землю всем в достатке, будут все трудиться на ней до седьмого пота. А земля-то не одинаковая. Кому суглинок достанется, кому супесь, а кому и чернозём один. И получается, один сдаст государству сто пудов, а другой десять. Тоже несправедливо. А с другой стороны, работали-то на равных... Фиг там, на равных! Да разве можно заставить Митьку Борщова работать так, как Федот Дёмин? Да ни в жизнь! Митяю абы сто грамм, да на балалайке побренчать. Да...

– Тиша, ты спишь?

²⁰ Невлащенный – новый, не бывший в употреблении.

– Нет, а что?

– Да муторно мне как-то. Вот с людьми гутарю, – вроде, всё понятно про новую жизнь. А как начинаю её примерять на свой хутор, то не всё ладится. Ну, уберём мы атамана, а кто вместо него за порядком глядеть будя? Забудят казачки. Им твёрдая рука нужна у власти, – послаблять нельзя! Вот и получается, что опять нужно шашкой да плёткой махать...

– Да ты, братец, так и умом тронешься! Видать, дюже тебя огрели по затылку. Ведь к этому устройству человеческого общества люди шли сотни лет. А вы – бах! За один день – и всё по-новому? Неправильно это.

– Ладно, спи. Дневальный по времени, как кочет²¹, поднимет...

* * *

– Дуняша, вставай! Хватит дрыхнуть. Ишь ты, соня какая!

– Маманя, да ты что... На улице вон, только забуланело²². Куда ты в такую рань меня гонишь?

– Я уже и корову подоила, и пышек напекла с мёдом. Благо, что Медовый Спас прошёл. А сегодня с утра мы пойдем яблочки святить. Грех, доченька, на Преображение Господне свечку за здоровье родным и любимым не поставит. Яблочек заодно посвятим. Богу помолимся, на людей посмотрим.

– Ну, так бы и сказала. Я сейчас враз соберусь...

Матрёна Ивановна уже оделась, собрала волосы на затылке в узелок и надела на них шлычку²³.

Дочь заплетала косу перед зеркалом.

– Дуняша, ты тоже или шлычку надень, или платком покройся. Хоть и не замужем, а просватанная уже. Нечего на людях простоволосой ходить, – пересудов не оберёшься.

– Да я и шлычку надену, и платок накину. Всё едино в храм заходить покрытой надобно.

²¹ Кочет – петух.

²² Забуланело – начало светать.

²³ Шлычка – казачий головной убор.

– Вот и хорошо. Я в корзину яблок наложила, слив и груш кинула.

Казачки открыли калитку, выгнали корову на улицу и сами вышли следом.

– Здорово ночевала, Ивановна!

– Слава Богу, сваха! Трофимовна, ты пужни нашу кормилицу в табун, а мы в Морозовку на службу ходим.

– Хорошо, сваха, только занеси хоть одно свяченное яблочко – нам с мужем разговеться.

– Занесу и яблочко, и груш, и слив...

Мать с дочкой свернули в проулок и пошли через левады к кладке. У речки в низине застряли клочья тумана, и повеяло сыростью.

– А зябко уж по утрам, маманя, – поёживаясь, дочь пробежала по брёвнам на другой берег.

Времени до службы было достаточно, и родные души по дороге шли неспеша, разговаривая о своём, о женском.

– Мама, когда уж эта чёртова война закончится? Я так по Тихону соскучилась, мочи нету!

– Потерпи, родная. Всем сейчас тяжело. Вон сколько семей похоронки получили! А мне так кажется, что эта чёртова война и к нам в окна заглянет...

Прихожане уже поднимались в гору к церкви, когда прозвучал первый удар колокола к заутрене. Поправив платки и перекрестившись на образ Пресвятой Богородицы, казачки вошли в храм.

Людей в храме было битком. Все усердно молились и думали, естественно, только о родных, которые воевали на фронте, в изобилии ставя свечки за здоровье.

После службы толпа практически вынесла Дуняшу с матерью на улицу. Глубоко вдохнув свежего воздуха, они стали среди прихожан, и батюшка, проходя с молитвами, освятил их и принесённые ими фрукты.

Домой шли в приподнятом настроении, с чувством выполненного долга. Ведь они поставили свечки за здоровье Тихона и Андрея.

– Дочка, а ты заметила, как атаманский сын тебя глазами буравил?

– Мишка, што ль? Да чёрт с ним! Сдался он мне...

– Не жалеешь, что отшила его?

– Да ты что, маманя? Да он Тише и в подмётки негод! Самато глазки дядьке Серёге Шурупову строила, как молодущка... Я видела, как ты три яблочка под образа положила... Мама, а что ты читала, когда яблоки рвала?

– Вот ты любопытная Варвара! Ну, меня этому твоя бабушка учила. Она говорила: «Как почувствуешь, что тебя силы покидать стали, на Яблочный Спас рано утром по росе рви яблоки с яблони и приговаривай: «Твою молодость себе забираю, новую жизнь я теперь начинаю». Две недели яблоки под образами полежат, а затем их нужно выбросить со словами: «Спасибо, матушка-природа за помощь твою! Благодарю тебя за дары твои! Аминь».

– И что будет?

– А ничего. Завтра встану утром бодрая и весёлая. И уставать меньше буду.

– Так недолго и заневеститься!

– Да ну тебя, Дуня! А чего? Я и не супротив...

– Мама, мы как будто бы не на службе были, а Бог знает где!.. Казачки под руку шли, смеясь, домой.

7.

А наши герои в осень со всем Юго-Западным фронтом перешли к позиционным боям. Немцы смогли нарастить в Австро-Венгрии свои войска и сдерживали продвижения русских сил. В основном, работала артиллерия. Пушкам позадирали стволы вверх, подкладывая брёвна под колёса, и палили день и ночь, получая железки в обратку. Так и встретили зиму...

«Русская армия готовила наступление на Юго-Западном фронте, обращённом против Австро-Венгрии. Союзники считали, что в марте – апреле 1917 г. их армии в целом будут го-

товы к наступлению. Начштаба Ставки В.И. Гурко считал, что русский фронт не сможет наступать, пока не закончится начатая реорганизация, и что ранее 1 мая (по новому стилю) армия не будет в состоянии провести крупные операции. В том случае, если это сделают союзники, она будет вынуждена ограничиться второстепенными операциями для того, чтобы удержать на месте австро-германские силы.

В 1917 г. старой кадровой армии, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы с революцией в 1905-1907 гг., уже не было. Представитель британской военной разведки в Петрограде подполковник Самюэль Хор 20 января 1917 г. отправил в Лондон свой анализ сложившейся в России ситуации и возможных выходов из неё: «По моему мнению, возможны три варианта развития событий. Дума или армия могут провозгласить Временное правительство. Я сам не думаю, что это произойдёт, хотя эти события гораздо ближе, чем можно себе представить. Во-вторых, император может отступить, как он отступил в 1906 г., когда была установлена Дума. В-третьих, всё может продолжаться дрейф «от плохого к худшему», что и происходит сейчас.

Вторая и третья альтернатива кажутся мне наиболее возможными, и из этих двух, по моему мнению, наиболее вероятной является третья».²⁴

* * *

Революция прогремела через месяц.

Находясь в эмиграции, В.И. Ленин в своих выступлениях перед швейцарскими молодыми социалистами указывал, что в России революционеры идут правильным путём, что возможно старожилы этого движения и не доживут до прихода к власти, а вот молодёжь увидит этот день. Но российские либералы февральскими событиями 1917 года удивили даже большевиков. В тот момент партия большевиков находилась на тре-

²⁴ Журнал «Живая история», цитата из статьи О. Айрапетова.

тем месте по численности среди социалистов. Наиболее влиятельными были эсеры.

События в стране развивались с геометрической прогрессией, набирая мощь, как лавина.

* * *

В казачьих войсках влияние большевиков было ничтожным. После того как Временное правительство отстранило от исполнения обязанностей походного атамана, казаки посчитали, что новая власть может позариться на их права. На Юго-Западном фронте была создана казачья партия. В частях стали формировать казачьи комитеты, в состав которых входили наиболее авторитетные офицеры с фронтовым опытом.

На передовой было относительно спокойно. Ни казаки, ни немцы не провоцировали друг друга. Вероятно, даже противник был шокирован событиями в России. Они ждали, когда страна развалится, помня слова первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя!»

Нажитые за сотни лет моральные и духовные русские ценности рушились буквально на глазах.

Война была изнурительной, она изматывала казаков на фронте и их семьи на Дону, и под конец совсем опостылела. Усталость казачества становилась заметнее, все больше людей задумывалось о целях этой войны, ее справедливости и несправедливости. В казачьи части начала проникать антивоенная революционная пропаганда. Коснулась она и наших героев...

* * *

– Хорунжий Любимов! К сотнику зайди, – раздался голос дневального снаружи.

Тихон нехотя сел на топчан и потянулся за портупеей.

На улице было по-весеннему тепло. Только сырой ветерок заставлял поёжиться.

Сотня на передовой оставила только кордоны, а сама расположилась в лесу. Казаки – народ домовитый: они обустроили себе соответствующий быт, накопив землянок, благо леса было в избытке.

Получив офицерское звание, Тихон разместился в командном блиндаже. Но отношения с Андреем у него не изменились. На это даже сотник закрывал глаза, хотя субординацию соблюдали все. Андрей не обижался, наоборот, был рад за товарища. У него дел в связи с последними событиями прибавилось. Местность была буквально нашпигована войсками, и у него везде были свои товарищи или единомышленники.

Подойдя к двери штабной землянки, Тихон постучался и попросил разрешения войти.

– Заходи, Любимов. У меня к тебе поручение есть. В штаб дивизии приезжает представитель фронта. Будет информационное совещание. Нужно просто послушать, чем они там дышат, и пересказать мне.

Увидев удивленный взгляд хорунжего, добавил:

– Сегодня у нас тоже запланировано мероприятие. Будем комитет избирать. Сам понимаешь, кого выберут, с теми нам и воевать. Чтоб не путались под ногами, а помогали.

– Будет исполнено, Никодим Мироныч.

– Ну, иди с Богом.

Сотник вынул ноги из таза, залитого кипятком, вытер их насухо и надел вязаные пуховые носки.

– Ну вот, повоюем ещё, – задумчиво произнёс подъесаул, кутаясь в шинель...

* * *

Штаб дивизии располагался в здании какой-то швейной фабрики. Желающих послушать представителя фронта было предостаточно, поэтому никто переклички не вёл, а просто пригласили всех в большой нетопленный зал.

Полковник долго объяснял, что в стране возникла необходимость в переменах, и что, возможно, это ускорит подписание мирного договора. Говорил о необходимости поддержа-

ния служебной дисциплины. Всем это порядком надоело, и кто-то из зала предложил провести лекцию солдатам.

Помолчав, полковник заявил:

– Господа казаки, а ведь основная надежда у России только на вас. В войсках избрали комитеты, и солдаты отказываются воевать и подчиняться офицерам. Активизировались подпольные партии, в том числе и большевики. Везде действуют их агитаторы. В казачьих рядах их необходимо выявлять и арестовывать. А дальше – судить по законам военного времени.

Тихон стоял и слушал, а у самого от самых пяток по всему телу прошёл озноб. Он понимал, в какой ситуации находится сейчас его друг. Как его удержать от этого мракобесия?

Вспомнив, что в сотне состоятся выборы членов комитета, он неспеша, не привлекая внимания, стал пробираться к выходу. Вскочив на коня, Тихон поехал в расположение своей сотни.

По дороге, прямо на мосту, Любимов встретил знакомого посыльного из штаба дивизии.

– Здорово дневал, Тихон Васильевич. Откуда путь держишь? А я у вас в сотне был. Там казачки бузят. Кого-то буйного в холдную закрыли, офицеру кулаком заехал в морду²⁵.

– Да ладно, разберутся, – буркнул казак и попустил повод.

Мелькнула мысль: «Господи! Это точно Андрей. За такое можно и к стенке стать...»

Не думая о себе, понукая коня, он только и думал, как помочь другу. Когда Тихон подъехал к роще, сумерки уже путались в лохматых елях.

Свернув вправо, чтобы не попасться на глаза караульным, он оставил коня в густом ельнике. Осмотревшись, стал пробираться в лагерь. Он прекрасно знал, куда могли закрыть друга. Подкравшись к землянке, которая стояла на отшибе, стал наблюдать. Постовым стоял Плигин.

– Твою мать! Не могли другого поставить, – прошептал Тихон, но от задуманного не отказался.

²⁵ Морда – здесь: лицо.

Дождавшись, когда казак, уткнувшись в надвинутый башлык, стал подкуривать²⁶, в два прыжка он оказался за спиной часового и резко ребром ладони ударил по шее. Подскочив к двери, откинул кованый крюк, толкнул дверь.

– Андрюха, выходи наружу. Да шибче давай!

В дверном проёме появился товарищ.

– Не, Тиша, я не пойду. Пусть лучше меня шлёпнут, чем тебя – за пособничество. А тебя Дуняша ждёт...

– Цыть! Я всё продумал. Экипируйся с часового и давай его в тёмную занесём, простынет же на снегу. Так. Натяни башлык поглубже. Вон у коновязи кони с наряда, бери тихо одного и уходи. Даст Бог, встретимся...

Товарищи крепко обнялись и метнулись в ночь.

Пробравшись к коню, Тихон вернулся на натоптанную дорогу, проскакав немного, повернул коня и поехал в лагерь.

– Стой! Кто идёт?

– Свои! Со штаба еду, к сотнику на доклад.

Привязав коня, хорунжий зашел в землянку.

– Разрешите доложить, ваше благородие?

– Ну, что там доброго вам наговорили?

– Да ничего особенного. Армия разваливается. Надежда только на казаков. Держите, мол, дисциплину. Ну, и всякое такого. Про окончание войны ничего не гутарили.

– Ну что ж, хорошо, что я не поехал, а то бы здесь делов натворили...

– Ваше благородие, арестованный сбежал! Поставого оглушили, и он убёг. Коня прихватил и оружие поставого.

Тихон смотрел на дежурного урядника с непониманием.

Сотник глянул на Любимова, затем дал команду привести поставого. Буквально через минуту ввели Плигина.

– Кто ж тебя, милейший, так огрел и разоружил?

– Так темень была! Сзади и тюкнули. Не видел...

– А может, слышал что?

Казак глянул сначала на сотника, затем на хорунжего и выдал:

²⁶ На посту курить запрещалось.

– Слышал я говор, хоть и в беспамятстве был.

У Тихона прошёл холодок по спине. Но он спокойно смотрел на односума.

– О чем-то гутарили, а о чём, не могу вспомнить.

– Так ты угадал кого-нибудь? Это наши были?

– Да не, ваше благородие! Не по-казачьи они гутарили. Мужики рязанские, наверное...

– Так что ж это получается: мужики казака спеленали?!

– Виноват, ваше благородие!

– Поди вон!.. А ты что смотришь, как истукан, Любимов? Твой дружок сбежал из-под ареста!

– Так... А за что его арестовали-то?

– В морду моему заместителю дал. Да так дал, аж папаха улетела! Видать, дружки с соседней части помогли. Революционеры хреновы!.. Где его теперь искать? Да и чёрт с ним, спишем в расход. В наше время царя вон со счетов списали!..

Козырнув, Тихон вышел на улицу. На морозном воздухе легче задышалось. Исподняя рубашка была мокрой, хоть отжимай, и на морозе казак стал быстро замерзать. Похлопав себя по бокам, он побежал в землянку.

* * *

Конь во весь опор летел по снежной дороге. Всадник, попустив поводья и припав к гриве, практически слился с ним. Вдали на фоне заснеженного поля зачернел лес. Потянув правый повод, путник направился к нему.

– Стой! Пропуск!

– Это я, казак. Заехал попутно, навестить товарищей своих.

– А, ты к Карпухе? Они вон там, в землянке, собрались.

Толкнув дверь, Андрей вошёл в помещение. Посреди комнаты на столе стоял блиндажный фонарь, но его яркий свет не расходился дальше стола. Дым стоял коромыслом, дурманя присутствующих.

– Здорово дневали, господа хорошие!

– О, Андрейка! Слава богу! – обрадованно загалдели собравшиеся.

– Какими судьбами? Аль сбежал от своего атамана, казак?
– Да как-то так... Поликарп, нужно поговорить.
– Ну, садись ближе к огню и рассказывай. Здесь весь солдатский комитет в сборе – все свои. Что у тебя за нужда приключилась?

– Да в бега я подался! Офицеру в морду дал. Мне теперь от передовой подальше надо...

– Ну, ты, брат, даёшь! На казаков это не похоже. Ну, ничего. Мы тут сейчас обсуждаем, как нашим товарищам в Питере помочь. Мы тебя туда и отправим. Там сейчас у нас передовая. Выпишем тебе наши документы и отправим в столицу, на лечение. Форму тебе солдатскую выдадим, не обессудь, без лампасов. Мандат справим для товарищей и проездные на железку состряпаем...

Утром Андрей уже был на станции. Оставив коня за квартал, он прошёл к кассам и оформил документы на поезд.

Закурив и выйдя на привокзальную площадь, он увидел двух извозчиков, которые о чём-то спорили.

– Здорово, господа хорошие!

– И тебе не хворать. Чего, ехать куда надобно? – спросил плотный краснолицый верзила.

– Да не... Погугарить надобно с тобой. Давай в сторонку отойдём.

– Ну, пошли, коль не шутишь.

– Понимаешь, брат, мне на поезде нужно ехать, а я на коне приехал. Купи его за полцены, не пожалеешь!

Подойдя к дончаку, мужик довольно похлопал его по шее.

– А если не куплю, что с ним делать будешь?

– Пристрелю.

– Так у тебя же ружья нет?

– Я и пальцем пристрелю...

С хитрой улыбкой извозчик метнулся к пролётке, пообещав вернуться с деньгами.

Не прошло и получаса, как в проулок съехались сразу три извозчика.

Мужики слезли с козел²⁷ и окружили Андрея.

– Что, брат, может, поторгуюемся?

– Ну, ребята, считайте, что конь уже подорожал.

– Ты глянь, Михей, а солдатик ещё и шутник.

Покупатель попытался схватить коня за повод, но получил такую оплеуху, что аж сапоги оторвались от дороги. Мужики, выхватив ножи, шагнули вперёд, но резкий щелчок взведённого курка нагана, невесть откуда взявшегося в руках казака, отрезвил их шальные головы.

– Конь ещё подорожал, господа купцы!

– Всё, всё! Мы пошутили. Это чтоб ты нас не обманул. Вот деньги, с учётом беспокойства...

– Да я спокоен, господа хорошие. Честь имею!

Солдат взял деньги, козырнул и пошёл к подошедшему поезду...

Петроград встретил Самофалова сырым пронизывающим ветром. Откуда он дул, было не понять. Он гулял по улицам, меняя направление на каждом перекрёстке. Город был серым и унылым. Снег ещё не весь сошёл в Неву, сохраняясь в грязных кучах под стенами домов.

Не раздумывая, Андрей взял извозчика и назвал адрес.

8.

Тихон ночь провёл, как на Голгофе. Он метался во сне, рычал, скрипел зубами. К утру подушка была мокрой. Проснувшись затемно, он лежал с закрытыми глазами и размышлял над случившимся. Душа его раздвоилась. С одной стороны, он спас жизнь своему кровному брату. С другой, предал товарищей. Тихону было стыдно перед Плигиным, которого сотник отчитал, как мальчика. Ему казалось, что он совершил такой грех, какой не замолить вовек. А если этот случай сопоставить со всеми последними событиями в стране, то он, вроде, и прав.

²⁷ Козлы – сиденье для кучера.

Как теперь у него пойдёт служба? Как он будет спрашивать с казаков? Каким примером поведёт их за собой, с какой правдой на устах? Как ему быть без дружеского плеча?

За одну ночь Тихон возмужал лет на десять. Он стал мудрее, начал смотреть на вещи философски.

Служба у него покатила как по маслу. Противника он крошил, как капусту, оберегая своих казаков. Как будто бы мстил за своего товарища. У казака теперь не только болела душа по любимой, но и, как от занозы, ныло сердце по другу. Он был почему-то уверен, что с Андреем всё в порядке. Как говорил тот, «пришло его время». Только теперь до Тихона стал доходить смысл их ночных бесед. Завтрашний день буквально пугал.

Если ещё вчера казаки шли в бой и понимали, что за ними стояла самая большая и мощная страна в мире, то сегодня все понятия стали дробиться и размениваться на мелочи.

Тем не менее, фронт держали плотно. Тихон в лето получил звание сотника, командовал полусотней. На фронте талантливые военные карьеру делали быстро, практически после каждой удачной операции получая или звание, или должность. Потому что и потери были большими. К середине 1917 года мало кого осталось из фронтовиков, встретивших войну в 1914 году.

* * *

На улице стояло раннее утро. Прохладный туманец затянул низину, цепляясь за кусты и деревья по левадам. Солнышко зябко выглянуло из-за верхушек кудрявых верб.

Матрёна вышла на крыльцо, перекрестилась, глядя на восток и, сняв с плетня подойник, юркнула в коровник. Через минуту по пустому ведру застучали тугие струйки парного молока.

Вслед на крыльцо неспеша вышла и Дуняша. Девушка скрестила руки на груди, поёживаясь от утренней прохлады и, глядя на раннее солнышко, стала читать молитву. Она не крестилась, а просто просила у Господа дать ей сил дожидаться милого, а ему желала ангела-хранителя в его ратном деле.

– Ты чего это встала ни свет, ни заря? Шла бы ещё позаревала. Наскачешься за день-деньской!

– Да не, маманя, не усну я... Что-то душа не на месте. Давай, я нашу кормилицу в табун отгоню.

– Хорошо, выгоняй, а я пойду в огород, посмотрю картошку. Да тыкву нужно поносить, плети убрать. Фасоль уж подошла, а то осыплется...

Распахнув калитку, дочь пропустила корову и пошла рядом, положив ей ладонь на спину и рассказывая о своих девичьих грёзах.

Не прошло и получаса, как Дуняша влетела в калитку и через двор метнулась в огород.

– Маманя, а маманя?! Ты слыхала, что Кирьян Чукарин по ранению домой прибыл на излечение?

– Да кто мне тут чего расскажет-то? Лягушки ништо наквасуют в речке...

– Ну, в общем, Кирюха вместе с нашими воевал, а потом яворанили, и он по госпиталям мыкался. А теперича домой долечиваться прибыл. Как немножко обвиднитса, я к Чукариным сбегаю, мамань.

– Ну, сходи – может, успокоишься трохи...

С нарядами девушка решила не заморачиваться. Она набросила на голову подбрее платок, завязав его концы на затылке. Надела простые кожаные чиррики и решительно пошла в гости.

Чукарины жили в центре хутора, у речки. Чем ближе ко двору подходила казачка, тем больше она понимала нелепость своего решения. Благо, хуторские улицы были пусты, а то бы пришлось со встречными здороваться и объяснять, чего она делает в чужом кутке²⁸ с утра пораньше.

Буквально перебежав через майдан, она прошмыгнула в куток из трёх дворов. Через плетень казачка увидела того, к кому так спешила.

²⁸ Куток – здесь: край хутора.

Не по сезону одетый казак, в папахе и шинели, сидел на по-рожках куреня, попыхивая самокруткой и ковыряя костылём в песке.

Опершись на жердину ворот, казачка перевела дух и поздоровалась:

– Здорово ночевал, Кирьян Семёныч!

– Слава богу! Чавой-то ты меня, Евдокия, в старики записала? По отчеству кличешь. Аль так на фронте постарел за два года? Ну, появилась седина, пока не могу ходить без костыля. Так ничего, родные стены поставят на ноги!

– Прости, Кирьян, я же из уважения к фронтовику так обратилась.

– Да ладно тебе! Проходи, садись рядом. Уж не терпится, небось, узнать про своих казачков?

– Ну да! Как они там?

– Да бог их знает... На фронте каждый день кавой-то калечат, а то и вовсе убивают. Андрюху я, поди, с полгода не видал. Как дал он охвицеру в морду, так и пустился в бега, штоб к стенке не поставили. Домой-то пишет?

– Нет, с зимы – ни слуху, ни духу. И Тиша ничего про него не пишет. Как будто поругались, што ль?

– Да нет, эти сроду не поругаются: они – кровники. В сотне меж казаков ходили слухи, мол, и бежал то Андрюха не без помощи Тихона. Но шибко их там уважают. Никто не сдаст... А Тихон воюет. Яво ни пули, ни сабли не берут – как заговоренный! Видать, утро-вечер Христа за здравие просишь? Он там в почёте, в охвицерском чине, командует полусотней. Вся грудь уж в медалях.

– Кирьян, а как там на побывку? Заслужить можно такое поощренье?

– Да бог с тобой, накаркаешь! Если домой, то, как я, с костылём, нога ни черта не гнётся. Али совсем калекой. А так даже раненых: с госпиталя – и на передовую. Сейчас вся и надежда только на казаков. Солдатики воевать не хотят. Договорились с германцем, даже не палят друг по дружке. А то и вовсе домой засобирались.

– А письма-то что, почаще писать нельзя?

– Вот, дурёха! Да ты хочь каждый день пиши, да в торбу складывай! На передовой-то казаки стоят, – почту редко забирают с фронта. А из дома до разу по три письма можно получить. Да и вообще, там такой бардак начался, что с трёх писем одно доходит. Сам, вон, свои с божницы достал, пересмотрел, а их половины нету... Да не тужись ты! Живой – и слава Богу! Чёртова война – редко в какой курень не заглянула...

– Ну, спаси ты Христос на добром слове, Кирюша! Пойду я свекровь утешу добрыми вестями... А как Самофаловым говорить, ума не приложу!

– Да не тревожь ты их. Нет похоронки, и слава Богу. Объявится, небось. Андрюха – он казак вертлявый, его на мякине не проведёшь. Да и нос он по ветру держит. С большевиками, вишь, уже снюхался, а нынче как бы не их власть пришла. Царь вон убёг с престола. Присягнуть – и то некому. Тьфу ты! Дожили до царствия небесного...

Домой Дуняша долетела, как на крыльях.

* * *

– Маманя! А маманя! Вести у нас хорошие. Тихон живой, воюет, в чинах и наградах весь!

– Ну, и слава Богу, абы не покалечило. Сходи к свекрови, порадууй трохи. А то сваха ходит сама не своя...

Пока Дуняша тараторила свекрови новости с фронта, усевшись на лавке в стряпке, свёкор достал графин с наливкой и стопку. Усевшись за стол, молча перекрестился и с удовольствием выпил. Обтирая усы и бороду заявил:

– Ты это, Дуняша... Если што подмагнуть по хозяйству, не стесняйтесь. Только гукните, и я подбегу, подсоблю.

– Да нет, папаня, у нас с маманей всё ладится!

– Ну, что ж, тады будем ждать служивого, – подытожил казак, наливая ещё стопку наливки.

Василий Павлович безумно любил своего последышка. Ведь ему да Дуняше придётся стариков докармливать. По ночам сердце стало поддавливать. Очень уж он переживал за

него. Как ему там воюется – на чужбине? Сыт ли, в тепле ли он? А, может, ранен? Так не жалуется в письмах. После того, как Тихон получил первый чин, старик немного успокоился, – сын не хуже других воюет и в почёте. А теперь и вовсе офицерские погоны носит. Это была редкость на хуторе. Кто и не дюже уважал, за версту стали здороваться. Ведь если на фронте такой заслуженный, значит, и дома казаки уважать будут. Глядишь, и в атаманы выберут...

«Вот дурак старый! – ругал себя после таких мыслей казак. – Абы живой с фронта вернулся...»

* * *

На улице была середина осени, но погода стояла на удивление тёплая. Леса окрасились всеми цветами радуги. Полетела паутина. Воздух наполнился удивительно сладкими ароматами, как в турецкой лавке.

Сотню верхнедонцов перебрасывали с одного участка на другой, но с Западного фронта не снимали. Вот и сейчас казаки занимались обустройством нового лагеря. Они заняли небольшой лес в низине. Сняв гимнастёрки, донцы дружно работали, не забывая перекинуться шутками да прибаутками.

– Ох, земля, ты меня и махрой угостил! Ну, прям, вкус детства...

– А, Володь, это ты про кузнеца нашего вспомнил? – отозвался товарищ.

– Эй, шумиляне, хватит секретничать! Поведайте, что там у вас за кузнец был?

Подобревший, набравший немного лишнего веса, Плигин с удовольствием воткнул топор в бревно и издали начал свой рассказ.

– Ну, жил да был у нас за речкой кузнец, царствие ему небесное, а кликали его Иваном Михайловичем. Он был списанным по ранению сотенным ковалем. У себя за плетнём Иван Михайлович выкопал землянку, купил меха и устроил там кузницу. Благо, жил с почтовым двором рядышком, – место бойкое. И мы, мелочь пузатая, любили уши греть под дверями этого мастера.

Михалыч целый день не выпускал молотка с рук, не закрывал он и рот. К каждому казаку найдёт подход и соответствующую байку, или какую историю расскажет – вроде, как в благодарность за заказ.

Не забывал он и про нас. Поэтому у него в землянке было не протолкнуться.

Казаки, кто по делам приходил, а кто и просто, прихватив бутылку, шли на посиделки к старому вояке – повеселить душу. Стол в углу у дверей был всегда накрыт, и недостатка в закуски или горячительном не было.

Увидит он детвору, казакам подмигнёт и начинает баять: «А помнишь, Филиппыч, как мы на турка ходили? И гнали их вперёд и вперёд. Обозы отставали от частей. Снабжение было никудышним: ни пожрать, ни покурить. Самокрутку-то подымишь, и живот не так урчит. А так – кишка кишке бьёт по башке!

Один раз пленили мы турка, а у него здоровенный кисет турецкого табачку. Ну мы его меж собой по чести подуванили и сидим пыхтим. А толмачу нашему говорим: «Спроси, мол, у этого иноверца, отчего у них табачок такой душистый да сытный?»

Погутарил он, значит, с ним по-ихнему и толкует нам: «Турка, мол, говорит, что секрет заключается в том, что в махорку они добавляют помногу сухого конского помёту и донника. С помёта, что от овса, табак никудышный получается, а вот от коней, что на выгоне, на попасе – это самое то! В нём же разнотравие всякое, да ещё и цветков донника подсушить и добавить – так и вовсе мёд!»

Мы-то не понимали, чего это казаки переглядываются и смеются. А ржали они с нас, потому что мы наперегонки бежали на выгон – собирать конский навоз да донник рвать.

Вот развели мы костёр, а сверху плоский камень примостили, как сковородку. На нём и посушили навоз с цветочками. Газеты для этого дела у нас завсегда припрятаны были. Табак добавлять в волшебное зелье мы посчитали излишеством, а посему скрутили себе огромные козьи ножки и набили их навозом и донником.

Когда зелье сушили, пахло дурно, а потом, вроде, и ничего, когда с цветком смешали.

Запалили мы самокрутки, да друг перед другом в затычку как заглotalи знатного дыма, так и попадали все на траву. И ну перхоть наперебой, как паршивые овцы, аж до слёз, пердежа и возгрей²⁹!

Мы этого кузнеца проклинали, как чёрта с преисподней. Но на другой день опять бежали в кузню.

А он как будто подглядывал за нами и сразу в лоб: «Ну как, казачки, горлодёрчик получился? Знатный?» А мы: «Аж до возгрей пробрало!»

Казачки хватались за животы от смеха...

– Слышь, Кузьма, а помнишь, как он нас медком накормил?

– Как тут не помнить, будь он неладен!

Казачки уж всем взводом окружили балагура и стали упрашивать, чтобы тот поведал ещё одну историю.

– Хорошо... Забежали мы как-то в кузницу – послушать истории походные. Но, как назло, в землянке никого не было, дело к обеду шло. Да и лето стояло, уж после Троицы, – казачки были на сенокосе. А Михалычу, видать, скучно было одному, он и кричит: «А ну, голопузая команда, марш за стол! Медком угощу...»

Кто-то, видать, рассчитался за работу мёдом с колоды.

Ну, мы поделили соты на пять человек и вместе с вощиной всё и проглотили, запив водой с деревянного ведра.

«Что гвардия, маловато? Ну, простите, братки, что было. Я в вашем возрасте сам мёд добывал с товарищами...»

«Это как? С пасеки тырили?!» – спросили мы.

«Да нет, все по чести. Над речкой находили норы, где шершни живут и выливали на них ведро воды. Пока они мокрые ползали, мы лопатой нору копнем, соты хватать – и тикать. Ох, и вкусный у них мёд! С пчелиным не сравнить. Тут самое главное – вовремя убежать, пока шершни не обсохли, окаянные...»

И тут я слышу, толкает меня в спину Кузя и шепчет: «Пошли отсюда скорее!..»

²⁹ Возгри – сопли.

Выскочили мы на улицу, а товарищ тянет меня в сторону, и ну мне свой план выкладывать.

Короче, знали мы одну нору, где эти гады живут. Всегда их седьмой дорогой обходили.

Зашли мы тихо к Кузе домой, и пока он снимал ведро с колодца, я спёр лопату с капустника³⁰.

Пошли мы на добычу. Солнце припекало с полудня на всю катушку, все попряталось в тенёк, в том числе и шершни. Только две крупных особи сидели у норки и махали крылышками – вроде, как ветер гнали в норку.

Решили так: я лопатой плашмя глушу часовых, копаю землю и отбрасываю ее. В это время Кузя водой затапливает нору, кидает соты в ведро, и мы убегаем в левады к роднику есть мёд.

У нас всё шло по плану. И вправду, показались соты. Семен хватает их, а они развалились в руках в труху. И тут началось...

Внезапно вылетел рой огромных шершней. Я напрямую через осоку кинулся к Песковатке. Несколько преследователей запутались у меня в чубе, а один догнал и так жиганул через рубаху, что я через голову покатился прямо к речке. Под водой я сидел, пока хватило духу. Задыхаясь, поднырнул к берегу, под нависшую осоку.

И тут я увидел, что по-над берегом вверх дном плавёт ведро. Вдруг оно приподнимается, и Кузьмы испуганно шепчет:

– Вовка, ты живой?

– Ага, живой, сию мёд доедаю...

Ну, короче, просидели мы в речке до синевы на губах и стука на зубах. А лопату забирать пришлось уже в потёмках...

– Иваныч, да ты у нас не бесогон, а медогон оказывается! – ржали, как кони, казачки...

– Это что за сабантуй устроили, господу казачки? – нарочито серьёзным голосом утихомирил служивых Любимов.

– Да мы немножко в детство впали, Тихон Василич, – за всех ответил Плигин.

³⁰ Капустник – огород.

– Ну, раз так, кагала³¹ моя родная, то попрошу сушняк в накат не ложить, а попилить на дрова. Кто знает, когда зима нагрянет? На Покрова, бывает, и на Дону снег выпадает. Так что за работу все дружно! В казанах уж кулеш подходит, скоро отобедывать будем...

Опять застучали топоры и завизжали пилы.

* * *

Любимов отошёл на пригорок и присел на пенёк. В последнее время он жил, как замороженный. Как будто всё это было не с ним. Какое-то чувство нереальности отдалило от него самых близких ему людей: Дуняшу, Андрея, родителей, которых, казалось, будто и нет на самом деле, и он знает о них лишь по снам, в которые те всё чаще стали заглядывать. Но от этого он их любил не меньше.

Приходившие после госпиталя казаки рассказывали, что иногда после ранения, в горячке, они на себя смотрели как бы со стороны. Это, наверное, душа временно покидала их израненное тело, а после возвращалась.

Получалось, что израненная разлукой душа Тихона тоже покидает его. Слишком жёстким оказалось испытание разлукой для молодого казака.

Встряхнув головой, чтобы отвлечься от таких глупых мыслей, он посмотрел по сторонам. К нему спешил кашевар.

– Господа казаки, обед! – крикнул офицер, поднимаясь на ноги.

9.

Извозчик с опаской поглядывал на своего пассажира. Шинелька на нём сидела как-то не ладно, да и папаху солдатик заломил на бок слишком лихо. Насмотрелся старик на люд честной в столице, понимал толк в людях. Никогда солдат на извозчиках не катался, мог только, сняв папаху, расспросить дорогу. А этот назвал адрес, как барин, и цены не спросил. Может, фразер какой? Да нет, у тех глазки бегают хитро, хорохорятся, а этот

³¹ Кагала – дети.

сказал, как отрезал. Взгляд тяжёлый, аж мороз пробирает по спине. И усы не по питерской моде носит. Такие только у царских гвардейцев увидишь.

– Мил-человек, вы бы на серединку сидушки сдвинулись, – сейчас с брусчатки съедем, там дорога, не дай Господь! Заляпаетесь ненароком.

– Ничаво, чай не барин, не раскисну.

– О! Да ты, видать, засланный казачок. Говор-то казачий. Нагляделись мы тут на вашего брата. Хорошо, хоть щедрые, да по морде не бьете... Тпрууу, милая! Приехали, мил-человек. Сходите вон туда, на доски, а то сапоги измажете.

Солдатик легко, как на пружинах, соскочил с пролётки, рассчитался щедро и спросил:

– А ты, родимый, всегда на вокзале шабашишь?

– А как же. Там, как приписан, будь он не ладен!

– Понятно. Значит, и под жандармами ходишь, и найти тебя просто, если что.

– Да бог с тобой, мил-человек! Память у меня к старости никчёмная, да и благодарный я за такие чаевые. А если сгожусь, Михеичем меня кличут. Милости просим, всегда к Вашим услугам!

Сняв потёртую, валенную из шерсти шапку, извозчик поклонился и, стегнув задремавшего коня, со скрипом стал разворачивать пролетку.

* * *

– Ну-ну, – пробурчал Андрей себе под нос, рассматривая барак. Входная дверь была одна, и он по доске шагнул к ней.

В это время дверь широко распахнулась, и молодая ладная девушка, в одной исподней рубахе, выплеснула мимо гостя ведро грязной мыльной воды.

Держась за ручку, втянув живот, парень с возмущением выдохнул:

– Барышня, так у вас в стольном граде гостей встречают?

– А нечего тут шастать кому не попадя!

– О, да мы ещё и злючка!

– Тебе чего надобно, солдатик? Что-то я не припомню служивого среди жильцов барака...

– А проводи меня к Афанасию Семёновичу, – перебил девицу Андрей.

– Ишь ты, как вовремя!

– Это ты к чему?

– Да он картошку на керосинке дожаривает! Видать, гостей ждёт...

Ступая вслед за прачкой, парень осматривался по сторонам, готовый ко всему.

Барак представлял собой длинный коридор с дверьми в комнаты по обе стороны.

– Вон серая дверь – Семёныча!

– Благодарствую, дамочка.

– Фу, ты! «Дамочки» по Литейному дефилируют, а мы тут в бараках вшей кормим! – резанула девица, прежде чем скрыться за обитой войлоком дверью.

Андрей постучал в дверь комнаты Семеныча. На первый стук никто не отозвался. На повторный – дверь, как от толчка, открылась. В дверном проеме появился крепкий моложавый старик. Точнее, это был мужчина в уважаемом возрасте. В нос голодному казаку ударил резкий запах кислой капусты и сладковатый – жареной картошки.

– Здорово дневал, Афанасий Семёнович! – громко поздоровался Андрей, подумав, что хозяин глуховат.

– Слава богу, гость незваный! Правильно, что шумишь. Контуженный я маленько, оттого и списали на берег.

И только тут казак понял, по тельняшке и выправке, что перед ним – бывший моряк.

– Ну, проходи, раз хозяина знаешь, как кличут. Раздевайся, разувайся. Вон от валенок обрезки, надень на ноги.

Сам хозяин прошёл к столу, продолжая готовить обед.

Раздевшись, казак прошёл на середину комнаты, не зная, куда себя деть дальше. Иконы ни в одном углу он не нашёл, и, перекрестившись на окно, кашлянул в кулак, протягивая серый конверт с письмом.

Хозяин взял конверт, осмотрел гостя с ног до головы и практически приказал:

– Ты, это, малый, раздевайся и иди в прачечную, хоть по торсу обмойся. Вот тебе рушник, по коридору через две двери – рукомойник. Да сними ты рубаху, будь как дома!

– А у нас дома голяком не бегают. Да и девки не простоволосятся – в платке али в шлычке ходят.

– А, это ты про Дуньку? Этой палец в рот не клади – по локоть отмахнёт!

Словно током прошибло казака, когда он услышал это имя. На ум сразу пришла скромная Дуняша. Казак стащил через голову исподнюю рубаху и, сняв с гвоздя полотенце, молча вышел из комнаты.

Дверь в прачечной была открыта, и кто-то гремел вёдрами. Шагнув через порог, сквозь клубы пара парень увидел девушку, склоненную над корытом.

– Прости, Евдокия. Где можно помыться?

– Ты глянь, уж по имени зовёт! Ну, прям, без меня, меня женили! – съязвила девушка и, отжимая бельё, повернулась к двери.

Она замерла, глядя на вошедшего. Ее глаза округлились, лицо стало ещё румяней. Перед ней стоял голый по пояс красавец, с кудрявым чубом, залихвацкими усами и фигурой самого Аполлона.

– Так что, где обмыться можно?

– Уффф! Ну, это... Вон рукомойник. Воды я налила, обмылок на стуле рядом.

Немного осмелев, она выдавила сгусток воздуха из груди:

– Это где же таких красавцев выращивают, мать моя родная!?

Уже давно приняв свойский тон, отфыркиваясь, гость со смехом выдал:

– У мамки я один, а по соседям таких нету! А кличут меня Андреем, если конечно, интересуешься...

– Очень даже интересуюсь! А то мне уж двадцать годков, а мужа себе не подберу. А вот ты по всем статьям мне гош будешь!

– А мамка не заругает? – докрасна растирая тело жёстким рушником, подыгрывая в тон, спросил парень.

– Нет, сирота я. Некому было манерам учить, некому и сейчас воспитывать... Ты это, как справишься с Семёнычем, загляни в гости. У меня и наливка найдётся, побалакаем о жизни.

– Поживём, увидим...

* * *

Зайдя в комнату, казак был ошарашен увиденным. За накрытым столом сидело несколько мужиков. Дым от махорки стоял коромыслом.

– Одевайся и проходи к столу, – будем знакомиться, – пригласил хозяин.

Одевшись, не садясь на стул, казак поправил под ремнём гимнастёрку и представился:

– Андреем меня зовут.

– А нам больше ничего и не надо. Я полагаю, что метрики тебе новые пока выправить, – времена смутные пошли. А имя оставим, чтоб не путался. В типографиях у нас надёжные товарищи работают, – похрустывая капустой, заметил хозяин.

– Письмо мы тут прямо за столом от комитета прочитали и весьма удивлены случившимся. Это же как довели народ, что казаки своё офицерье в зубы стали бить! Нам таких вояк, да ещё и грамотных, ой, как не хватает. Наливай, Максим, за пополнение в наших рядах!

– Ну что ж, давайте выпьем за знакомство. Никогда бы и не подумал, что с казаком за одним столом сидеть буду, – обронил средних лет мужчина по имени Фома.

– А чего так? Мы, что – не люди? Слава казачья, а жизнь собачья, а иной раз и похуже той.

– Да больно крутого нрава казаки! Досталось нам в девятьсот пятом плетей со свинчаткой и пуль от вашего брата.

– Ну, нагайки со свинцом в сотнях были только у урядников, а оружие на разгоны казакам не выдавали. Шашки и нагайки – это личное, забирать никто не имеет права. А винтовки казённые, их выдают только в походе или при боевых действиях.

– Ты глянь, ответил, как отрезал! Хватка военного, сгодится. Тем паче под расстрельной статьёй ходит казачок.

И компания загомонила, тем самым показывая, что парня приняли в свою команду.

Затянувшийся обед был ещё в разгаре, а у Андрея голова уж пошла кругом – не от выпитого, а от дыма и галдежа, который устроила пьяная компания. Встав из-за стола, он молча вышел в коридор. Глубоко вдохнув свежего, с бытовой кислородкой, воздуха, парень осмотрелся. Дверь незабвенной прачки была приоткрыта и манила к себе своей загадочностью.

Стук о косяк не всполошил хозяйку, она спокойно сидела за столом под абажуром и штопала кофту.

– Доброго дня, хозяйка, – скромно поздоровался гость.

– Да на улице уж вечер, слава Богу! День ещё короток, хоть и первые денёчки весны за окном побежали.

– А что так печально? Не осень же...

– Да на Неве это самое поганое время: холод, ветер, кругом грязь в колено, всё серое и убогое. Ну, никак на весну не похоже...

Обрадовавшись, что хозяйка словоохотлива и добродушна, Андрей сел на табурет к столу. Опыта общения с дамами у него не было. Дома – это другое дело: там все, как одна семья. А здесь даже нравы другие.

– А чегой-то вы полдня пробузили, а ты трезвый, как стёклышко?

– Дык, я не очень компании люблю. Нет, парень я компанейский, но день-деньской сидеть за столом, да ещё и пыхтеть сигаркой – это не по мне. А к тому же меня обещали наливкой угостить...

– Я свои обещания помню. Сейчас рукоделие уберу, и всё будет.

Евдокия, приоткрыв крышку резного сундука, сунула туда своё шитьё. Она под рукомойником помыла руки, перекинула рушник через плечо и, мягко покачивая бёдрами, подошла к столу.

Сев вплотную к гостю и глядя ему в глаза, девушка левой рукой подняла расшитую салфетку со стола, и у парня на лице засияла улыбка.

– Да ты, Дуняша, просто кудесница!

На столе стоял изящный графинчик с наливкой, две резные рюмки. На тарелках лежали небольшие кусочки чёрного хлеба, аккуратно нарезанная селедочка с луком, политая маслом. На другой тарелке красовались аппетитные кусочки сала с прослойками и несколько картофелин.

– Господи, и где ты раньше была с таким богатством?!

– А тебя что, у Семёныча не кормили?

– Да я пока с тобой лясы точил, гости картошку всю и слупили, а мы капусту, как зайцы, грызли, закусывая самогон.

То ли от сладкой наливки, то ли от присутствия красивой девушки с родным именем, Андрей после третьей рюмки захмелел. Он забыл, где находится, для чего прибыл в барак и, вообще, все неприятности и проблемы канули в Лету. Казак с усердием старался найти сходство новой знакомой со своей первой любовью и с каждой минутой находил его всё больше и больше.

Девушка, поняв, что парень ведётся на все её уловки, пошла в атаку напролом. Она уселась ему на колени и, нежно поцеловав прямо в губы, предложила ещё выпить за знакомство.

От такого смелого поцелуя у Андрея сорвало голову. Опрокинув рюмку в рот, вместо закуски, он горячо поцеловал хозяйку. Та, в свою очередь, просто растаяла в его объятиях. Вихрь обоюдных желаний закружил их безшабашную молодость в любовном танце.

Проснулся Андрей не от звуков, его не расталкивали, как лежебоку. Его разбудил своим урчанием живот. Открыв глаза, казак с наслаждением втягивал ноздрями до боли знакомый запах. Хозяйка готовила завтрак из яичницы на сале.

Вкусная еда, сладко проведенная ночь сулили хорошее настроение на весь день.

Но не тут-то было. Андрею хватило одного лишь взгляда на порхающую от счастья Дуняшу, как его аж замутило. Ему к горлу подкатило дурное чувство предательства. Последний раз так погано он себя чувствовал после бегства из сотни. Он долго не мог успокоиться от того, что бросил на передовой своих друзей. Практически подвёл под монастырь Тихона, толкнув его на преступление.

А сейчас он предал свои чувства по отношению к любимой Дуняше, которая ждала друзей с фронта. Он понимал, что уступил её другу, но сердце с этим не мирилось. И он, не раскрывая глаз, в чужой постели дал себе зарок. Казак твёрдо решил не встречаться со случайными девушками, пока его не найдёт настоящая любовь. Как говорится, клин клином нужно вышибать...

Уже без аппетита наскоро позавтракав и поблагодарив хозяйку за гостеприимство, Андрей положил на край стола деньги. На возмущение Дуняши, он спокойно ответил:

– Негоже казаку за счёт девушек харчеваться. Не принято у нас так на Дону.

На том и решили.

– Да ты парень у нас блудливый! Понятно, весна на улице, – с порога в штыки встретил парня старик.

– Прости, Семёныч! Гостей вчера у тебя много было, – решил не стесняться.

– Это ты это брось. У нас всё по-простому... В обеденный перерыв тебе нужно будет зайти к фотографу, адрес я тебе дам. Затем выправим новые документы. Я думаю, что нечего тебе шастать по столице. Тут ищеек от всех ведомств больше, чем горожан. У меня есть мыслишки насчёт тебя. Спрячем мы тебя в Кронштадте. Там, в основном, морячки, они – хорошее большевикам подспорье, но люд служивый, живут в казармах, да на кораблях. А тебя пристроим с малой загрузкой на работе. Чтоб с ними мог общаться, а если что, и в столицу обернуться...

10.

В предрассветный час в расположении казачьей сотни царил тишина. У шлагбаума горел костёр, двое постовых, попыхивая сигарками, грелись, сидя на бревне.

– Степан, ты бы подменил дозорного. А то к утру морозец на низину сел, заглодало.

– Это можно. Сейчас докурю, а то, не дай бог, сотник учует дым в лесу, достанется мне.

– А ну, тихо, Стёпа. Слышь, вроде как пальба в стороне передовой началась?

– Ну да, и пулемёт застрекотал, как сорока.

– Ты тут поглядай, а я дежурному доложу. А то мало ли чаво...

Казак засеменял к землянке. Дежурный офицер разбудил Тихона. Тот, в свою очередь, быстро оделся и вышел на улицу. Предрассветная прохлада моментально взбудрила казака.

Уже и переспрашивать не нужно было причину тревоги. Отголоски приближающего боя явственно были слышны в лесу. Услышав топот скачущего коня, казаки взяли оружие на изготовку, отошли от огня и стали за соснами в ожидании.

– Стой! Стрелять буду! – раздалась в тишине леса команда.

Возле шлагбаума конь остановился, как вкопанный, и всадник, соскочив на землю, подбежал к костру.

– Братья-казаки, я посыльный из штаба полка. Господин полковник объявил боевую тревогу всем!

– В связи с чем? – поинтересовался подошедший Любимов.

– Дык, солдатики домитинговались, добратались с немчурой – и отошли с передовой во второй эшелон. А те сделали рокировку, да и навалились, прорвав линию фронта. А теперь без конницы не остановить их.

– Сотня, в ружье! – скомандовал Тихон.

Без всякой суеты сотня в течении получасы строем стояла на опушке. Все ждали офицера, посланного в штаб полка за получением боевой задачи.

– Вот «мужичьё чёртово», как говорил мой дед! Ни украсть, ни посторожить. Довоевались, как говорится, – бурчал Плигин, опуская на песок древко пики.

– Иваныч, можа байку какую про мужиков расскажешь?

– Потом расскажу... Если будет кому. Слышь, как пулемёты чирикают?

– Ну, это да... Пока ты его своей пикой достанешь, тебя так нашпигуют свинцом, что мало не покажется!

– Разговорчики!

Но казаки и так притихли, завидев своего офицера, который галопом подлетел к подъесаулу.

Посовещавшись, командиры отдали сотне приказ – направиться рысью к передовой. В виду незнания обстановки конкретной задачи поставлено не было.

С каждой минутой плотность огня усиливалась. Вводились в бой всё новые и новые резервы, но момент был упущен, и наша пехота утратила свои позиции. Контратаковать было затруднительно ввиду большого количества пулемётов у противника.

Остановив сотню в небольшой лощине, офицеры собрались на совещание.

Сырой мрак окутал все кругом, в пяти шагах ничего не было видно. Сырые серые тучи висели буквально над головой. Дождя не было, но воздух до такой степени был насыщен влагой, что по лицу струилась вода, а шинели по весу стали равны тулупам.

– Боже, какая мерзкая погода! В такую дурную погоду не жалко и погибать, – пробурчал Семён.

– Да ты что, односум? Сейчас в лаве так согреемся, хоть портки отжимай! Мжичка³², она не только нас угнетает, но и противник на земле не мёд хлебает, – бодрил Плигин товарища...

* * *

– Так, Тихон Васильевич, ситуация такова, что противник закрепился на высотке и поливает нашего брата сверху. И дальше не идёт, гад, – понимает, что наступление захлебнулось. Время играет на него. Сейчас он окопается, и мы его тогда не выьем. А он дожждётся подкрепления и выровняет линию

³² Мжичка – морось, мелкий густой дождь.

фронта в свою пользу. И получится, что мы почём зря кровушку лили за каждый аршин земли.

Ты берёшь свою полусотню, и твоя задача – атака в лоб, отвлекающая от нас противника. А мы же овражом дойдем до вершины и лавой ударим германца в спину. Я не думаю, что у них столько сил, что они и с фланга усилили свои позиции. Скрость³³ винтовки мы проскочим, не беда. А за тобой, гляди, и солдатики побегут. Но будет жарко – не пали казаков, лучше отойдите на второй заход.

– Всё понятно. Не беспокойся, Мироныч, сделаем всё как надо! – отчеканил Тихон.

– Ну, и добро... По коням, господа казаки! С Богом!

Перекрестившись и подтянув подбородочные ремни, полусотня четвёрками ушла балкой. Вторая полусотня стояла в строю, готовая рвануться в бой.

Казаки стояли тихо, прислушиваясь к бою. Каждый думал о своём, словно гадая, настигнет ли его пуля, или она, отрикошетив от камней, отправится судьбой в поднебесье, сопровождаемая леденящим душу свистом.

Только кони, перебирали нервно удила да переступали с ноги на ногу, в нетерпении перед бешеной скачкой.

Оценив ситуацию, Любимов скомандовал:

– Ну что, казаки, в гору растягиваемся шеренгой. Как спустимся в балку, по команде поворачиваем вправо и лавой – в гору. В случае плотного огня растекаемся на две стороны и готовимся снова к бою, чтобы вторая полусотня успела развернуться для атаки.. Ну, как говорили деды: «Казаки ходят лавой за зипунами и за славой». Вперёд, братцы, с Богом!

Как часовой механизм, без сбоя, казаки развернулись в лаву и пошли в атаку. Кони буквально перепрыгивали через цепи пехоты, прижатой огнём к земле. Держа шашку на отлёте, Тихон летел впереди всех, припав к гриве коня.

Казаки работу пулемётов слышали не по выстрелам, а по свисту пуль. Противник несколькими очередями пристрели-

³³ Скрость – сквозь.

вался, а затем началась мясорубка. Любимов успел махнуть шашкой, и наступающие стали уходить на две стороны.

Первые пули в грудь получил Воронок, у которого на всём скаку подломились передние ноги.

Потом пуля с глухим стуком ударила в грудь Тихону. Удар был такой силы, что его выбило из седла. Казак и конь оба кубарем полетели на землю. Ещё в полёте Тихон успел подумать, что это конец, отвоевался. Ударившись о землю, он сначала лишился чувств, а затем сознание понемногу стало возвращаться к нему, возможно от сильной боли, выжигающей всё изнутри. Небо почему-то стало окрашиваться в розовый цвет, как на заре. В потухающей памяти поплыли размытые образы любимой и родных. Тихон видел вокруг себя фонтаны земли, взрывающиеся от свинцового огня, но ему было всё едино. Ни руки, ни ноги его не слушались, и только сознание ещё теплилось в голове. Откуда-то с поднебесья казак услышал человеческий голос:

– Василич, а Василич?! Тихон, мать твою на милость! Очнись! Только не закрывай глаз, – рядом с раненым лежал и тормозил его Плигин.

Он схватил Тихона за портупею и затащил за труп Воронка. Вокруг пули свистели градом.

На вторую атаку казаки не пошли, да уже и не нужно было. Первая полусотня уже рубила с остервенением неприятеля. И поднимавшаяся в атаку пехота с криком «Ура!» побежала в гору – отбивать свои позиции.

Боль у Тихона стала угасать, освобождая до безумия скованную грудь. Раненый задышал ровнее и прохрипел:

– Иваныч, прости... Я виноват.

– Если ты про Андрюху, то забудь. Я знаю, что это ты меня пригрел по загривку. Но зная тебя, видать, прижалел. Я слышал ваш разговор и угадал тебя, но виду не подал... А за тебя с Андрюхой я жизнь готов отдать. Так что ты правильно всё сделал...

Тихон задышал ровнее и закрыл глаза. Раненым уже спешили на помощь казаки.

* * *

– Ой! – вскрикнула Дуняша и отложила недовязанный чулок в сторону. Сердце учащенно забилося в груди. Глубоко вздохнув, она взяла кружку и зачерпнула из ведра студёной воды.

– Что случилось, доченька? – стряпая у печи, спросила Матрена.

– Да ничего. Задумалась и уколось иголкой.

– Будь аккуратней. А то, пока казак придёт со службы, так у тебя ни рук, ни ног не будет!..

Дуняша, накинув на плечи плюшку, вышла на крыльцо. На ночной улице морозец пока не попустил. Снег выпал ещё на Покрова, но зима до сих пор не разгулялась.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, боль в груди утихла, и она по тропинке не спеша прошла к левадам.

Когда Дуняша дошла до первых верб, слёзы уже градом капались из ее глаз. В последнее время казачка часто давала волю слезам. Не могла она так больше жить – в неизвестности.

Письма приходили очень редко. Андрей совсем сгинул. Тиша ничего не прописывал, как ему там воюется. Напряжение в хуторе достигло наивысшей точки. Кто-то по улицам проскачет на коне, а все уж за ворота бегут смотреть, что там за вестовой, и что за новость поганую он привёз. На хорошее никто и не рассчитывал. Ведь казаков отпустят только после войны, а ей нет ни конца, и ни края.

Проплачется казачка, погуляет на свежем воздухе, – вроде, полегчает, и мысли на ум приходят светлее.

Но в этот раз что-то не отпускало. словно беда какая приключилась с любимым. И не у кого спросить и некому пожаловаться...

* * *

Тихон пришел в себя, но глаз не открывал. Он прислушался – кругом было тихо. Пошевелил рукой – пальцы прошли по тонкой ткани простыни. Пошевелил стопами – ноги слушались. Постарался поглубже вздохнуть, но резкая боль в груди заставила его открыть глаза.

Раненый лежал в белой палате с высокими потолками. Рядом стояла ещё одна кровать, но матрас на ней был свёрнут в рулон.

Закрыв глаза, Тихон попытался вспомнить череду последних событий, но в голову ничто не шло. словно половой тряпкой всё стёрли, и грязные разводы остались как в голове, так и в душе.

* * *

– Андрей Семёнович, а где же мы столько оружия возьмем? – не унимался рабочий с Путиловского.

– Оружие в нужном количестве у большевиков имеется. И когда нужно будет, всех снабдим.

– А как насчёт казаков? Они нам таких всыпят, как в девятьсот пятом, – костей не соберём!

– Ну, ноя³⁴ уже не девятьсот пятый на дворе, и казаки уж не те. Поверьте, мне, потомственному донскому казаку. Всё с ними обговорено. Они тоже создали казачьи комитеты. Офицеры уж так не лютуют. Царя нету, а казак более никому не присягал. По хатам домой они засобирались.

– Ну, если так дело гладко пойдёт, то рабочие не подведут, – подытожил Платонов.

Собравшиеся стали покидать прокуренную комнатку в бараке. Открыв форточку и дверь, хозяин собрал со стола брошюрки, рукавом смахнул крошки табака.

– Да, Андрей, набрал ты авторитету немногим больше, чем за полгода. Никогда бы не подумал, что рабочие будут казака уважать. Да и среди морячков ты в почёте.

– Афанасий Семёныч, а как иначе? Ты же меня в пекло к морякам засунул, да ещё и фамилию Ушаков прилепил. Постовые, когда мой мандат читают, так по струнке вытягиваются. Во, как они своего адмирала уважают!

– Армейская смекалка и на гражданке работает! – засмеялся старик.

³⁴ Ноябрь – сегодня, теперь.

– Доктор, Иван Назарович! У нас казачок пришёл к памяти, – выскочив в коридор, закричала сестра милосердия.

– Ты погляди, как за жизнь цепляется! Видать, кто-то молитвами держит его на белом свете. Вон и щёчки зарозовели, – значит, будет жить... Милейший, ты пока в жару метался по кровати, в России и революция случилась.

– Это как? – прохрипел Тихон.

– А так... Большевики теперь у власти. Временное правительство с министрами разогнало... Перезимуешь у нас тут, да домой на Дон поедешь – землю пахать.

– Дай-то Бог, коли так...

Выздоровливал Тихон тяжело и долго. Пуля, пробившая грудь насквозь, видать, сильно разворошила нутро казаку. У него не только раны болели и ныли, – стонала душа и рвалась на Дон, в родной курень, к своей любимой.

За эти годы он потерял всё: здоровье, друга, своих товарищей казаков. Любимая за сотни вёрст страдает, как и он.

Да что там его беды и печали! Страна царя потеряла... Две революции за год! Мир вывернулся наизнанку...

Господи, что с Россией стало! И – за что?..

11.

До станции Чертково Тихон доехал без приключений. Как встретит его родная сторонка? Как там Дуняша? Писем из дома он уж давно не получал.

Паровоз отошёл от станции, унося за собой смолистый запах горелого угля. Поправив вещмешок, без погон, в папахе, казак шагнул через рельсы домой.

С обозом служивый доехал до своей станицы. Пройдя по уцелевшим лавкам, купил домочадцам подарков. Переночевав на постоялом дворе, Тихон затемно отправился в Быковский.

По Третинскому шляху он дошёл до хутора Мутилинского и, повернув на восток, дальше побрел степью.

На улице уже буйствовал май. От родного хутора на горизонте оторвало свой багряный диск весеннее солнышко, и пошло навстречу путнику. Степь резко стала просыпаться. Всё вокруг запело, засвистело и до безумия запахло. Голову кружило от этого всего, до боли родного. А когда он стал спускаться мимо Чебакова леса в Белогорскую балку, тут и вовсе у Тихона на глаза накатили слезы.

По краю леса буйно цвёл терновник, и ночные соловьи, не допев песен своим любимым птахам, никак не могли угомониться.

Миновав Морозовские Буруны, служивый свернул к левадам, чтобы быстрее добраться до дома.

Зайдя в левады, Тихон закрыл глаза и всей грудью вдохнул родной запах болотицы. Душа ликовала и радовалась, попав в отчий рай.

Тихон ступил с кладки на землю и остановился, на минуту задумавшись. Тропинка делилась надвое. Как в сказке: налево пойдёшь – в отчий дом попадёшь, направо пойдёшь – провалишься в объятья любимой. И он твёрдым шагом пошёл через капустник Поповых.

Обходя разлапистый куст бузины, на огороде казак увидел то, о чём грезил последние дни, месяцы и годы.

Матрёна Ивановна лопатой разделявала лунки, а Дуняша сажала клубни картофеля.

– А не поздновато ли сажаем, хозяйюшки?

– Так низина, вон, ещё сырая, – не оборачиваясь, ответили те в один голос и тут же аж подпрыгнули от неожиданности.

– Тиша! Любимый! Родной ты наш! Вернулся! – в один голос кричали казачки, повиснув у него на шее.

В нарушение всех канонов служивого встречали в доме Поповых. Услышав шум во дворе соседей, сваты тут же заявили, чтобы узнать причину переполоха. Увидев сына, отец с матерью со слезами кинулись обнимать родимого.

– Живой, моя кровинушка! – запричитала Екатерина Трофимовна.

– Ну, будя, будя, мам! – смахивая скупую слезу, повторял Тихон, обнимая мать.

* * *

Пока служивый доставал подарки, тёща мигом накрыла на стол и всех усадила за него.

Компания уже загомосила, кагда в хату без стука буквально ввалились Самофаловы.

В то время как хозяйка мостила лавку гостям, Тихон расцеловал родителей друга и налил рюмки. Выпив, те набросились с расспросами.

– В общем, так, теперь скрывать нечего. Андрей, конечно, совершил проступок и оставил свою часть. Мне с месяц назад передали весточку его товарищи о том, что он жив-здоров и находится в столице. Нынче к власти уже скрость по стране пришли большевики, ну а он у нас ишо до службы стал партийным. Так что, всё у него хорошо. Небось, вскоре и он домой заявится.

Успокоенные родители с облегчением вздохнули...

* * *

Жизнь в кутке Любимовых пошла размеренно и спокойно. Тихон помогал отцу по хозяйству: под лопасом³⁵ чинил инвентарь, колмазью³⁶ смазал колёса на телеге, оттянул лемеха и зубки на боронах, перетянул подковы у лошадей.

С посевной Василий Павлович запоздал, занемог. А, может, сына поджидал, надеялся на лучшее.

А земля подошла в самый раз: нерадивым земледельцам подсобили поздняя весна и зарядившие на неделю тёплые дожди. Пашня буквально парила и пыхла, рассыпаясь под отвалом, как пух, обещая дружные всходы и хороший урожай.

³⁵ Лопас – навес.

³⁶ Колмазь – колёсная мазь, которой смазывались колёса на телеге, арбе и т. д.

Перекинув холщовые мешки с ляжками через плечо, казаки рассевали по пашне пшеницу, а казаки следом бороновали. Работу делали быстро и споро, боясь упустить влагу.

– Да, вовремя ты, сын, заявился. Ведь на всякое семя – своё время. Чуть запоздай, и без хлеба бы зимовали. А так, видать, с урожаем будем. Половину клина засеем пшаничкой, а вторую – просом. И с хлебом будем, и с кулешом. А после Покровов можно и свадебку сыграть. Как положено, обвенчаем вас в храме.

– По этим временам, бать, так далече нечего и загадывать.

– А чаво так? Будем так же трудиться, да служить. Россею-то матушку надо же кому-то оборонять. Врагов у неё всегда хватало. Страна большая, богатая. Многие зарятся на её кладовые. А удержи такую махину! Поэтому казак всегда нужен будя...

– Эй, казаки, можа, немного пополуднуем? Вон, сваха целый узел харчей тащит! – крикнула с конца надела Матрёна Ивановна.

– Ну, всё, будя! Гони, Тиша, лошадей на край поля. Торбы им подвесь с овсом.

Дружное семейство уселось под старой грушиной на разосланную дерюгу. Помолившись, принялись полудновать, нахваливая стряпуху.

* * *

Лето в трудах пролетело одним днём. После Троицы заготовили с избытком сена. Вовремя смахнули и хлеба. Урожай выдался на славу.

Власти не беспокоили. В управе сидел тот же атаман, зарывшись в директивах, которые противоречили друг дружке. Призывать уж было некого. То стар, то мал. А то и вовсе искалечен. Все казаки были на фронтах. Только на каких, хуторяне помалкивали. Бывало, что и к красным уходили. Но это считалось ззорным, – мол, против совести и чести пошли.

По вечерам собирались на майдане. Как говорили казаки, – «попыхтеть цигарками».

А на самом деле обстановка на Дону накалялась.

Вновь избранный войсковой атаман, генерал Краснов, проявлял незаурядную активность, боясь, что «красная зараза» растечется по войсковым землям.

Установленная советская власть на Дону продержалась с 23 января 1918 года по 3 мая 1918 года. А вот в Воронежской губернии она была установлена прочно.

Помещичьи земли реквизировали и поделили меж крестьянами для решения продовольственных проблем, которыми обростала молодая республика.

Крестьяне, почувствовав поддержку власти, стали разворачиваться, забирая в аренду даже казачьи земли. Но к уборке урожая, видя непростую обстановку, казаки запретили арендаторам убирать хлеб на своих землях. Дело стало доходить до междоусобиц.

Оценивая складывающуюся ситуацию на пограничных с казаками землях, большевики стали создавать добровольческие красные партизанские отряды, которые впоследствии объединились в Богучарский и Калачеевский полки. Крестьяне твёрдо решили защищать свою власть.

Летом 1918 года Богучарский полк имел численность в 700 бойцов. На вооружении, кроме винтовок, было 30 пулемётов и два трёхдюймовых орудия.

Краснов со своим штабом принял решение создать на севере Войска буферную зону³⁷ из сочувствующих крестьян. Ведь красные продотряды стали изымать у зажиточных крестьян излишки продовольствия. Этим и воспользовалась контрразведка, создав в пограничных сёлах контрреволюционное подполье. Казачьи сотни всё чаще стали наведываться в сёла Воронежской губернии.

Итогом этого напряжения стал Указ «Донского казачьего круга» о занятии войсками Донской армии наиболее стратегически важных пунктов в военном отношении: Царицына, Камышина, Балашова, Поворино, Новохопёрска, Калача, Богуча-

³⁷ Буферная зона – район, который служит цели сохранения двух или более районов.

ра. Это было обусловлено более надёжным обеспечением войсковых границ.

В середине августа красных выбили из Богучара, но далее казаки встретили сильное сопротивление. И только 9 сентября казачьи части, возглавляемые атаманом Красновым, смогли занять Калач.

Правительство большевиков, предпринимая амбициозные планы генерала, 11 сентября 1918 года образовало Южный фронт, в состав которого вошёл и Воронежский участок. Все основные силы Красной Армии были брошены на данное направление, как на наиболее опасное.

По слухам, все верховые казаки были переброшены и воевали на этом направлении. Генералы планировали, как Кутузов, «проскакать галопом по Европам», но всё больше и больше увязали в боях.

На передовую большевики перебрасывали лучшие части из обкатанных фронтовиков, правильно оценивая противника. Казачьи же командиры недооценивали красноармейцев, считая их «лапотниками», которые должны от одного вида казачьей лавы обделать портки.

Затяжные бои велись с переменным успехом. Слишком дружно навалилась на казаков вся красная Россия. Кратность превосходства войск была в разы. Недовольство среди казаков нарастало, и всё больше было высказываний за то, чтобы вернуть войска в рамки границ Войска Донского.

Немаловажную роль в таком настроении сыграла сотня 1-го Вёшенского пешего полка, которая не была своевременно экипирована в соответствии с зимним периодом. Не дождавшись из тылов обмундирования, 18 ноября 1918 года сотня потребовала от командования вести казаков домой, где, получив зимнее обмундирование, они вновь придут на передовую. Командование отказалось от таких требований. Казаки выбрали себе нового командира и ушли на Вёшки. По приказу командующего Северным фронтом генерала Иванова сотню арестовали. 12 активистов приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение. Но, видать, казаки не хотели уби-

вать своих братьев. Несколько окровавленных казаков утром пришли к окружному лазарету за помощью.

Рассказ казаков о несправедливой расправе не только облетел хутора и станицы, об этом услышали на фронте. Расформированную сотню раскидали по передовой. Все стали винить в бесчинствах красновское командование. На требование казаков объяснить эту жестокость из штаба ответили: «Через мёртвые трупы товарищей – марш вперёд!».

Казаки сделали вывод: пора домой, будем дома свои хаты защищать.

На фронте в районе Калача образовалась брешь в 40 вёрст. 15 января 5 казачьих сотен пошли на Верхний Дон. Верхнедонцы разошлись по своим хуторам, а комплектованные из южных округов ушли на юг. После этих событий весь фронт покаптал к границам Войска, а затем и далее. Отступление закончилось лишь тогда, когда казаки форсировали Северский Донец.

Итак, южане ушли к Каменску, а верхнедонцы остались дома по хуторам. Казаки заключили временное перемирие с богучарцами. 112-й Богучарский полк обещал не вступать в пределы казачьих земель, казаки же обещали сами установить у себя советскую власть. И когда по хуторам прошла 8-я армия красных, на возмущение казаков комиссары заявили: «Мы с вами мир не заключали».

Эти события произошли 26 января, а 24 января 1919 года уже была принята директива, о которой ещё не знала ни одна из договаривающихся сторон. Директива была обращена «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах» и в преамбуле содержала страшные слова о «поголовном истреблении» и «недопустимости компромиссов»:

«Циркулярно. Секретно.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении советской власти в указанных районах. Необходи-

димо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления....

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; произвести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо, прямое или косвенное, участие в борьбе против советской власти. К среднему казачеству применить все те же меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток к новым выступлениям против советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты; это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять меры по оказанию помощи переселяющейся прошлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уровнять пришлых иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести разоружение; расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах, впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящее указание».

Вслед за директивой ЦК РКП(б) в газете Троцкого «Известия народного комиссариата по военным делам» появилась статья Вацетиса, в которой автор, стремясь перечеркнуть многовековые заслуги казачества перед Отечеством, писал:

«У казачества нет заслуг перед русским народом и русским государством. У казачества есть заслуги перед темными силами русизма: по своей боевой подготовке казачество не предназначалось к полезным боевым действиям. Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной поло-

сы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить свойства между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира».

И далее следовал откровенный призыв к террору против казачества:

«Стоимиллионный российский пролетариат не имеет никакого нравственного права применять к Дону великодушные: Дон необходимо обезлошадить, обезоружить, обезнаганить. На всех них революционное пламя должно навести страх, ужас; и они, как евангельские свиньи, должны быть сброшены в Чёрное море».

Развивая эти жуткие террористические планы, Троцкий заявил на собрании политкомиссаров Южного фронта в Воронеже: «Казачество – опора трона. Уничтожить казачество как таковое, рассказать казачество – вот наш лозунг. Снять лампы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области».

Таким образом, насилию и убийству официально был дан «зеленый свет».

* * *

... Жизнь в Быковском шла своим чередом. Урожай-то собрали, но атаман запретил пока вывозить его из хутора. Нужно было намолоть муки, нарушить пшеницу, чтобы с обозом отправиться на фронт.

Подожли Покрова, а отец о свадьбе молчал.

– Бать, а что же свадьбу мы гулять будем? – поинтересовался сын.

– Тиша, мне кажется это неправильно будет, не по-людски. С фронта везут покойников одного за другим, полхутора уж в чёрных платках ходят, а мы песни будем дишкантировать³⁸! Живёте вы вместе, народ молчит, не до пересудов зараз. Как всё уляжется, так и отгуляем, – не велика задача: наливай да пей...

³⁸ Дишкантировать – здесь: петь песни.

На Крещение хутор оживился и стал закипать. Стали возвращаться с фронта казаки. Гармонисты были нарасхват. Песни дишкантили то в одной стороне, то в другой, а то и по всему хутору сразу. Но это было не веселье, а какая-то пьянка от безысходности. Никто не мог сказать, что будет завтра.

Казаки на сходе выбрали себе власть, теперь уже советскую, но в правлении оставили того же атамана. Мол, бумажек много, не каждый в них разберётся.

Ходили слухи, что в станице власть у казаков забрали, но никто в это не верил. И в один «прекрасный» морозный день в хутор заявился конный отряд. Они вызвали всё правление и, предъявив мандат, заявили, что освобождают от обязанностей выбранную власть, – теперь будет назначенная.

Атаман спорить не стал. Перекрестившись, что свалил с себя непонятный груз обязанностей, пошёл домой.

Отряд расквартировался в хатах возле правления. Власть приступила к работе. Первым делом они арестовали атамана. Несколько дней они выбивали из него списки фронтовиков, офицеров и младших чинов, бывших атаманов. С полученными списками пошли по двору.

Казаку сразу зачитывали его чины, заслуги, где он воевал, и предлагали сдать оружие. В случае отказа – расстрел. Если оружие находили после добровольной выдачи, тоже следовал расстрел.

Нескольких возмущившихся казаков увезли вместе с атаманом в Шумилин.

* * *

Как-то вечером Тихон верхом, охлюпкой,³⁹ решил промять выездного коня. У левад его остановил вернувшийся с фронта сосед Иван Дёмин.

– Здорово дневал, Тихон Васильевич.

– Слава Богу, Иван Петрович.

³⁹ Охлюпкой – без седла.

– Как, сосед, поживаешь?
– Да, вроде, ничаво, не жалуясь на жизнь. После фронта – как в раю!
– Ну, это да. За молодой женой ничего кругом и не видать... Ко мне заходили нынче комбедовцы⁴⁰. Выгребли все оружие. И ремни забрали, хочь налыгачем подпоясывайся. Жди на завтра к себе гостей.
– Да я с госпиталя без ничего пришёл, – брать нечего.
– Да им всё едино, псам. Ни за что казаков арестовывают. Надо «сполох» объявлять... У нас на хуторе гутарят, ты и сотню в атаку водил?
– Да всяко, Ваня, было на фронте. Но тут же не передовая: если схлестнёмся, жёны да старики пострадают. Да и сил таких нет у нас. Всех разоружили. В Казанскую богучарцы зашли, а в Шумилине остановился полк московской рабочей дивизии. Враз нас расседлают. А семьи пострадают за нашу дурость. Соберут оружие, обезопасят себя да и угомонятся. Страну кормить надобно, хлеба весной сеять. Всё, Ваня, перемелится...
– Ой, Тихон, молотья не зерно будет, а наши косточки. Вон, циркуляры какие понаписали! Власти комиссарам руки развязали, а нам рты позатыкали.
– Поживём – поглядим, поглядим – увидим, а увидим – поймём. И тогда примем правильное решение.
– Ну-ну, кабы поздно не было...
– Ладно, Иваныч, будь здоров, – казак попустил повода, и конь рванулся вперёд.

* * *

За несколько дней красные перешерстили весь хутор. Семья Любимовых обедала в горнице. Хозяйка разливала по чашкам борщ. В гости к ним забежала сваха, проведать дочку. Василий Петрович достал по этому случаю графинчик из постова. Налил всем по рюмочке.

⁴⁰ Комбед – сокр. от «комитет бедноты».

– Ой, батяня, штой-то кабель цепь так рвёт? Не иначе, кто чужой в куток забрёл.
Петрович отодвинув занавеску, выглянул в окно.
– Тыфу ты, неладная их несёт! – Старик поднял голову и перекрестился на образа. – Отобедали, будь они неладны. Гости к нам с Совета...
По порогу застучали кованые сапоги, и без стука распахнулась входная дверь. Вся семья встала из-за стола и вышла в стряпку.
– Гражданин Любимов Тихон Васильевич, именем советской власти требуем выдать своё оружие, – пробасил здоровяк в белом полушубке.
– Извиняйте, нет у меня оружия.
– Это как?
– Да на германском фронте был ранен и провалялся полгода по госпиталям в одних портках. Пришёл пешки домой, без шашки и винтовки.
– А это что на стене висит, ярмо что ли?
Обернувшись, Тихон с улыбкой ответил:
– Так эта ж берданка батина и его старая шашка. Вроде как память о службе.
– Приказываем выдать эту память. И сам собирайся, – больно грамотен будешь.
– Тиша, да что же это такое? За что забирают? – бросилась на шею любимого Дуняша.
– Успокойся, милая! Разберутся – отпустят...
Тихон молча стащил с вешалки полушубок и нахлобучил на голову папаху. Обернувшись, он обнял всех сразу и успокоил:
– Ничего, родные, не такое переживали! Всё обойдётся...
В управе допрос Тихону учинили с пристрастием, связав ему руки за спиной.
– Так что, контра недобитая, много нашего брата в гроб загнал? – ревел верзила, сопровождая каждый вопрос ударом кулака под дых. – Я тебя и в Шумилин не погоню, вон, до бурунов – и пулю в лоб! Признавайся, с кем готовил мятеж? Где оружие закопал, гадина?

Помощники уже перестали сажать арестованного на стул. Его, лежащего на полу, просто забивали ногами.

За окном раздался конский топот, и в комнату вместе с клубами пара буквально ввалились четыре человека в кожанках.

– Здравствуй, товарищи. Чем тут председатель Совета занимается?

– Боремся с контрой. А вы кто такие?

Но вошедший молча прошел к Любимову, лежащему без движения на полу и, приподняв рукой в кожаной перчатке его голову, посмотрел в лицо. Потом вытащил шашку и занёс её над арестованным.

– Не смей, я с него ещё не всё выбил!

Но клинок, уже блеснув, прошёл за спиной лежащего. Освобождённые от верёвки руки стукнулись о пол.

– Ты что себе позволяешь?! Да я тебя сейчас к стенке!..

Договорить верзила не успел. Ствол маузера с такой силой упёрся ему в подбородок, что тот от боли был вынужден вытянуться на носочках.

– Слушай меня сюда, мразь! Ты что тут творишь? Это ты – контра! Тебя послали циркуляры выполнять, так действуй по инструкции. Этот казак свои погоны заработал в бою с германцем. Там и пулю схватил в грудь. С нами не воевал, семья достатка ниже среднего. Против красной власти ничего не имеет. А ты, гнида, только людей злобишь!

Непрошенный гость резко опустил наган, и хозяин кабинета мешком упал на лавку.

– Вы... Вы кто такие? Я сюда уполномочен фронтом!

– А я уполномочен Республикой!

Незнакомец сунул опешившему хозяину мандат под нос.

– Сам Ульянов-Ленин?! А что за особые полномочия?

– А такие, что я могу пристрелить без суда и следствия и его, – он ткнул стволом в пол, – и тебя!

Ствол опять упёрся в подбородок комиссару.

– Виноват, исправлюсь! – рявкнул верзила, подскочив с лавки.

– Вот и исправляйся. А я погостю тут у тебя в Быковском и присмотрю за тобой...

Незнакомец подал знак сопровождающим, и они, взяв под мышки, вынесли казака на улицу.

* * *

В курене у Любимовых был переполох: бабы голосили, Василий Павлович сидел белый, как стена, не в состоянии вымолвить ни слова.

Пришедший поддержать товарища Семён Карпович пытался заставить его выпить рюмку наливки.

Во дворе раздался топот и ржанье коней. По ступеням опять застучали кованые сапоги.

– Господи, да неужто и за хозяином пришли?! – запричитала Екатерина Трофимовна.

Дверь опять без стука распахнулась и, заполняя стряпку холодным паром, в хату вошли человек пять. Приглядываясь в свете лампы, прямо с рюмкой в руке, к гостям подошёл Самофалов.

– Чё, батя, али сына блудного не признал? Аль уж отрёкся от супостата?

Звон разбитой об пол рюмки вывел старика из ступора.

– Сынуля! Андрейка, кровинушка моя! А я уж и не чаял тебя до смерти увидеть.

Старик раскинул руки и принял в свои объятья родное чадо.

– Господи, да не реви ты, Трофимовна! Оба заявили, соколки наши!

Проскочив мимо незнакомцев, Дуняша бросилась к еле стоящему на ногах Тихону.

– Ну, всё, кажись, все расцеловались и наобнимались. У меня, вон, товарищи с ног валяются от усталости и голода. Тётка Катя, крой стол в горнице, гулять будем...

Счастливые старики со снохой засуетились, выставляя угощенья.

Первыми ушли Самофаловы, прихватив с собой на ночлег товарищей сына. Захмелевший хозяин, опираясь на руку старухи, пошёл к себе почивать. Дуняша, понимая, что друзьям надо наговорится, у печки мыла посуду.

– Тихон, завтра мои товарищи уедут в Казанскую, а дальше на фронт. Я у мамки на перинах отлежусь и следом ускачу. Немного зацепило меня, сил надо набраться. А вот тебе могут потом опять припомнить офицерские погоны. Зверствуют мужики, дюже уж казачки их потрепали за осень. Нужно брать Дуню и ехать в город, пока все не угомонятся. Бумаги я вам выправлю.

Друзья выпили стоя по стремянной и крепко обнялись.

– Господи, ну почему так всё не справедливо, Андрей?! Вроде, жили по чести, проливая кровь за нашу землю-матушку, а нужно идти скитаться на чужбину. Ведь большего и счастья не надо: родители живы-здоровы, любимая и друг рядом!

– Ничего, брат, ещё будем и мы счастливы. Придёт и наше время.

– Да, похоже, оно уже и пришло – твоё время.

– Нет, брат, не этого я хотел. Слишком много несправедливости. Многие присосались к новой власти. Сосут с народа последнюю кровь. Вот как оно вышло. Но, я думаю, что всё ещё образуется.

– Дай-то Бог...

У двери Дуняша подошла к гостю и от души расцеловала его.

– Спасибо тебе, Андрюша, за мужа, – век не забуду!

Смущенный казак пробурчал:

– Тебе Тихон – муж, а мне – брат. И дороже его и тебя у меня никого на свете нет. Ну, а родители – это святое...

* * *

После приезда Андрея Самофалова в Быковский, зверства со стороны власти немного поубавились, но по спискам прошли всех и десятка два казаков увезли через дубраву на Шумилин. Как сложилась их судьба, никто не знает. То ли угнали куда, то ли сложили они свои головы в бурунах.

В Совете уже составили новые списки и скомплектовали продотряд из числа местных активистов и пришлых красноармейцев...

– Хозяин, а ну выйди на баз!

Посреди двора Любимовых стояли двое неопределённого чина с винтовками, третий за воротами сидел в санях, кутаясь в полушубок.

– Да я тута, – из коровника, не торопясь, вышел Василий Павлович и, сложив вяхерь⁴¹, повесил его на стену амбара.

– А побыстрее нельзя?

– Уж годы не те, чтобы рысью по базу скакать.

– Да я гляжу, ты хозяин с норовом!

– Не, я с уважением к себе.

– Так, хватить мне тут ласы точить! Пошли, Любимов, в амбар. Поглядим, какой ты, на хрен, хозяин на самом деле. А, можа, ты контра и зерно схоронил? – военный резко подошёл к старику и схватил его за грудки.

– А поучтивей нельзя ль, мил-человек? – на крыльцо куреня, услышав шум, вышли Андрей с Тихоном.

Бросив старика, военный схватился за ремень винтовки.

– Не стоит, уважаемый, судьбу испытывать, – вид передвинутой Андреем из-за спины на правый бок кобуры охладил войску.

– Простите, господин комиссар!

– Какой я тебе, к чёрту, господин, товарищ красноармеец?! Сразу видать, казачья натура, – не успел перестроиться.

– Так нам дальше по спискам ехать, товарищ комиссар?

– Ну, почему же? Работайте по инструкции, но будьте поучтивее к людям, с уважением. Ведь они до седьмого пота вкалывали, чтобы хлебушек вырастить.

Растерянный хозяин, не знал, что делать. Он молча развернулся и пошёл к амбару. Открыв дверь, молча показал рукой, приглашая пройти.

– Да, не густо тут у вас...

– Дык, уж с осени проехали, ополовинили на налог.

– Это ты белую гвардию кормил?!

⁴¹ Вяхерь – приспособление для переноски сена.

– Так мне они не докладывали, кого кормить будут. Вот и вы: ни мандата, ни решения. Куда повезёте, кого кормить будете, ничего не говорите.

– Ты, это, поаккуратней с трёпом, а то до бурунов недалече... Не поглядим и на комиссара. Давай мешки и ведро. Заберём вот это зерно в закроме, а в кошелях оставим... Чай, мы не последние. До лета ещё далече.

* * *

– Давай ещё по одной, братка. Не могу поверить, что ты рядом со мной. Я в скитаниях столько дерьма наглотался. Не было друга и брата у меня «в локте».

– Да и я не мёд ложкой глотал. Нагляделся всего на сто лет жизни. Прямо каким-то стариком себя чувствую, а мы-то и четверти века не прожили... Дуняша, что ты там всё в окно выглядаешь?

– Да гляжу, как хлеб у нас выгребают.

– Вы сильно не возмущайтесь. У них мандаты с такими полномочиями, что могут тут же перестрелять. Москва и Питер голодают дюже.

– Так земледельца не троньте. А мужик с казаком всю Россею накормит. А вы лбами их сталкиваете. Перебьют же друг дружку! А на мостовых в городах хлеб не растёт... Али нынче всё выгребут, а весной и семян не будет. Да и желание отобьют растить лишнее.

– Ты только мне такое, брат, говори. А то в расход загремишь.

– Да я всё понимаю. Война идет! Тем паче, гражданская... Меня не это беспокоит. Вон, что по хуторам творится. Все балки трупами уж забили, все буруны в крови. Нельзя так казака гнуть, – может сполох пыхнуть. С вилами же за семьи станут.

– Тиша, да вижу я это. Не пойму сам, что творится. Как будто бес в большевиков вселился – одержимыми стали. Во всём казаков винят. А те поначалу уж и власть приняли... Понимаешь, плохо это, когда «из грязи – да в князи». Слишком много всем власти дали. Всё припомнили мужички да рабочие... А то,

что полыхнёт, я это нутром чую. Поэтому и выжидаю назначения на юг, – в пекло, видать, меня погонят. Там сейчас решается судьба России...

– Ладно, давай выпьем. Я думаю, жизнь расставит всё и всех на свои места. Не первый раз на Руси смута... Дуняша, ты бы нам яишенки ещё поджарила.

12.

Тихон стоял у каменного корыта и не спеша долбил лёд, которого наморозило аж доверху, и курочек не напоить. На душе было муторно. Вчера посидели немного с Андреем, батя позволил, – Прощённое воскресенье было. А нынче Великий пост начался, и не опохмелишься. А постный борщ бодрости не придал.

«Бах, бах, бах» – раздались выстрелы в стороне майдана.

– Один винтовочный, два с нагана, – моментально определил бывалый воин. – Совсем умом тронулись! Неужто на майдане стали казаков расстреливать?

На крыльцо вышел отец, на ходу застёгивая полушубок.

– Тиша, ты сена корове задал?

– Батя, да всех уж управил: и накормил, и напоил. Вот только кочет на меня обижается, – курочки у него не поёные.

Он продолжил долбить лёд.

– Ну, ладно. А что это? Посреди хутора палят, што ль?

– Да и мне не нравится эта стрельба...

В куток по подмороженной дороге залетели три всадника и напрямик направились ко двору Любимовых.

Прислонив лом к стене сарая, Тихон пошёл к воротам.

Осадив коней, три казака поздоровались. Они были вооружены и экипированы по полной форме. Казак с погонями старшего урядника спрыгнул с коня и, козырнув, заявил:

– Господин сотник, казаки объявили «сполох» и вам, как офицеру, немедля нужно выступить в Шумилин, там и получите дальнейшие указания.

– Вы что, на два хутора его объявили?
– Никак нет. Вестовые ушли по всем хуторам. Пока полагаем поднять четыре юрта и воссоединиться с Донской республикой. А то нас тут на отшибе перещёлкают, как куропаток.
– Хорошо, господа казаки. Я без замедления подъеду к управе. Козырнув, казаки ускакали.
Открыв сундук, Тихон стал надевать форму.
В хату со свёртком в руках зашёл отец.
– Вот, чужло моё сердце, что так и случится. Нельзя с казаками поступать, как с быдлом.
Положив на стол свёрток, старик развернул его.
– На вот, примерь... Прикупил по случаю.
Перед Тихоном лежала офицерская портупья с кобурой. Он быстро её расстегнул. Наган аж блестел чистотой, и обоймы были полные.
Вскинув брови, сын посмотрел на отца с вопросом:
– А как ты хотел? Мы тоже военные! Содержал, как положено.
– А если б нашли?
– Если бы, да кабы... Примерь.
Пропустив ремень под погоном, офицер затянул портупью.
– О, батя, и на полушубок ремня хватит!
В комнату заскочила Дуняша с криком:
– Тиша, милый, там казаки к Самофаловым нагрянули! Андрей одного убил и через левады убёг.
– Ну и слава Богу, что убёг.
– Да он, Тиша, к нам в амбар заскочил и...
Дуня не успела договорить, как в хату ввалились вооружённые незнакомые казаки.
Пред ними во всей красе, с золотыми погонами и медалями во всю грудь, предстал сотник. От такой картины они опешили и вытянулись в струнку.
– Господа казаки, я уже готов. Коня оседлаю и подъеду к управе. Собирайтесь все, выступаем на Шумилин. Красных всех разогнали с хутора?
– Так точно!
– Вот и славно. Ступайте... Я попрощаюсь с семьёй.

Казаки развернулись и вышли за дверь. За окном послышался конский топот.

– Дуняша, позови-ка сюда Андрея... Всё, батя! Пойди пока выведи с конюшни Сивого и подседлай, а я с Андреем определюсь.

В комнату вслед за Дуняшей вошёл товарищ. Они поздоровались, и Тихон предложил присесть.

– Смотри, брат, казаки объявили «сполох» на четыре юрта. На юг тебе нельзя, опасно. Вся степь запылала. Дуняша сбегает к вам, отец в ночь приведёт коня, и ты вверх на Гусынскую балку уйдёшь, в сторону Урюпина. Не затягивай, – казаки злые, кровушки много пролилось.

– Спасибо тебе, Тихон за всё! Приглянь тут за моими, – могут за меня на них отыграться.

– Хорошо, присмотрю. Давайте прощаться...

Во дворе хозяин открыл ворота и оседлал коня, который предчувствуя дорогу, бил копытом.

– Ну, батя, прощай! Не поминай лихом. Жить я буду долго, нам с Андрюхой наречено так...

– Оно-то так... Только дороги у вас теперь расходятся. Не к добру всё это. Первый день Великого поста, а казаки казаков убивать стали...

Родные крепко обнялись, и Тихон привычно взлетел в седло. Конь с места рванул галопом в неизвестность.

* * *

Отряд человек в тридцать выехал из дубравы на опушку. Сотник, командир отряда, встав в стремях, осмотрел раскинувшиеся перед ним песчаные буруны, на которых и снег-то не задерживался. Затем оглядел всю заснеженную долину речки Песковатки, которая спряталась в прибрежных левадах. Намётанный взгляд воина ничего подозрительного не заметил и тот, опустившись в седле, попустил повод. Отряд молча пошёл следом на рысях.

Проскочив через Цыганов мост, отряд выехал на майдан. В центре Шумилина творилось чёрт знает что. Все дороги были забиты телегами, пешими, конными. Прямо на порожках храма проходил митинг.

Спешившись, Любимов передал повод уряднику и пошёл в управу. В атаманской было не протолкнуться и не продохнуть от сизого дыма самосада.

– Господа казаки, кто тут у вас походный атаман? – пытаюсь перекричать толпу, гаркнул Тихон.

Но он даже не услышал своего голоса. Казаки гомонили, перебивая друг друга, как стая испуганных гусей.

«Да, натерпелись, намолчались казачки», – подумал сотник, понимая, что попал в родную стихию.

Прислушавшись, Тихон понял, что идёт формирование войсковых частей. Он протолкнулся вперёд и молча передал список своего личного состава самому активному уряднику. Тот поднял глаза и удивлённо вскинул брови:

– Вы откуда, господин сотник? Всех офицеров и атаманов красные выбили в первую очередь.

– Сотник Любимов. Привёл с Быковского и Солоновского тридцать конных казаков.

– Урядник Симонов. Формируем сотни... Как с оружием?

– Шашки – у всех, винтовки – у половины казаков, есть немного патронов. Забрали конфискованное в Совете.

– Добре, молодцы! Вы пока обождите, – может, вас заберут в юрт. Офицеров не хватает.

– Ничего страшного, я рад буду воевать и под вашим началом.

– Во, даёт! Первый раз вижу офицера без амбиций. Ладно, погодьте, разберёмся...

Выйдя на крыльцо, Тихон произвольно всей грудью вдохнул свежего воздуха, да так, что в глазах потемнело. Под ложечкой посасывало. Пугала неизвестность и неопределённость. Что выйдет из всей этой затеи? Он не считал «Сполох» авантюрой, полагая, что это – от безысходности. «Даже загнанный в степи суслик, видя, что ему не убежать, идёт в атаку на чело-

века. И страшно становится от его ярости. А казак – это тебе не суслик! Много кто пытался известить казака, да лиха с лишком получал... Но что будет с семьями, если вдруг карта не выгорит, и судьба подомнёт? Ведь сквозь землю не провалишься и под амбар не сховаешься. А посему нужно изо всех сил жилы рвать до последней капли крови. Если не отобьёмся, нужно на юг прорываться... Неужто Дон с Кубанью за себя не постоят?!...»

С этими мыслями Тихон подошёл к своим казакам, которые, привязав коней, собрались кучкой в стороне и безмятежно шутили и смеялись. Вот что значит «казак»! «Ему всё едино, сколько врага спереди и кто он. Ему главное – кто «в локте», – вспомнил Тихон свою любимую поговорку. А они друг за друга готовы глотку любому порвать, не жалея своего живота.

– Плигин?! Владимир Иваныч! Ты чагой-то приبلудился к быковцам?

– Господин сотник, рад видеть в здравии! При последнем нашем свидании, когда я тебя за коня хоронил, ты выглядел похуже, а зараз, прям, светишься весь! Видать, под боком у любимой отлежался?

– Да, родные стены и с гроба поднимут, – принял шутку Любимов.

* * *

Сумерки опустились на хутор. К вечеру вывездило, и на улице подморозило. В свете звёзд на фоне снега были видны только силуэты хат. То, что отец ведёт коня в поводу, Андрей понял по хрусту льдинок под копытами и сапогами. Выйдя из-за стожка, он пошёл навстречу.

– Андрейка, сынок, да когда ж всё это кончится? Сердце кровью обливается. Ночами уж спать перестал. Мать, вон, слезами изошлась...

Обняв отца, сын тихо успокаивал:

– Бать, всё обойдётся и со временем образумится. Вы тут себя берегите. Это всё ненадолго...

Родные обнялись и, взявшись за луку, казак легко забросил своё тело в седло. Он поскакал по знакомой с детства тропке, чтобы подняться на гору и дубравой уйти на север.

* * *

В курене Любимовых под образами горела лампадка, освещающая только святой угол. На полу на коленях в ночной рубашке стояла молодая казачка и неистово молилась:

– Господи! Слава тебе, Господи! Прости наши души грешные. Спаси и помилуй рабов Божьих...

Дуняша от всего сердца просила защиты у Всевышнего. Её душа болела за любимого, который ушёл к восставшим. Она молилась и за ставшего ей родным Андрейку, который ускакал в неизвестность. Девушка просила дать сил и крепости духа пережить весь этот ад. А ещё она просила за судьбу чада⁴², которое носила под сердцем. Пока это был её секрет. Но уверенность в зарождении новой жизни в её чреве крепла с каждым днем все сильнее. Дуняша была больше чем уверена в том, что будет мальчик.

А если снова придёт Советская власть, что тогда будет с ней, женой офицера, и его сыном? Казачка знала, что со своей землей на чужбину не пойдёт. Да и куда «в положении» мыкаться по белу свету, по чужим углам?!..

К концу молитвы у Дуняши появилась твёрдое убеждение, что она останется в отчем доме, будет полагаться только на волю Божью и ни в какой отступ не пойдёт.

* * *

В Шумилинской, кроме пеших частей, были сформированы две конные сотни. Тихон Любимов командовал одной из них. Корм лошадям доставали фуражиры по окрестным хуторам. Казаки же харчевались в сотне. Продукты подвозили из дома, из родных хуторов. Сотенный котёл установили прямо под лапасом одного из подворий, расположенного рядом с

⁴² Чадо – дитя, ребенок.

церковно-приходской школой. Казаки, настелив на пол сена, расквартировались по классам. Хлеб выпекали в соседних куренях. Казаки с удовольствием помогали стряпухам. Они пилили дрова для печи, таскали из амбаров мешки с мукой.

Ну, а самое любимое место было – у казана. Казаки рассказывались по кругу на лавках и брёвнах – послушать «пустобрёхов», как они меж собой называли товарищей, умеющих посмеить. Но в глаза никогда им такое не говорили, боясь остаться без хорошего настроения на целый день.

Самым любимым баечником у них был, конечно же, Плигин. Хоть он и жил недалеко, за речкой, но домой уходил только ночевать. Утром, позавтракав, поцеловав любимую жену, шёл на службу. Гармошку домой не забирал. Она могла понадобиться в любую минуту – для душевного равновесия.

– Митро, дай табачку, – подсаживаясь поближе к огоньку, попросил Владимир Иванович.

– Не, тебе не дам.

– Это почему? Мордой не вышел?

– Морда твоя мне как раз по душе. А вот кислое выражение на ней, ну, никак не вяжется с твоей натурой. Я вот сейчас тебе сам сигарку скручу, а ты побаску расскажи, пока нас мужики не потревожили.

– Ну, с этими мужиками казаки всю жизнь цапаются. А ведь они и не виноватые. Это Пётр I земли казачьи, вон, по нашу межу отрезал, да заселил там мужиками крепостными. А охочие они до земельки нашей потому, как «синдром» у них такой.

– Это как? Разъясни!

– Ну, когда человек дюже поголодает и аж пухнуть начинает, у него такой «синдром» появляется – голодного. Даже если он и в сытости живёт, хлеб под подушку прячет: а вдруг завтра опять голод? Наестся он не может... Так и с землёй. То крепостными были, а когда вольную дали, земельку-то нарезать и забыли. Вот и стоит у него изба, вроде, его хата, а земля под ней – помещичья. Вот так всю жизнь и живи «в зятях»... А тут – на тебе! Халява! Всем власть новая земли надавала. Ан, нет: своя – не такая, хотим ещё и казачьей...

Бывало, приедут к нам на мельницу, у них-то своих мало было, а мы с них и потешаемся. Нагрузят мешков с мукой верхи, аж оси прогибаются. А мы им чеки повытаскиваем и выпроводим. Отъедут они с версту и – бах! – колёса врозь покатались. А мы от смеха давимся. Ведь телегу надобно разгрузить, поставить колёса, а потом опять загрузить... Не, ну если за магарыч, мы и помочь рады. Так они удумали на чеки снизу гайки накручивать – не украдёшь такую...

– А вот если казаки к мужикам в гости едут, на базар или ещё куда, тогда как?

– Да так же! Долго Семёныч у нас молчал, ходил с руками перевязанными, – мол, кипятком ошпарил. А в кузнице казаки ему налили поболе – да и разговорили его.

Ездил в Калач старик на своём Рябчике на базар. Бабка много творогу наделала, масла натопила, да ещё там чавой-то старуха наложила. А поехали они через Криушу.

Возвращаются, значит, назад. Микитишна пилит всю дорогу старика, – мол, плохо покупателей он зазывал. Поэтому половину продуктов она везёт назад, да ещё не скупила, чего планировала. Денег же не наторговала.

Ехали они мимо кузницы. И тут видит Семеныч – с боку дороги в пыли пара новых подков лежит. Ну, прям, невладанные. А Рябчика, хоть кричи, надо было подковать: копыта от сухости уж лопаться стали.

Остановился старик, слез с телеги, вроде, как колёса посмотреть. Осмотрелся и, хватать подковы в две руки. Стоит Семёныч с подковами в руках, и дух у него перехватило. А бабка на него: чего, мол, глаза на меня вытаращил. Недолго думая, старик подал своей милой подковы. Та и взяла их в руки. У неё глаза вообще на лоб вылезли. Со стороны можно было подумать – от счастливой находки это. Она этими подковами как дала Семенычу по башке! Если бы не папаха, убила бы.

И тут слышат они смех от кузни. Человек пять мужиков животы рвут. Прыгнул старик на передок и галопом коня погнал от такого сраму.

А это те мужики, что на мельнице растеряли колёса, решили казаков проучить. Нагрели в горне две новых подковы докрасна. А как показалась на повороте телега, они их и бросили на дорогу, зная домовитость соседей...

Казаки попадали с лавок от смеха.

– А Рябчика хоть подковал дед?

– Да, лошадку-то он подковал. Но пострадали-то они оба с бабкой. И понятно, что дед виноватый. Пришлось Семёнычу две недели корову доить. У бабки хочь руки и зажали уж, но со злобной улыбкой любила она смотреть, как дед в завеске и платке корову доит. Она, стерва, не угадывала свою доярку, посему сильно лягалась и била его хвостом.

Так старый казак трижды пострадал от хохмачей. Руки до мяса спалил, по голове получил. А больше всего он страдал от душевной травмы, беря подойник в руки. Это же срам для заслуженного вояки...

– Господа казаки! С нынешнего дня – повышенная боевая готовность, – к лапасу подошёл Любимов, придерживая шашку.

– Есть какие слухи, Тихон Василич? – не утерпел Плигин.

– Слухи на базаре, Владимир Иваныч, а тут война. Разведка с Лопатины вернулась. Мужики с Богомолова сообщили, что пришёл отряд калачеевцев, усиленный матросами. На днях ожидается наступление... Лопатинцы, которых мобилизовали, находятся здесь. Нам нельзя разбрасывать казаков по всей линии соприкосновения. Все части сконцентрированы в Шумилине. В случае необходимости конные сотни сразу уйдут на помощь, а пешие при необходимости подтянутся и вступят в бой позже. Так что, ждём посыльных...

Проверить всем амуницию и сбрую, быть наготове. А точнее, мы завтра выдвинемся ближе к линии фронта, на Пятый лог. Я как раз проверю слаженность сотни. Развернёмся в лаву по логу. А то засиделись...

Поправив портупею, сотник направился в здание школы, где в небольшой учительской устроился штаб сотни. Раскинув карту на столе, Тихон стал карандашом помечать расположе-

ние войск неприятеля, их численность и направления возможных ударов.

13.

Петля на шее восставших помаленьку затягивалась. Войска красных пока в наступление не шли, наращивая группировку. Как кобра перед смертельным броском, пока пугали только стойкой и шипением.

Выигранное время позволило укомплектовать в округе части. Возглавивший восстание вахмистр, Павел Кудинов, был на Верхнем Дону казаком авторитетным – Георгиевским кавалером 4-х степеней. Начальником штаба был назначен И. Сафонов.

Почему Советы не тронули такого заслуженного казака, можно было объяснить только одним: в момент восстания он являлся советским военнослужащим и занимал должность начальника военного отдела Вёшенского исполкома.

Кстати, командирами в восставших частях назначались не по происхождению и звёздам на погонах. Казаки сами выдвигали заслуженных и авторитетных товарищей и слушались их беспрекословно, как и положено воину в походе. Они понимали, что от дисциплины зависит если не исход сражений, то очень многое.

Приказом по войскам Верхне-Донского округа №1 от 10 (23 по новому стилю) марта 1919 года, все сформированные действующие части свели в пять конных дивизий и одну конную бригаду. Для пополнения рядов была объявлена мобилизация от 16 до 60 лет.

К 28 марта (11 апреля), по воспоминаниям Кудинова, в рядах восставших насчитывалось 15000 бойцов. Круговой фронт по границе округа держали протяжённостью более 300 вёрст. Далее границ Верхне-Донского округа восстание не разрасталось.

* * *

Грозные мартовские события отразились на жизни и окрестных хуторов.

Прощённое воскресенье весной 1919 года в хуторе Песковатско-Лопатинском казаки отмечали скромно. Никаких уличных гуляний по поводу проводов зимы не проводилось. Молодежь с гармошками на улице не гуляла.

Иногда проскочит правленская пара лошадей, запряженных в сани, за которыми из-за плетней наблюдали десятки казачьих глаз. Потому что не исключены были новые аресты. Уже треть хуторских казаков вывезли в Казанскую-Лопатину, где в храме комиссары устроили пересыльную тюрьму. Никто оттуда не возвращался. Казаков или расстреливали по балкам, или угоняли на Миллерово и Чертково до железной дороги.

Толокольниковы жили на низу хутора. Домовладение было старинным. Срубленный из дуба родительский курень стоял крепко, распахнув свои обolonки на юг, встречая и провожая солнышко на небосклоне. Хозяйских построек во дворе было с избытком: воловня, конюшня, коровник, овчарня, свинарник и курятник стояли в одну линию через весь хозяйственный двор. Добротный погреб, выложенный камнем и перекрытый дубом, никогда не промерзал. Во дворе стоял глубокий колодец с кристально чистой и холодной до ломоты зубов водой.

За хозпостройками были лапасы, под которыми хранился сельхозинвентарь. Тут же была и глинобитная площадка – ток, возле которой в ряд стояли обмолотные камни и каменные ступы. Сюда с полей свозили снопы пшеницы, ржи, проса. Домочадцы своими силами молотили раскинутые по току стебли, веяли зерно и просевали его через грохот. Чистое зерно заносили в амбар и ссыпали в деревянные закрома. Излишки зерна хранили в сараях, в обмазанных кошелях. Тут же стояла ручная мельница.

Огород располагался ниже поместья. А у самой речки Ольшанки были родовые левады и капуста, там же был разбит и сад.

Осип Николаевич Толокольников, 1876 года рождения, взял в жёны родовую казачку – Наталью Варламовну Щеголькову, 1878 года рождения и ушёл на действительную службу в 1896 году, оставив молодую жену на попечение свекоров⁴³.

Шесть лет службы без отпусков не давали молодым возможности завести детей. И лишь через год после демобилизации Осипа, в 1903 году, родилась первенка – дочка Евдокия. Недовольному хозяину, Осипу Николаевичу, пришлось еще три раза принимать из рук повитухи дочерей: Марию, Ольгу и Катерину. И только в сорок лет, в беспокойный 1917 год, Господь одарил уже зрелую семью сыном. Мальчика назвали Иваном.

Казак полхутора упоил на радостях. Считалось, что, если родился сын – в семье у казака праздник, к богатству, родилась дочь – к бедности. У казаков считалось, что растить дочь – это растить 20 лет работника в чужой курень: «Дочь кормить – для людей, а сына кормить – для себя».

Прощенное воскресенье Толокольниковы встретили более чем скромно. Хозяйка Наталья с утра напекла блинов, зажарила утку, натушила мяса, сварила взвар. Картошку обжарила на шкварках. Хлеб, пирожки и бублики на рассоле были приготовлены еще в субботу. Из погреба достали соленья.

По казачьим меркам семья была небольшой, среднего достатка, ввиду того, что в смутные времена хозяйство пришлось сократить.

Управившись с утра пораньше по двору, Осип зашёл в курень и, сняв папаху, перекрестился.

– Прости меня, мать, – подошел он к жене, которая хлопотала у печки и трижды расцеловал.

– Господь простил, и я прощаю, – скромно ответила Наталья.

За накрытый стол рассадили детей, которые быстро перекусили и, одевшись, убежали на улицу. Только шестнадцатилетняя Дуняша осталась присматривать за последышком, которого уж было не удержать в люльке. Первые шаги Ваня сделал уж больше года назад, и теперь он топал по горнице, спотыкаясь

⁴³ Свекорá – здесь: родители жены.

о края расстеленных дерюжек, открывал дверцы на поставе, тащил всё со стола.

– Мать, зараз кумовья должны забежать. Семён коня в желобах поил, проехал домой. Посидим трохи, погутарим. А то Великий пост завтра же начинается...

– Зайдут, и хорошо. Накормим и напоим, – быстрее хлопотала по стряпке хозяйка.

– Мамань, можа, помочь? Посуду помыть али стол накрыть?

– Да Бог с тобою, доча! Я лучше на свадьбу наготовлю, чем с этим неугомонным чадом воевать.

Хозяин довольно улыбнулся в усы:

– В батю растёт, непоседа. Ишо трошки – да на коня посадим. Лихой казак будя! Да и родителей докармывать ему, коли мне больше сына не родишь, мать...

Жена, зардевшись, поправила платок:

– Совсем умом тронулся, што ль? Дитё, вон, на выданье. Унучка поперёд будешь няньчить.

Постучав сапогами по порожкам, отряхивая снег, в хату вошли кумовья. Перекрестившись на образа, попросили друг у друга прощенья и расцеловались.

– Проходите в залу, гости дорогие, – там стол крыть будем.

– Кума, давай я тебе подмогну, пока казаки посидят, погутарят.

Пока кумушки накрывали стол, хозяин хвалился своим наследником.

– Слышь, Осип? А ведь нам с тобой уж по шестьдесят стукнет, когда крестника в армию провожать будем. Уж откажем... В хуторском совете стариков будем шаровары протирать.

От такой перспективы друзья-однополчане рассмеялись, усаживаясь за стол.

– Семён, как там у нас дела с властью? Дюжа лютуют?

– Да, вроде, чуть угомонились. Всех выгребли. Ни офицеров, ни атаманов не осталось. В Шумилине нагнали иноверцев, туго там братьям приходится. Боюсь, сорвутся казаки...

– Ну, кумушки, чего стоим? Присаживайтесь! Проводим масленицу да попросим у Господа прощения за все наши грехи.

Перекрестившись, компания уселась за стол.

На улице уже рассвело, когда по-над хутором поплыл колокольный звон. Люди выходили на улицы и крестились. Ведь колокол бил не ко времени. Да и новая власть временно прикрывала храм, до особого распоряжения. Кто жил близко, побежали к храму, кто подальше, оседлали коней и галопом помчались на тревожный звон. Никто ничего понять не мог, но все чувствовали, что пришла беда.

Осип уже выводил за ворота коня, когда подъехал Семён.

– А ты чего в полном боевом, кум? Думаешь, уже началось?

– Я думаю, Осип, это «сполох». Поначалу, вроде, как несколько раз с нагана пальнули, а погода уж и зазвонили.

– Господи прости! В первый день поста... Казаки на войне в этот день не палили, греха на душу не брали.

– Да уто ж... Поехали!

К церкви люди стекались со всего хутора.

На сани влез Пантелей Карташов и, сняв папаху, поднял её над головой. Хуторяне стали цыкать друг на друга, устанавливая тишину.

– Господа казаки, соседи объявили «сполох». Мочи терпеть все бесчинства новой власти уж нету. Шумиляне передали, чтоб все казаки от 16 до 60 лет прибыли к ним, к храму, для комплектования частей. У кого какое оружие али конь, прибыть с ними. Но мы посоветовались тут и решили, что совсем одних баб оставлять негоже.

– А вы чё за нас переживаете? Мы к мужикам сбежим, што ль? – дружный хохот собравшихся разрядил обстановку.

– Да что вы, бабоньки! Вы разве не знаете, что у мужиков по природе с ентим хозяйством дела похужее нашего обстоять? Поэтому мы и не боимся!

Хохот пошёл эхом по утреннему хутору.

– Из казачат от 16 до 18 годков и стариков, кому более 55 лет, негожих по здоровью, создадим отряд самообороны. Коренюгина оставляем за старшего. Михалыч, составь списки и собирай свою гвардию. Я думаю, что краснопузые за недельку не очухаются, а нам в самый раз. В сторону Богомолова да Бе-

резнягов поглядяйте. Если что, посыльного галопом к нам. А у нас, казаки, два часа времени, собираемся здесь же.

Никто возражать не стал против предложения оборонять свои хутора. Новая власть, которая устроила круглосуточный террор, быстро всем опостылела. Директиву о расказачивании знали все наизусть. Каждая семья подпадала под неё. Жди день и ночь, когда за тобой придут.

Представители новой власти, видать, прознали про казачий бунт и вовремя убрались из хутора, прихватив и сочувствующих ей казаков.

Действительно, неделя в хуторе прошла без происшествий. Коренюгин ежедневно посылал пару казачат на объезд окрестностей для выявления неприятеля. В близлежащих сёлах у казаков имелись свои люди, которые оценивали оперативную обстановку и передавали сведения казакам. Таким мужикам были обещаны надёлы на казачьих землях...

14.

Конь разгорячился, пока взбирался по склону горы к дубраве, и в лесу Андрей еле-еле его сдерживал, боясь удариться головой о сук. К полуночи казак выскочил на северо-восточную окраину Быковской дубравы и направил коня в пойму речки Гусынки. Через пару часов бешеной скачки Андрей натянул повод и отстегнул крышку кобуры маузера. Путь пролегал мимо рощицы, и казак всем нутром почувствовал опасность. Конь пошёл боком, обходя кусты.

«Волки», – с облегчением подумал казак.

Но вдруг на пути возник, словно вырос из-под земли, отряд конников численностью с дюжину. Они стали забирать Андрея в полукольцо. По поведению всадников тот сразу понял: служивые, видать, казаки.

Не спеша, Андрей переложил в левую руку маузер, а правой крепко сжал рукоять шашки, готовый в любой момент её обнажить.

– Эй, путник, куда путь держим?
– А вам что, места в поле мало?
– Командир, да он ишо и хам редкостный! А ну, слезай с коня! Пешком пойдёшь дальше. И оружие на землю брось, а то пристрелим.
– Ну, это ещё бабуня надвое сказала, кому первому быть стрелянным.
– Прекратить разговоры, красноармеец Сидорчук!
– А ты прекрати пререкаться, и будя хвататься за оружие, – на мушке держим.
С облегчением Андрей вернул оружие на место и смело подъехал к старшему.
– Комиссар Самофалов, с особыми полномочиями.
– Это что за полномочия такие?
– С полномочиями члена Военного Совета! Мандат подписан лично Лениным.
– Извиняйте, товарищ комиссар, – отёрнул руку старший разъезда. – У нас тут такое творится! Вон казаки «сполох» объявили... А вы с их стороны путь держите?
– С боем пришлось прорываться.
– У нас тут, в Нехаевской, база отряда, а мы в поля разъезды посылаем.
– Да за границы Верхнего Дона казаки не выступают, вроде. Они только свои куреня оберегают. У вас там, в штабе, связь телеграфная есть?
– Так точно, имеется. Циркуляры получаем ежечасно...
На рассвете отряд подъехал к штабу, который располагался в бывшей атаманской управе. Часовой, видать, бывалый слуга, вытянулся в струнку при виде незнакомца. Комиссара, который так выглядит: весь затянут в кожу, с маузером и шашкой, – красноармейцы ещё не видели.
Самофалову выделили целую комнату, дали чернильницу и несколько листов бумаги, на которой он писал для телеграфиста тексты в штаб фронта. Только к обеду Андрей управился с докладами. Выйдя на крыльцо, он всей грудью вдохнул свежего воздуха. Штаб отряда был похож на фабричную проход-

ную. Заходили все, кому не лень. А зайдя, подкуривали папироски, козьи ножки, трубки. Дым стоял, хоть топор вешай.
– Ну что там нового, в верхах? – уже как к товарищу, подошёл командир разъезда Семилетов.
– Через недельку с Калача придёт отряд в село Богомоллово. В помощь с Кронштадта краснофлотцев бросают. А я там всех морячков поимённо знаю. Хорошие парни, боевые. Нужно будет к отряду конницу набрать.
– Знаешь, что, товарищ комиссар, туговато тут насчёт добровольцев. Все на нас косо смотрят.
– Не нужно было палку перегибать. С людьми надобно полюдски, а не по-скотски... Ладно, разберусь. Пойду с казаками погутарю, погляжу, кто чем дышит.
Через несколько дней у атаманской коновязи уже стояло около трёх десятков коней.
– Ну, Андрей Семёнович, неплохо ты потрудился! Есть у тебя комиссарская хватка. Вон, целый отряд собрал. Ты что, в ночь выдвигаться будешь?
– Да, времени терять не будем. С минуты на минуту придёт приказ о наступлении. А против казачьей лавы пехотная цепь не устоит. Нужна поддержка кавалерии...
Мужчины крепко пожали руки и обнялись, как давние товарищи.

* * *

... Но вернемся в хутор Песковатская Лопатина. Дальнейшие события этого повествования будут развиваться в его окрестностях. Здесь судьба готовила восставшим новые испытания.
Прокоп Михайлович, как и положено, обрядился в полевую форму, повесил медали и нацепил погоны младшего урядника. Он достал и старую шашку, с которой, видать, ещё турок гонял. Но состояние её было таким, что она годилась и на строевой смотр.
Жил Прокоп Михайлович недалеко от верховских желобов.

– Илья, а ну разыщи брата, подседлайте лошадок и сбегайте в сторону Правоторова. К Кручам я уже отослал дозор... Если чё, то шеметом⁴⁴ домой скачите. Да не балуйте на лошадках, – на них по весне в поле выезжать... Чавой-то у меня с утра душа не на месте. Да и спал плохо: чёрт-те чё всю ночь чудилось!

Парень выскочил на улицу и, надевая зипун на ходу, закричал на весь проулок:

– Ванька, а Ванька?! А ну седлай Рыска, – в дозор едем!

Застоявшиеся в конюшнях лошадки ходко пошли в гору к ветряку, похрустывая подмороженными льдинками. С полудня солнышко уже пригревало по-весеннему, но к вечеру ещё подмораживало.

– А давай на перегонки, братка!

– Не... Но хутору кто увидит, деду передаст, а назавтра пешки в дозор побежим, – он у нас строгий.

– Ну, это – да. За бугром промнём немного лошадок, – успокоился наездник.

Выехав из балки на бугор, братья оглянулись. Весь хутор был в какой-то дымке, хат было не видать. Впереди, в Правоторовой балке, тоже стоял туман.

– Ты глянь, Ванька, прям, как молоком, всю округу залило, – ничего не разглядеть! Давай за Муравлятку проскачем, оглядимся.

– А дедуня только до Правоторова велел... Заругая же!

– А если враг там за туманом прячется, а мы яво не найдём. Это лучше будет?

Такой аргумент убедил парня, и братья, попустив поводья, пошли рысью по степи.

– Илюша, поскакали домой, а то мы дюже долго уж катаемся...

Парни, развернув лошадок, поскакали рысью домой, не заметив в заснеженной степи ничего подозрительного.

Когда на обратной дороге они проехали Правоторов лес, то справа сквозь дымку увидели чёрные фигурки на поле. Кони перешли на галоп.

⁴⁴ Шеметом – здесь: сразу, немедленно.

– Стой! А ну стой, кому говорю! – раздалось справа, и щёлкнул затвор винтовки.

Илья, пригнув голову, дал коню шенкелей и поскакал быстрее. А Иван замешкался, испугавшись, что незнакомец пальнёт по нему. А тот на ходу перехватив винтовку за приклад, ткнул её вперёд. Резкая боль обожгла правое плечо паренька и он, упав на луку, дал шенкелей. Лошадь рванула галопом и понеслась по заснеженной степи, догоняя Илью. В хутор братья влетели, как оглашенные, и сразу поскакали домой.

– Деда, а деда!? Там – моряки в бескозырках, степью идут! Много их там!

С лицом, ставшим по цвету сходным с бледной поганкой, Иван свалился деду на руки.

– Эй, унура, да что с тобой?

– Да пырнули меня штыком, дедуня...

– Ах, вы ж аспиды! На детей руку поднимать... Ну, держитесь! Мать, прими унука, перевяжи... Илья, гони низом до Пятого лога, там наши фланкируются: кум ехал, видал сотню. Всё им передай, что видел, а я людей буду поднимать.

Ещё от Круглого леса парнишка увидел казачьи цепи на склоне Грачёвой горы и стал погонять лошадку. Увидев всадника, летевшего во весь опор, сотник поднял шашку вверх и сделал ею круговое движение. Казаки на всём скаку становились в колонну по четыре.

– Господин офицер, меня деда за подмогой послал! Брата ранили матросы... Они цепью от Правоторова на хутор пошли.

– Господа казаки, кто на местности хорошо ориентируется?

– Я, господин сотник, – отозвался Толокольников.

– Хорошо, Осип. Как зайти к ним в тыл?

– Пойдём Лопатинской балкой до Крутенького, поднимемся в вершину, пройдем с версту. А там можно и лаву разворачивать...

– За мной, рысью – марш! – последовала команда, и сотня пошла через хутор Пятый Лог в гору.

Парнишка пристроился к колонне.

* * *

Тревожный колокол опять поднял весь хутор Песковатская Лопатина. У церкви собрались и стар, и мал. Хуторяне обоих полов вышли на церковную площадь. Все казаки были вооружены вилами, топорами, кольями. Редко у кого была берданка или капсулёвка.

– Уважаемые хуторяне, красные идут двумя отрядами. Одни – от Правоторова, другие – от Разрытого кургана. Настроены серьёзно. Моего внука уже ранили... Я думаю, нужно выдвинуться к желобам, и пойдём в лоб, на выгон. Нужно продержаться немного, – за подмогой уж ускакал Илюшка, – объявил Прокоп Михайлович.

– Так нам же в спину второй отряд ударит!

– Мы подстраховались: казаки Корнея с его «Максимом» оставили и в помощь ему дали Тимошку Комкова. Они пулемёт ещё надысь на ветряк затащили. У них мешок патронов. Да и Корней – казак тёртый, – четыре года за гашетку тянул...

Толпа почти бегом направилась к желобам.

* * *

Первый бой принял пулемётный расчёт.

– Тимофей, а ну, вправь ленту, как учил, а я погляжу, – не спеша скомандовал старший расчёта, скручивая сигарку.

Подручный практически с закрытыми глазами вставил ленту и передёрнул гашетку.

– Молодец. Видишь, из-за бугра головы повылазили?

– Так точно!

– Молодец. Ты погляди, они, как грибы после дождя, с-под травы лезут!

Молодой казак удивлялся и восхищался своим командиром. Сам Тимофей был не робкого десятка. Любил парубок подраться на гуляньях. Он жил прямо ниже ветряка, а этот край хутора назывался серединой. И когда молодёжь шла стенка на стенку, ну, низовцы на верховцов, серединцы могли выбирать, на чьей стороне быть.

У Тимохи друзья были скрость, и он лупил раз низовцов, в другой – верховцов. Но, не дай бог, кто с другого хутора обидит местных, казака или дивчину... Бить неприятелей ехали верхом, всем хутором. А ещё веселей было, когда казаки налетали на село – мужиков «воспитывать».

На ветряке когда-то работал дед Тимохи. И он знал всё тут, как свои пять пальцев. У Тимофея был здесь и «спортивный снаряд». Пару лет назад лопнул ведущий жернов и всю пару выкинули на улицу, установив новую. Парень выпросил целый жернов, поставил его на ребро и скатил вниз, к терновнику. На другой день он его поставил на гурт и, пыхтя, закатил на полгоры. На следующий день докатил до ветряка и опять спустил под гору. Через год он катал этот камень так же легко, как колесо от телеги. Молодежь, узнав об этом, вообще стала обходить Тимоху стороной.

А ещё парень тягу имел к оружию. Винтовку с закрытыми глазами собирал. Шашкой с такой силой бил по оружию противника, что у соперника оружие вылетало из рук, и тот хватался за отбитую ладонь. Устройство пулемёта молодой казак изучил за два дня. Дядька Корней дал ему и пострелять, научив бить самыми короткими очередями, экономя патроны.

– Ну что, Тимоха, повеселимся? – туша окурок о каблук сапога, сплюнул бывалый вояка.

– Не знаю, насколько это весело, но под ложечкой подсасывает. Аж сердце заходится, как после поцелуя!

– Молодец, не сбрежал! Значит, своеюся... А ну, дай-ка пристреляюсь.

Пулемётчик установил пулемёт на подоконник. Они заранее аккуратно сняли раму и унесли её вниз, чтоб стёкла не побить. Над стеной наложили мешков с мукой, сбоку их тоже установили стопкой.

Казак поплевал на свои громадные ладони, взялся за ручки, как бы примеряясь или привыкая к ним. Посмотрел в просвет щитка и, прищулив один глаз, надавил пальцами на спусковой рычаг.

– Та! Та-та! Та-та-та!

Матросы шли ровной шеренгой, не реагируя на свистевшие над головой пули. Короткие очереди они считали предупредительными. Но после того, как стали втыкать в заснеженную степь штыки, ища точку опоры и поливая снег алой кровью, они стали пригибаться. Однако, цепь не ломали, давя на психику противника.

– Ты глянь, дядь Корней, ничего не боятся! Аж оторопь берёт...

Закусив губу, пулемётчик стал посылать очереди подлинней. Цепь разрывалась, теряя свои живые звенья. Не выдержав, матросы побежали вперёд. Но непрерывная очередь буквально резала нападающих пополам. Цепь залегла.

– Ты глянь, Тимоха! И марафет не помогает. Залегли, гости непрошенные.

– А что такое «марафет»?

– Ну, это как самогон-первач, но на вид – как мука... Ха-ха-ха!

– Да ну тебя, дядь! Гляди, вон тот, в кожанке, орёт и наганом машет – в атаку поднимает.

– Спасибо, сына, – узрел, комиссара. Зараз я его...

Прицелившись, казак вдавил пальцы в спусковой рычаг. Длинная очередь практически срезала нападающего в кожанке. Но цепь уже поднялась и с криком «ура» побежала в атаку.

Пулемёт застрочил без умолку...

* * *

Из-за Лопатинского леса, растягиваясь змейкой, появилась чёрная цепь. Матросы развернулись направо и пошли на хутор с западной стороны. Шинели они снимали, – видать, чтобы легче было биться в рукопашной. Бескозырки были лихо заломлены на затылок, а чтоб их не потерять, матросы держали ленточки в зубах. Сзади тащили пару снятых с телеги пулемётов. Сопротивления со стороны хуторян не было, поэтому винтовки у матросов болтались за спинами, как у охотников. Шли морячки, весело переговариваясь, как на прогулке.

Вдруг за Рычкиным лесом короткими очередями застрекотал пулемёт. Позже более часто стали слышаться винтовочные

выстрелы. Бой с северной стороны завязывался всё плотнее. Наступающие прекратили разговоры и взяли винтовки наизготовку, прикрепив штыки.

В проулок вывалила толпа и, увидев наступающих, остановилась.

– Эй, Ширунов! А ну, закатите «Максимку» вон туда, на лопас, что у дороги, и у нас над головами шамальните по казачкам.

– Эт, мы счас организуем! – откликнулся здоровенный дедина и потащил пулемёт во двор. За ним с коробками забежал ещё один матрос.

С трудом вдвоём они подняли машинку на плоскую крышу, крытую дранкой. Пока разворачивался расчёт, цепь прошла мимо них к хутору.

Умостившись поудобней, пулемётчик дал длинную очередь в направлении толпы. Но было далековато. Хуторяне рассыпались по дворам и начали палить из ружей. В ответ нападающие открыли огонь из винтовок. Стал завязываться бой...

* * *

Семён Петрович только с трудом натаскал воды своему хозяйству и присел отдохнуть. Правая нога у него практически не гнулась, – он вернулся с войны инвалидом: австрияк копьём разможил ему колено. Жена с соседкой, услышав звон колокола, схватили вилы и убежали к храму. А ему куда бежать? По двору еле передвигался с костылём.

Вдруг во дворе послышался шум. Казак посмотрел через занавеску в окно.

– Твою же в дивизию! – заругался он в полголоса.

Два морячка затащили на летницу пулемёт и начали палить по хутору.

Недолго думая, Семен Петрович сорвал со стены трофейную двухстволку, схватил патронташ, упервшись плечом в дверной косяк, зарядил ружьё картечью. Казак вышел на крыльцо, глядя на спины увлечённого стрельбой расчёта, не спеша поднял стволы и выстрелил практически дуплетом. С развороченными спинами морячки ткнулись лицом в крышу.

Охваченный азартом, старый воин хотел шкандылять вслед за цепью, чтобы подстрелить ещё пару нападавших, но передумал. Казак подошёл к лестнице и стал карабкаться на крышу. С проклятиями он преодолел эти пять поперечин и ползком подобрался к пулемёту. Посмотрев вдаль, Семён понял, что огнём морячки прижали хуторян к земле. Поймав на планку цепь, он надавил на спусковой рычаг.

Первая очередь, поднимая фонтаны грязного снега, легла сзади цепи. Взяв поправку, Петрович дал длинную очередь. Сразу несколько морячков, как подкошенные, упали на чернеющий прогалинами снег. Войдя в кураж, казак бил без остановки. Нападающие вынуждены были залечь и открыть плотный огонь по своим тылам. Обрадовавшись подкреплению, хуторяне поднялись и пошли врукопашную.

* * *

Обходя галопом вершину яра, казаки слышали звуки боя, идущего в хуторе. До разворота в лаву было ещё с версту, и всадники вовсю погоняли коней. И вот за горой слева они услышали пулемёт. На скаку Любимов обнажил шашку и, махнув ею, дал команду: «В лаву!». Сотня на ходу развернулась, и пошла со стороны Правоторова на Лопатину.

* * *

– А ну, Тимоша, подмени меня. Патронов не жалей, а то они нам могут и не понадобиться. Видишь, нас обходить по лощинке стали...

Корней взял с пола короткий карабин и прикладом выбил боковое окно.

Одно дело – по перекасти-полю стрелять, совсем другое – по людям. Парень был ещё, как говорится, «не обстрелян». Но он понимал, что за ним стоит хутор: женщины, старики и дети. В случае поражения прощенья никому не будет. Тут уж, как говорится, «кто кого».

Занятый этими рассуждениями Тимофей выискивал цель на планку, чтобы бить наверняка. Пуля с такой силой ударила

в щиток, что аж пулемёт дёрнулся. Вдавлив большие пальцы в спусковой рычаг, Тимофей вывел планку на троих бегущих рядом матросов. Двое из них, опираясь на винтовки, завалились набок. Третий, пробежав, залёг. По телу казака прошла дрожь, бросившая его в жар. Но, почуяв вкус крови, он уже хладнокровно стал бить «двойками» и «тройками».

Корней выцеливал матросов, которые решили обойти мельницу и ударить с тыла. Те вели ответный огонь такой плотности, что щепки от стен летали по чердаку.

– Дядька, а дядька! Глянь сюда! Наши! С горы лавой идут!

Как ангелы с небес, летели во весь опор казаки на помощь хуторянам. Матросы, зажатые меж двух огней, не знали, куда деваться. Стреляя на ходу, они побежали к хутору, не обращая внимания на пулемётный огонь. Сотня свалилась на плечи матросов так же неожиданно, как гром с ясного неба.

Прекратив огонь, Тимофей оглянулся на старшего расчёта и ахнул. Ухватившись одной рукой за подоконник, второй удерживая карабин, Корней заваливался на спину. На всю грудь расплзлось красное пятно. С улыбкой на устах казак тихо отходил.

– Дядька, дядька! Мы победили, не умирай! – не зная, что предпринять, кричал парень, пытаясь помочь раненому встать. Но руки казака плетью упали на грудь и тот затих.

Обхватив руками голову, Тимофей заплакал навзрыд.

* * *

– Толокольников, гоните их по хутору, а я с полусотней кругом леса ещё в тыл зайду. Там, в вершине, тоже бой идёт.

Развернув коня на месте, сотник с казаками поскакал в гору, за Рычкин лес.

* * *

Это был последний бой Петровича. По щитку его пулемёта, как град по перевёрнутому корыту, застучали пули. Одна из них, рванув кожу на плече казака, зашла с треском, ломая ко-

сти, в лёгкие. Кровь пошла горлом, обливая станину пулемета. Казак ткнулся в нее головой и затих.

* * *

Тем временем на окраине хутора разгоралась рукопашная. Бабы как будто белены объелись. С диким рёвом, в слезах, они, как скаженные, с вилами бросались на матросов, протыкая их насквозь. Старики рубали шашками и топорами. Подростки били кольями. Матросы без разбора кололи влево и вправо штыками, не успевая перезаряжать винтовки. Снег смешался с землёй и кровью, что приводило в безумное состояние обе стороны.

– Казаки! Сзади казаки! – кричали матросы, пытаясь оторваться от обезумевшей толпы и отойти от хутора.

Из-за Рычкина леса развернулась конница и понеслась на нападавших. Казаки были готовы втоптать в землю и изрубить оставшихся в живых матросов, которые были прижаты к плетню крайнего двора.

– Василич, глянь, конница из-за леса прёт! – крикнул кто-то с фланга.

Недолго думая, Любимов развернул казаков и пошел наперерез коннице. Два отряда срубились на опушке Лопатинского леса. Казаки бились молча, пытаясь обойти отряд красноармейцев.

И тут, как гром, ударил пулемёт, с выехавшей из-за леса подводы. Противники разъехались и отошли друг от друга. По-над лесом проскочили уцелевшие матросы. Они ухватились за стремяна верховых и под прикрытием пулемёта стали уходить в сторону Разрытого кургана.

– Всё, хватит крови на сегодня! Своих нужно собрать, да и гостей непрошенных похоронить. Мы же, христиане, – поступила команда от сотника.

До самого вечера на телегах свозили трупы. Оплакивали своих и до исподнего раздевали чужих.

– Дед, ты куда столько бушлатов попёр? Они же все в крови! – не утерпев, спросил Плигин проходившего мимо старика.

– С паршивой овцы шерсти клочок – и то прибавка! А одёжку я в бочке замочу, бабка отстирает. Материя крепкая, сносу не будя...

Краснофлотцев сложили в две ямы, откуда хуторяне раньше брали глину.

– Сколько человек в братских могилах? – спросил Тихон у женщин, свозивших убитых.

– А бог их знает! В одной яме, вроде, шесть десятков, а в большой – восемь. Это что только по хутору собрали, а в поле пуцай мужики подбирают да хоронят.

– А своих много полегло?

– Да тоже немало. Весь хутор, вон, голосит! По дворам развезли. Завтра будем могилы копать. Там восемь казаков не с нашего хутора упокоились. Так мы их по чести отпоём и на кладбище с краюшки похороним.

– Ну, что ж, идёт война... По-людски похороните.

– Ну, это уж, как водится. Всё сделаем. И помянем...

* * *

Спускаясь с горы, Тихон догнал конвой, который сопровождал с дюжину пленных.

– Куда вы их гоните?

– Да сначала в атаманскую. Дознание учиним – узнаем, чем они там, за межой, дышат.

– Ну, что ж, правильное решение...

В гору навстречу конвою поднимался кряжистый старик с вёдрами. Через плечо у него на боку висела шашка. Старик поставил вёдра и уставился на пленных матросов.

– Чего дед, мордой, мы не вышли? Глядишь, как на скотину, – не выдержав взгляда, резанул шедший сбоку матрос.

– Да на морду вы, вроде, как люди, а в душе – звери. Унука моего малолетнего, и того штыком пырнули!

Матрос ничего не сказал, а только криво ухмыльнулся. С этой гримасой он и упал на дорогу. Дед Прокоп, выхватив шашку, махнул с плеча, разрубив пленного.

– Дед ты чего, ополоумел!? – закричал конвойный.

– Да мы, почитай, тут скоро все умом тронемся, – старик не спеша вставил шашку в ножны.

15.

Сотня решила расквартироваться пока в Песковатско-Лопатинском хуторе. Мало ли чего красные задумали! Могла ночью и ответка прилететь...

В поле выслали разъезды. На краю леса поставили дозор.

Любимов остановился в приходской школе, которая располагалась через дорогу от храма. Местные привезли коням сена, овса. Тут же установили большой казан, чтобы не напрягать хуторян стряпнёй.

Днём, к обеду, морозец попустил, а к вечеру опять под ногами захрустело. Но во всем уже чувствовалась весна. Особенно её с нетерпением ждали воробьи и синички, – они радовались жизни с утра до самого вечера, и даже выстрелы их не пугали.

Усевшись на перекладину прясла и постукивая ножнами от шашки по снегу, Любимов думал о своём.

– Василич, разреши присесть рядом, – обратился подошедший Плигин.

– Да ты чё, Владимир Иваныч? Тебя-то и одного жердина не выдюжит!

– Да я так, к слову... Василич, можа, я обознался, но мне показалось, что нынче Андрюху видал. Ну, когда мы к вам на помощь к лесу подскочили, а они под прикрытием пулемёта отходили.

– Да, вроде, и мне показалось. Ну, жив – и слава Богу... Ты помалкивай, а то казаки злые, могут без разбору шлёпнуть.

– Да я – «могила», Тихон Василич!

– Ну, вот и славно... Вы там организуйте хуторянам помощь. Ну, могилы покопать. Земля-то, мёрзлая – не удалбишь.

– Да всё там ладится. Хуторяне дюже дружные тут.

– Беда, Иваныч, людей сблизает... Ладно, пойду, донесение подготовлю. Посыльного на Шумилин послать надобно. Поедешь ты. Молодку порадуешь...

* * *

Сон не шёл к Тихону. Пережитое за день бурлило в его душе и рвало сердце на куски. На многое за свой недолгий век насмотрелся казак: и смертей повидал, и кровушки по колению, и друзей терял... А в душе такого смрада никогда не было. Её словно выворачивало наизнанку. Не от страха перед смертью, не от жути увиденного, а оттого, что русские стали рубить русских. Получается, что брат на брата пошёл, сын – супротив отца. И с каждым днём будет всё хуже и хуже. Смертей-то прибавится, и ненависти чаша будет переполняться. А сколько слёз казачьих прольётся!..

Тут ещё Андрейка налетел с отрядом. Тихон, как увидел его, постарался в стороне биться. Не дай Господь так в бою с лучшим другом встретиться, с братом-кровником.

За окном послышался конский топот и в комнату, толкая впереди себя мужика, зашли казаки.

– Тихон Василич, вот, за лесом задержали, – скакал от Разрытого кургана прямо в хутор.

– Ну, хорошо. Садись. Кто таков? Куда на ночь глядя путь держишь?

– Да Филиппом меня кличут. С Богомолова я. Уговор у нас тут был с начальством вашим. Если что случится, к вам с донесением спешить.

– А чего же с утра не спешил? Али думал, что матросы хутор займут, и земляца до Бударушки вам достанется?

– Да Бог с Вами, господин офицер! Отряд рано утром, никого не предупредив, ушёл из села.

– А сейчас что хочешь рассказать нового?

– Да дюже и нечего. С утра в село со стороны Криуши зашёл конный отряд красноармейцев. Ну, расспросили они про морячков и поскакали вслед за ними. И телега у них с пулемётом была. А к вечеру опять в село заехали. Больно они потрё-

панные, много раненых у них. Да десятка два-три матросиков вернулось, тоже все побитые. Они даже дозорных не выставили, – мол, казаки за межу воевать не ходят.

– Понятно, значит, не скоро очухаются, будут подмогу ждать. Спасибо и на этом... Скачи домой. А если что, рысью – за межу.

– Так точно! – вытянулся мужик в струнку.

– Да ладно тебе, иди уж. Ты там ясу пусти по хутору: мол, казаки мужиков не тронут, если они по полям покойников собирать будут. Негоже это, – нужно всех захоронить.

* * *

Уже затемно подъехав ко двору, Осип открыл ворота и завёл уставшего коня, который сам потянул повод в сторону конюшни.

– Ну, что, соскучился по своему стойлу? Ладно, иди, а я ведро воды наберу, – напоить тебя нужно, как немного остынешь.

Выкрутив ведро с колодца, хозяин перелил воду в цыбарку, пошёл к конюшне.

– Папка, батяня, папуля! – с криком бежали дети к отцу. Жена скромно стояла на крыльце, держа на руках укутанного в пуховый платок сына.

– Мать, не морозь детей. Я зараз коня управлю и зайду в хату...

Не спеша казак зашёл в курень, перекрестился и устало уселся на лавку.

– Ну, как вы тут, без хозяина?

– Да мы-то терпимо, а вот соседям туго. Беда у них. Корнея убили.

– Да ты что! Мы же его за пулемётом на ветряке оставили. И бил он с него до последнего...

– Да это Тимошка Комков уж палил за него. А Корней Семёныч упокоился.

– А ну, Дуня, возьми детей и марш в залу, займи их. Отец хоть от крови да от грязи отмоеся...

Утром Осип встал затемно, управил хозяйство и зашёл в курень. Наталья суежилась у печи. Она сварила сытного кулеша, напекла пресных пышек, поставила на стол парного молока.

– Милый, я тебе харчишек собрала в суму, приторочишь. А сейчас позавтракай поплотней.

Перекрестившись на образа, казак сел трапезничать.

– Мать, послушай меня. Кагала у тебя на шее остаётся – полна хата! Всех кормить надо будет. Сейчас по дворам наши пойдут – харчи заготовливать. А если, не дай Бог, красные заявятся, те и вовсе всё выгребут.

Я на старом поместье закопал два чугуна с салом, пару бутылей с маслом. Два мешка муки и зерна прикопал. Там вроде сухо, я хорошо перекрыл. Зерно долго лежит. Если туго будет, ночью понемногу откапывай, ну, абы с голода не помереть. Чую я, лихие, голодные времена грядут...

Жена стояла посреди стряпки, скрестив руки на груди, лицом белая, как мел.

– Милый, ты себя береги, – не вытяну я столько детей одна. А если возвернёшься, я тебе, ей-Богу, ещё сына принесу...

Довольный обещанием, казак уткнулся в чашку, дохлёбывая кулеш.

* * *

С утра на кладбище былолюдно. Казаки, привязав коней к телегам, копали могилы. У каменки, с восточной стороны, вымахали братскую могилу казакам из других хуторов. После обеда покойников повезли со всего хутора. Вереницы людей тянулись за телегами с гробами. Близкие плакали, голосили, а то и просто завывали нечеловеческим голосом по убиенным. Людское горе ручейками стекалось на хуторское кладбище. Только сейчас казаки поняли, чего им будет стоить их свобода. И то – если они её завоюют...

Все гробы поставили перед воротами в ряд. Их было несколько десятков. Батюшка опять облачился в рясу и с кадиллом ходил меж гробов, отпевая покойных.

Кзаки взяли гробы и стали разносить их по могилам. Плач достиг апогея, когда по опущенным гробам загрохотали комья мёрзлой земли. Все только теперь стали понимать, что родных им больше не вернуть и не увидеть.

Казачий хутор – это одна большая семья. Основывали его какой-то один или два рода. И поэтому все были друг дружке, как говорится, «кум, сват и брат». И такая большая потеря для хутора была невозполнимой. В первом бою полегли вместе с казаками и женщины, и дети. После похорон хутор, поминная, просто перепился, оплакивая, уже пьяными слезами, своих родных...

Наутро сотник построил казаков и выдвинулся на Шумилин. Никто не знал, с какой стороны враг нападёт в следующий раз. Кстати, сотню с первых дней стали называть Солоновской. Первые казаки поднялись в хуторе Солоновском и уже боевым порядком зашли в хутор Быковский. А вообще, в сотне были казаки из всех хуторов.

Перед выходом к Любимову подошёл Коренюгин.

– Тихон Васильевич, ты возьми это себе на вооружение, – он указал на сани, в которых стояли два пулемёта и коробки с лентами. – У нас Корней был по этому делу мастаком, да убили его. Он Тимошку Комкова подучил немного, но парень молод ещё. А в отряде, я думаю, подберёте казаков, да на тачанки их установите. Хорошее подспорье будет при переброске сотни по фронту. Да и Тимофея заберите тоже, – он вам сгодится...

* * *

В Быковском, несмотря на тяжёлые времена, жизнь брала свое.

Евдокия также ждала Тихона. Две недели, проведенные без любимого, показались ей двумя годами. До замужества казачке было легче милого с войны дожидаться. А как почитай целый год у любимого под боком проспала, так и дня без него теперь не прожить. Как на улице шум какой, или на коне кто проскачет, Евдокия скорей к окошку или на прясле виснет – Тихона выглядывает.

Казачка была теперь твёрдо уверена в том, что под сердцем у неё растёт чадо. Молода она ещё была и скромна, чтоб сесть и всё свекрухе рассказать, поэтому носила эту тайну в себе.

Не успели Тихон и Евдокия официально стать мужем и женой. Дитя теперь в грехе народится. Церкви позакрывали, пока Тиша был. Теперь, вроде, открыли, но милый – на войне.

С такими невесёлыми мыслями она подошла к отчому дому и толкнула калитку.

– Ой, доча в гости пришла! Неужто, соскучилась? Вчерась, вроде, виделись. Сваты меня примоловали...

– Да уто ж, что со сватами сидела. А мне с тобой надобно посекретничать.

– И что так? Али свекровь обижает? А, можа, свёкору чем не угодила?

– Да не, вроде, всё ладно в семье. Мне по-женски с тобой поговорить надобно.

Дочь, раздевшись, села на лавку.

– Неужто меня бабкой хотишь сделать? – сразу смекнула мать.

– Ну, вроде, да... Сначала сомневалась, теперь уж точно уверена.

– Но это же хорошо, доча! Надо сватов порадовать. А то всё погано как-то... А тут радость-то какая! – повеселела мать, ещё не веря в такое счастье.

– Я зараз юбку переодену, плюшку накину и пойдём это дело со сватом сбрызнем.

– Мама, что сразу к сватам? Мне неловко как-то... Можа, попозже?

– Вот, дурёха! Сваты зарадуются, Тише передадут, – ему легче воевать будет.

– Ну, ладно, пошли...

От такой новости свахе вроде как спину приклонило. Она стояла посреди стряпки и не могла слова вымолвить. А сват сразу шлёпнулся на лавку и трижды перекрестился.

– Сваты, да вы, што ль, не рады?! – вывела всех из ступора Матрёна.

– Да ты чё, сваха! А ну, мать, мечи из печи калачи, а я штоф по такому поводу достану.

По весёлому застолью было видно, что эта весть для Любимовых была доброй и долгожданной.

Василий Павлович, налив в очередной раз рюмки, чуть подумав, заявил:

– На днях с хутора на Шумилин пойдёт обоз с харчем. Я, наверное, попрошусь в ездые да с Тихоном там и повидаюсь. Небось, отпустят его на денёк. Езды-то тут верхом, через Луку, всего ничего!.. А пока, бабы, чтоб ни гугу! Пусть всё в семье останется. Времена не те, чтобы хутор упаивать. Вон, притихли все. Половина к красным ушла, половина – к белым, и дубасят друг друга. А ты тут отдувайся, жди, кто верх возьмёт.

На том и порешили, чокнувшись рюмками.

16.

Когда Василий Павлович прибыл в Шумилин, его ошеломили царившие здесь теснота и сутолока.

– Господи, чегой-то тут, как на ярмарке? Прямо, не продонуть! Откуда и людей столько набралось? Мил-человек, а и де тут быковцев найти?

– Они, бать, в Солоньевской сотне, чай, будуть.

– А почему это в Солоньевской? Быковцев, вроде, больше, и командир нашенский?

– Бать, отстань! Езжай, он в гимназии, за церковь это...

– Спасить тебе Христос, мил-человек.

– Да и вам не хворать...

* * *

– Тимофей Васильевич, там хуторяне харч привезли. Батя Вас разыскивает.

– Спасибо, милейший.

Тихон спешно вышел на крыльцо.

– Отец! Подь сюды!

– Тиша! – старик сграбастал сына в охапку.

– Бать, да тише ты, угомонись!

– Сынок, давай отойдём – хоть погутарим.

– Пошли, вон, к телегам – там людей поменьше...

– Ну, как воюется, сынок?

– Да по-разному, бать. Пока отбиваемся... Чай, вся Россее на плечи нам насаждает.

– Ну, это понятно. Какой власти понравится, если её не слушают. Да ишо и с винтовок в неё палят.

– А пуцай, бать, к нам не суются!

– Да, конечно... Ну, Бог с вами! Я хочу погутарить с тобой про семейное...

– Что-то с Дуняшей?

– Ага. На сносях она у тебя – дитя ждёт.

– Да ты чё, папаня?! – теперь Тихон схватил отца в охапку.

– Да я-то ничего. А ты ба отпросился у начальства на денёк. Чай, война без тебя не закончится.

– Конечно, бать! Нынче же в ночь дома буду.

– Ну, вот и славно. И это... Ты бы пока никому не говорил, что «охвицер сына ждёт».

– Ну, конечно, бать... До вечера!

Тихон простился с отцом и побежал к управе...

Так случилось, что хуторяне на подводах еще засветло вернулись домой. По ночам опасно было шастать – можно и пулю схлопотать.

Василий Павлович снял полушубок на крыльце и, зайдя в курень, перекрестился.

– Ну, чегу, бабы, рты пораззявили? Гость к ночи приедет! Стол накрывайте, а я дыхну, да пойду покличу сваху, да Самофаловых. Посидим семейно троху...

* * *

В качестве поощрения Тихон с собой прихватил ещё двух хуторян, чтобы дать им возможность переночевать на перинах с молодухами. Поставив коня в конюшню, казак тихо во-

шёл в стряпку. Но его никто не встретил, в зале за столом уже уселись гости, громко переговариваясь.

– Аль в этой хате гостям не рады? – нарочито грубым голо- сом спросил Тихон.

Хозяева все так резво кинулись на голос, что и табуреты по- опрокидывали.

Первой, раздвинув занавески, подлетела Дуняша:

– Тиша, милый мой!

Казака обступили со всех сторон, каждый старался расце- ловать.

– Ну, будя, будя! Дайте хоть амуницию снять.

Рассевшись за столом, наполнили рюмки. Павлович встал, погладил бороду и, не зная, как сказать, чтобы не обидеть Са- мофаловых, молвил:

– Милые мои и дорогие! Давайте выпьем за то, чтоб вся эта смута скорее улеглась, и все возвратились живыми в родные куреня...

После третьей рюмки компания загомозила и расслаби- лась. Так было заведено, что секретов от кумовьёв в этом доме не держали.

– Дядь Семён, как вы поживаете?

– Да как, Тиша... Вот неделю у вас ночевали. Казаки хотели спалить наш двор. Спасибо Павловичу – вроде, вразумил. За- раз никто не трогает – и слава Богу... Иде наш оболтус шляется, неведомо. Да и жив ли он вообще?

– Хочу обрадовать, дядь Семён. Видел я Андрюху, – живой, здоровый, воюет.

– Да ты что! – обрадовался старик. – И где же ты яво видал?

– Не дай Бог никому таких встреч... В Лопатине мы сруби- лись с его отрядом. Но ни он, ни я виду казакам не подали. Ушли они на Богомолово.

– Ты глянь, что на белом свете творится! Друг друга стали рубать казаки...

– Ну, мы с Андреем рубаться никогда не будем! Но получа- ется и в соседях никогда нам не жить. То ли ему не возвратятъ-

ся до полного мира, то ли мне с семьёй придётся подаваться на чужбину.

– Тиша, я никуда из дома не пойду! Буду жить тут.

– Но ты же, жена офицера, милая! Не пощадят же...

– И что?! Ты уйдёшь, Андрей придёт. Хай семьи наши обере- гает. Мы уж тут, вон, тремя дворами, как одной семьёй живём!..

Такой твёрдости в рассуждениях от Дуняши никто не ожи- дал, и возражать супротив не стали. Видать, у будущей матери зарождался инстинкт самосохранения.

Следующую рюмку все выпили молча, каждый думая о своём...

* * *

Пока Тихон утром седлал коня, родные тихо стояли у поро- га. Хозяин молча прошёл через двор и отворил ворота.

– Ну, что приуныли? Вон, весна на дворе. Ишь, как воробьи веселятся!

Тихон подошёл к Дуняше и трижды расцеловал её.

– Вот, милый, харчишек возьми! Есть ничего не стал...

Расцеловав отца с матерью и подошедшую тёщу, казак лег- ко вскочил в седло и выехал за двор. Двое конников ждали ко- мандира в проулке.

Закрыв ворота и оперевшись на прясло, родные стояли со слезами на глазах, пока не смолк стук копыт.

– Эх, жизнь-полушка! Сваха, а пойдём сыну дорожку пригла- дим. А то во рту и на душе поганенько, – не скрываясь, старик вытер ладонью влажные глаза.

– Пойдем, Павлович, поддержи. Я уж и забыла, как казака ждать с войны. А тут – на тебе, чёрт бы всё побрал... Господи, прости мою душу грешную!

17.

В село Богомолово отряд красноармейцев заехал на рас- свете. Остановились у сельсовета.

– Эй, воин, какого чина будешь? – с шуткой спросил Андрей перепуганного, заспанного мужичка в шинели и без погон, в солдатской папахе выскочившего на крыльцо.

– Ополченцы мы, товарищ комиссар!

– И где же, товарищ ополченец, у вас тут морячки квартируют?

– Дык, ишо затемно ушли за межу – казаков угомонять.

– На какой хутор пошли-то?

– Да, вроде, на Лопатину на Песковатскую. Они всё секретничали, не доверяются местным.

– Хорошо, будь здоров...

Самофалов потянул левый повод и дал коню шенкелей. Отряд на рысях ушёл в степь.

– Ну, если рано ушли, то тихо зайдут в хутор, – рассуждал Андрей. – Все казаки в Шумилине. Пока вестовые доберутся, если вспашатся, пока сотня придёт... Мы её и встретим от Пятого лога. Один пулемёт – у нас, пара – у моряков. Отобьём хутор и будем подкрепления ждать. Фронт обещал подсобить...

За несколько дней отряд немного обтёрся. Подбирал комиссар казаков из бедноты, зная их слабые места. Сам был из таких. Все в отряде были фронтовиками, только несколько числилось молодых да горячих. За ними опытный казак сразу закрепил наставников, чтоб под приглядом были.

«Где-то же здесь против морячков воюет и Тихон. Не дай Бог свидимся в бою!» – тревожился Андрей.

Вдруг в утренней тишине стали слышны винтовочные выстрелы и стрекот пулемёта. Комиссар остановился и поднял руку. Когда стих топот копыт, стали отчётливее слышны звуки боя. С места отряд пошёл галопом. Но ориентироваться в тумане было трудно, и красноармейцы практически упёрлись в лес.

Бой шёл левее, и казаки пошли над лесом. Следом еле поспевали лошади, запряжённые в сани, на которых был установлен пулемёт. Когда отряд обогнул лес, то всадники увидели лаву казаков в атаке, которая, завидев красных, развернулась и пошла на них.

– Товарищи красноармейцы, в атаку! Ура!

И две лавы пошли навстречу. Что гнало их на эту бойню, никто сейчас объяснить не смог бы. Ещё полгода назад эти казаки бок о бок сражались с германцем, били врага, который пришёл на их Родину. А теперь, сжав в кулаках шашки до хруста в пальцах, шли друг на друга, брат на брата... Ведь все казаки – братья!.. Кто их гнал в эту мясорубку? Не иначе как какая-то нечистая сила...

Рубились молча. Только храп коней да звон сабель. Андрей, окинув взглядом место сечи, вдруг увидел до боли знакомое лицо. Аж сердце прихватило. Он потянул повод влево, потому что разгадал маневр противника: им хотели отрезать путь к отступлению.

К лесу, отстреливаясь, бежал небольшой отряд матросов. И тут из-за леса, как Зевс на колеснице, выскочил пулемётный расчёт и с разворота пустил длинную очередь во фланг «белым». Так теперь было принято называть восставших. Матросы забежали в тыл, и Самофалов дал команду под прикрытием пулемёта и винтовок отходить. Их преследовать никто не стал, и красные стали отходить в сторону Разрытого кургана.

«Спасибо, брат, что не пролил лишней казачьей крови», – мысленно обратился Андрей к Тихону. А ведь они, в один момент, встретились взглядами, но оба не подали вида.

«Да... А ведь Советскую власть казачки не пустят на свою землю, пока будут живы! Много крови пролилось, и ещё больше прольётся», – рассуждал Самофалов, глядя на свою побитую команду.

– Спасибо, командир, за подмогу! Добили бы нас бабы колыями под плетнями, – немного оправившись, пытался шутить рыжеватый морячок.

– А вы куда пёрлись без кавалерии? На прогулку, што ль?! Вы в куреня к казакам без приглашения пришли... Это вам не мужики рязанские!

– Да нам сказали, что у них всё оружие отобрали...

– Вот, дурень! Да у казака и палка трижды в год стреляет! Ты мне скажи, кто вам команду на выдвигание дал?

– Да бог его знает... Сели с ополченцами местными, посоветовались и решили. Матросы и сами были, как мужики, – добровольцы, сами в Кронштадте на фронт напросились. А тут ни к кому и не прикомандированы. За день больше двух сотен потеряли. Нас-то было двести пятьдесят гавриков, а осталось – две дюжины...

По приходу в Богомолово Самофалов пытался связаться с фронтом, доложить о потерях и попросить помощи. Но был весьма удивлён тем, что ему заявили в штабе. Ни о каких ополченцах они не знают, матросов не посылали и приказов о наступлении не давали. «Ждите подкрепления, ведите разъяснительную работу с местным населением».

«Какая к чёрту агитация! На меже уж крови в колено!» – выругался про себя Андрей

Видать, никто не хотел на себя брать ответственность за проваленную операцию и большие потери. Ведь всю зиму местные власти на Дону рапортовали, что верхушка казачества уничтожена, прибывшие с фронта казаки разоружены, расказачивание проведено в соответствии с директивой, в полном объёме.

* * *

На следующий день мужиков, без оружия, на подводах, отправили по полям вплоть до Лопатины, чтобы собрать трупы. Андрей знал, что казаки – народ набожный, они перечить не будут. Трупы свозили в сарай недалеко от погоста. Рядом с кладбищем выкопали большую братскую могилу. В похоронах участвовали не только жители Богомолова, но и из соседних сел пришли люди проводить матросов в последний путь. Ополченцев было решено развести по родовым сёлам.

Матросов складывали штабелями, укрывали дерюгами и закидывали землёй. Вместе упокоилось более шестидесяти молодых парней.

Мужики роптали меж собой всякое. Они жалели своих защитников, но не все и понимали, зачем эта война. Более двухсот лет прожили пригнанные из-под Москвы мужики на каза-

чьих землях, кои Пётр I нарезал им после Булавинского восстания. Но никогда меж собой казаки и мужики не воевали. Все знали, что степь Донская полита казацкой кровью. И земли этих, родовые...

* * *

Бои на северном направлении у повстанцев временно прекратились. Это было связано, прежде всего, с весенней распутицей. Дороги развезло, и телеги тонули в грязи. Лога заиграли полой водой. Чернозёмы так набрались влагой, что и сапог не вытащишь.

Казаки своей земелькой хвалились: «Наши чернозёмы, как летошнее коровье масло, – хочь на хлеб мажь!»

Восставшие во время затишья баклуши не били. Они готовились к новым боям, зная, что всё тяжкое ещё впереди. Во дворе училища установили походную кузницу. С утра до ночи кузнец готовил коней к летним дорогам. Подручные обрубали копыта, сбивали подковы, крутили улитку походной кузницы.

Почистив оружие, к летней кузнице подошёл Плигин и за руку поздоровался с Осипом, держащим под уздцы коня.

– Миха, а ты чего шаровары снял, портками тут отбеливаешь? – обратился казак к молотобойцу.

– А для меня фартука у кузнеца не нашлось. А шаровары уж прижег...

– А он у нас, как Акалелов, – бережливый! – засмеялся Осип.

– Это как? – чувствуя подвох, пристал Владимир.

– Терентий-то Еврасиевич у нас – герой! Он шибко на японской отличился. Да вы его и тут в бою видели, – годы не берут! Но кроме лиходеяства, в нём мастеровая жилка есть. Он и печку поправит и грубку⁴⁵ сложит. А ещё он так вычешет крышу на курене из соломы – ну, как конфетка! Любо-дорого с улицы посмотреть. И не захочешь, а руки сами аболонки⁴⁶ под статью крыше выкрасят... Ну, а когда солому рядами набивают, граблями к ноге, её хорошо смачивают, чтоб плотнее ложилась. За це-

⁴⁵ Грубка – небольшая печь.

⁴⁶ Оболонки – ставни.

лый день шаровары захлостаешь по самое хозяйство. Сапоги хромовые и вовсе расквасить можно. А Терентий – казак домовитый, и, чтоб не квасить сапоги, не захлостать шаровары, он всё снимает с себя.

– А порты?!

– И порты снимает, – благо, что рубаха холщёвая – длинная, чуть ли не до колен. Ну, когда на земле крутится, вроде, терпимо. А как по лестнице ползет на стену, ну, прямо, срам. Казаки солому вилами подают, не глядя. Бабы так и вовсе убегают снопы с тока носить... А вот кто из девок не знает этого подвоха, их казаки просят подсобить. Да ещё и кричат: «Милая, да ты не видишь, што ль, куда солому суёшь? Вилами же Терентия прочкнёшь!» Она как глянет на хозяйство снизу – и вилы бросает. А казаки со смеху валяются. А Еврасьевичу и бай дюже!..»

Кузнецы и про работу забыли – смеялись от души, оглядываясь по сторонам, нет ли рядом Акалелова.

И опять работа закипела. Не могут казаки только тужить да горевать. Всё у них на байках и приколах. Веселят друг друга. Легче так невзгоды пережить...

– Плигин, опять народ веселишь? Пойди, вон, помоги, колёса коломазью⁴⁷ смазать на тачанках. А то молодёжь забудет их позачеканить⁴⁸.

– Тихон Василич, ну, скрость ты меня узреешь! Конечно, сейчас мы их на ход поставим...Тимоха, а ну, подважь задок, сейчас мы смазки поддадим.

Казак ловко вытащил чеку и сдвинул ступицу на край оси.

– Васятка, дай ведро с мазевом!

Ловко подцепив на деревянную лопатку смазку, он толстым слоем смазал ось и насовал её в ступицу.

– Подважь, Тимох!

Колесо легко село на место. Крутнув его, казак вставил чеку.

– А ну, давай другую сторону подними!

В течение часа управились с двумя тачанками. Смазали даже концы рессор, чтобы листы легче скользили.

⁴⁷ Коломазь – мазь для смазывания колес, состоящая из дегтя, смолы и соли.

⁴⁸ Зачеканить – уплотнить.

– Ну, всё, братва, курите! Дайте и мне табачку, – подытожил Плигин.

– Да мы не курим, Иваныч. И отдыхать некогда, – пулемёты нужно почистить.

– Молодцы! Не зря, Тимофей, тебя старшим расчёта назначили. Ответственный человек, – выйдет с тебя толк!..

В сотне у Любимова было две тачанки. По тройке не вышло, но по паре лошадей в упряжку выпросили у тыловики. Экипаж состоял из трёх человек: конюх, он же и ездовой, старший расчёта и его помощник. Один экипаж подобрали штатный, все были фронтовики. А вот со вторым были проблемы. Военной специальности пулемётчика больше никто не имел.

Любимов опробовал несколько кандидатур и остановился на Комкове. Он не только неплохо стрелял, но и знал матчасть. В помощники дали ребят постарше.

Вооружение было таким: пулемёт, к нему коробки с лентами, винтовка с двадцатью патронами, и досталась укороченная шашка, точнее, кинжал «бебут» – для того, чтобы постромки перерезать, если одного коня подстрелят.

Тимофей по два раза на день перепроверял состояние оружия. Ему ещё и восемнадцати лет не было, но на вид это был сбитый крепыш, который и бывалому вояке фору даст. Шашкой владел легко, крутил ею со свистом. Дед, работая на мельнице, приучил его ко всяким механизмам, и он дотошно вникал во всё.

Утро у молодого казака начиналось с зарядки. Он брал каменюку и крутил её до седьмого пота. Сам не курил, но табачок всегда имел.

Комков подходил к хуторянам и предлагал сигарку помянуть на шашку. Казак своей шашки в руки никому не давал, это было дурной приметой, но в этом случае уступал. И пока он курил табачок, Тимофей разминался с шашкой. Старшие товарищи улыбались, наблюдая за ним. Иной раз и сами предлагали такой халявный обмен. Они понимали, что такой парень завтра тебе и спину прикроет, – больно ловко он фланкировал...

18.

Весеннее солнышко и свежий восточный ветер быстро делали своё дело. Что не успевала впитать в себя благодатная донская степь, уносил тучками астраханец. Дороги запылили, и казакам прибавилось забот.

Красные с каждым днём укрепляли и уплотняли кольцо вокруг Верхнего Дона. Если с начала восстания казаки лихо делали ночные налёты на отдельные отряды красноармейцев, добывая себе оружие и боеприпасы, то теперь сделать это стало сложнее. Хорошо укомплектованные и вооруженные части из сёл организовывали укрепрайоны. Они делали вылазки и нападали на казачьи хутора.

Пока сотня прилетала на помощь, красных и след простывал. Только расстрелянные и порубанные старики и женщины лежали на улицах, да догорали хаты.

Злость и ярость накапливалась с обеих сторон и буквально витала в воздухе. Казаки были в таком напряжении, что проскочит кто-то по хутору галопом, а все уж подпруги затягивают.

* * *

Пообедав, казаки дружно пыхтели сигарками, перешучиваясь на счёт постного обеда. Кашевар лениво оправдывался: мол, Великий пост на дворе. Казаки же ему перечили тем, что они в походе, и Господь простит.

– Господа казаки, вы не донимайте нашего кормильца, – вступился Плигин.

– А то что будет? – смеялись казаки.

– Ну, не скажите... Один кашевар может подорвать боеготовность всей сотни!

– Это как так можно? – не унимались односумы.

– Ну, это было ещё до войны... Собрал атаман молодёжь на летние сборы. Лагерь разбили на краю Шумилина, у стойла. Там хорошая, супесная, поляна есть под плац, речка рядом. Но погода не заладилась. После Троицы зарядили дожди. Ну, мы по палаткам сидим, киснем. Стали по три-четыре человека до-

мой отпрашиваться – исподнего белья на сменку взять. Урядник был добрейшей души человек, отпускал казачат по домам.

В палатке мы жили вчетвером, все в ночь и отпросились. Но нам не столько домой нужно было, сколько Петро по своей зазнобе заскучал. А батя у неё – казак строгий: после захода солнца на улицу невесту не пускает. Разрешал во флигеле посиделки устраивать. Ну, она с подругами и мы, его товарищи. Семечки поплевали, песни попели – и по домам.

В гости на голодный желудок идти не хотелось, решили кулеша похлевать – и в путь.

Кашевар больше всех страдал от непогоды. Над костром он натянул холстину, чтоб дождь в казан не лил. Тут же он со своим помощником установил и столик с ручкомойником. Дрова сырые, костёр не горел, а дымил, выедавая глаза. И вот в таком неустроенном быту и крутились они на своей стряпке. Кто из них своей задницей сбил кусок мыла, который упал в казан, урядник впоследствии так и не дознался.

Ну, повечеряли мы плотно, с добавкой, и пошли на улицу. А невеста эта за речкой жила. Решили, зайдём на посиделки, потом по домам, дозарюем и с утра пораньше – в лагерь.

Хозяин встретил нас не очень приветливо. Дождь моросит, мы в грязи по уши. В курень гостей не пустили, а самовар выставили на крыльцо, благо, что оно по-над всей стеной.

Ну, сидим мы, семечки плюём... И тут я чувствую, что у меня в животе конфуз начинается. Я глядь на Петра, а тот бледный, как поганка, сидит. Я и говорю: «Петя, пошли покурим?»

Товарищ был не супротив⁴⁹ и пробкой вылетел с крыльца. Ну, а нужник у них – на хозяйственном дворе. Жених проворней оказался. Кругом во дворе грязь, темень. А возле старой дровосеки щепок много, грязи нет. Я и уселся...

Забыв про постный обед, казаки ржали, ухватившись за животы, предвкушая концовку.

– За посиделки мы попарно раза по три покурили и, сославшись, что нужно в лагерь, смылись домой. Всю ночь промаяв-

⁴⁹ Несупротив – здесь: не против.

шись животами, синюшные, заявили в лагерь. А там было ещё веселее. Все служивые, во главе с урядником, заняли круговую оборону по кустам. К обеду заехал атаман и, покачав головой, распустил сборы, пообещав к Медовому Спасу собрать ещё раз.

– А вы на радостях – опять к девкам? – смеялись казаки.

– Увы, нет, господа... Встретили мы в проулке подружку невесты, а та нам поведала, как батенька бранился, когда осмотрел дровосеку со всех сторон. Сказал, что ему зять-засранец не угоден. На том любовь у Петра и закончилась. А кашеваров мы не ругали. Ведь они перенесли сборы на время хорошей погоды...

– Комков! Тимоха! Зайди в штаб! – прокричал дневальный.

* * *

– Вызывали, господин сотник?

– Вызывали, Комков, вызывали. Вот ты у нас и по выправке и по говору ещё не служивый. Усы, вон, не растут... Надобно, Тимофей, сделать тебе вылазку в хутор Колодезный. Там Матюшин Лог казанцы держат. А сегодня сообщили, вроде, как дым за Ольховаткой был. Нужно разведать, заняли хутор красные али набегом? А то мы лошадей положим, если шарахаться по хуторам без толку будем. Заедешь домой, в Лопатину, переоденься под иногороднего... Не струсишь?

– Никак нет!

– Молодец, возьми в обозе коня клячного, – ну, чтобы не жалко было, если что...

Уже подъезжая к Пятому Логу, Тимофей понял, отчего его плюгавая лошадка семенила боком. Именно так можно было назвать бег этой клячи. У неё было бельмо на весь правый глаз, поэтому, повернув голову вправо, она левым глядела на дорогу... Да на таком «лихом» коне срамно и в хутор заявляться! А с другой стороны, если захватят врасплох, кто подумает, что это лихой казак?

Но зря Тимофей беспокоился, – ему до самого дома никто не встретился. Его родной хутор словно вымер. Аж жуть какая-то брала парня.

Подъехав к своему куреню, он набросил повод на воротину, и, спрыгнув с коня, прошёл во двор. Возле погребки копошилась мать.

– Мама! Здорово дневала, дорогая!

Парень безумно любил свою мать. У него не было от неё никаких секретов. Отец воспитал в сыне все качества воина, а мать отдала ему свою молодость, красоту и любовь. Она успевала воспитывать детей и управляться со всем хозяйством. Только, когда начинаешь помогать родителям по двору, понимаешь, какой это тяжёлый труд – домашний быт.

Но вся усталость уходила, когда семья в саду садилась вечерять. Галушки или затирка⁵⁰, сваренные на грубке с дымком, казались мёдом...

– Тимоша, милый, Боже мой! Как я за тебя исстрадалась, сколько Господу поклонов положила!

– Всё хорошо, мама. У меня времени нет. Нужно переодеться и ехать.

– Да Господи! И не повечеряешь?

– Ты хлеба и сала дай, дорогой перекушу. Я пойду одежду сменю.

В пекарке, в старом сундуке парень отыскал старые штаны, холщёвую рубаху, старые башмаки. Только чуб выдавал казачью суть, но его Тимофей засунул под картуз.

– Тимоша! Это ты, што ль? Господи, как ведёша⁵¹ вырядился! Это ты куда собрался?

– Мама, мне нужно в Колодезя добежать. Оглядеться там, што да как...

– У нас там баба Фрося живёт, моя крёстная. У неё можно и остановиться. Её хата прямо в левадах стоит, на отшибе.

– Я помню, мамань! Мы с дедом ей мешок муки возили. Она дюже куму была рада. Я деда в телегу тогда еле погрузил.

⁵⁰ Затирка – разновидность «мучного супа».

⁵¹ Ведёша – здесь: дурачок.

– Ну да, она хлебосольная...

Как и предполагал, на окраину Колодезного парень выехал около полуночи. В хуторе была тишь и благодать, даже собаки не лаяли. Держась целины, чтобы копыта не цокали по накатанной дороге, Тимофей подъехал к первым вербам. Он спешился и завёл своего «скакуна» подальше за кусты, привязав к суку.

Придерживаясь тени деревьев, направился к старой хатёнке, вросшей в землю чуть ли не по самые окна. Ничто не указывало на какую-либо опасность. Заглянув в коровник, по запаху и тяжёлому дыханию Тимофей понял, что там стоит корова. Присутствие коней во дворе не чувствовалось.

Приблизившись к окну, Тимофей тихо постучал. В доме никто не подавал признаков жизни. Подойдя к двери, парень толкнул её, – она не открылась. Но в сенях раздался тихий голос:

– Кто там шастает по ночам?

– Баб Фрось, это я, Тимоха Комков.

Щёлкнула щеколда и дверь со скрипом открылась.

– Проходи, полуночник.

Надевая трясущимися руками пузырь на лампу, старуха спросила:

– Ну, что за нужда тебя принесла?

– Бабунь, ты скажи, красные в хуторе зараз или наши?

– Тимоша, родной, а ляд их знает, кто они! То одни проскачат, то другие. Пальбу устроят, хаты попалят – и ускачат. А чьи они, Бог их знает!..

– Баб Фень, заночую я у тебя, а завтра по хутору пройдуся.

– Ну ладно, ложись в зале...

* * *

Тимофей проснулся от того, что хозяйка загремела подойником, выходя на улицу. Потянувшись до хруста в костях, он, как брошенный пружиной, выскочил из постели. С голым торсом парень выбежал во двор, оглядевшись, схватил с земли кусок обмолотного камня, пуда на два, начал его вертеть и приседать с ним.

– Господи, Тимоша, ты чи белены объелся? Хватит камня кидать, иди молочка парного испей.

Парень откинул камень в сторону и начал плескаться водой из бочки, что стояла у колодца. Растерев тело до красноты, он пошёл в курень. Мышцы на его груди играли, как у молодого жеребчика.

Откусив кусок хлеба и отхлебнув молока, Тимофей обратился к хозяйке:

– Бабунь, а скажи, сестра твоя, что за лавкой живёт, жива?

– Жива, слава Богу. А что ты от неё хотел?

– А можно я ей корчажку молока занесу?

– Вот молодец, конечно, можно! Я ей ещё кондюшку⁵² топлёного масла передам.

Допивая молоко, гость хитро улыбнулся...

* * *

Тимофей не спешил в центр хутора. С утра он набрал ведро воды, напоил коня и задал ему сена. Старуха в это время собрала узелок для родственницы.

– А ты, Тимоша, надолго уходишь? – не утерпела старуха, понимая, зачем заявился родственник.

– Бабунь, я не знаю... А если меня долго не будет, то в левадах у ерика привязан конь. Он на вид плюгавый, но на харчи сменять можешь.

– Да Бог с тобой! Ты там не задерживайся, а то я беспокоиться буду...

У крыльца стояло штук пять хозяйских костылей – видать, на все случаи жизни. Путник выбрал посуковатей, надел на него узелок, водрузил на плечо и, насвистывая, вышел за ворота.

В рубахе не по размеру, которая на нём болталась как на пугале, парень со стороны выглядел худеньким подростком. Внешне он совсем не походил на казака: мужичок из села, да и только.

Пройдя по центральной улице, – точнее, это была дорога через хутор от села Березняги до хутора Казанско-

⁵² Кондюшка – глиняная кружка.

Лопатинского, – Комков никого не встретил. Лавка хуторская была не только закрыта, но окна и дверь её были заколочены досками. Пройдя мимо неё, парень шмыгнул в проулок.

– Здравствуй, баб Нюр! – гость снял шапку и подошёл к старухе, которая, сидя на лавке, перебирала лук, видать, на посадку.

– Здорово ночевал, мил-человек. Ты кто ж таков будешь?

– Ба, да я унук деда Семёна, с Лопатины. Тимофей я. Мы вам муки ещё привозили.

– О Господи! Тимошка? Ты откуда в такое время взялся?

– Вот Вам гостинец от бабы Фени, – гость аккуратно положил узелок на лавку.

– Спасить тебе Христос. А как она сама-то? С прошлых Покровов её не видала.

– Да, вроде, ничего... Ба, ты тут у дороги живёшь, новости последние слушаешь от старух... Как тут у вас?

– А Бог его знает как! Надьсь черти какие-то налетели, Петровича зарубили, хату ему спалили. Вроде, потом наши казаки за ними гонялись. А нынче рано, только буланеть стало, проскакал целый отряд на Лопатину. А кто они, я не ведаю. Только пыль по дороге подняли.

Старуха ещё долго расспрашивала парня о новостях, о здоровье, о близком конце света.

– Ладно, бабунь, я пойду.

– Погодь, нура, открой дверь – там, на лавке в чулане, взвар свежий. Попей на дорожку. Угостить больше и нечем... О-хо-хо, вот времена пошли! И прянца дитю негде взять...

Распрощавшись с хозяйкой, гость прикрыл за собой ветхую калитку. Он не знал, что дальше делать, но понял одно: красные оседать в хуторе не собирались. Для устрашения населения они делали набег на хутора, проверяя реакцию казаков. Те, в свою очередь, не занимали сплошную оборону, а держали силы в одном кулаке, давая, не всегда своевременно, достойный отпор.

За этими рассуждениями и был застигнут врасплох наш пластун. Галопом из-за поворота выскочили конники и вмиг буквально окружили его, прижав к закрытой лавке.

«Ну, всё, это по мою душу», – мелькнула в голове гнетущая мысль. Но конники спешили и стали у колодца пить воду, игриво плескаясь. Какой-то кураж овладел Тимофеем, и он, уже не боясь, поздоровался с кавалеристами.

– А ты откуда тут взялся, парень? Вроде, мы тут уж и весь хутор знаем, – сняв шашку и повесив её на луку седла, спросил боец в кожаной фуражке со звездой.

– Да Тимоха я, хожу по хуторам, нанимаюсь в подпаски. А люди коров боятся и за двор выгонять. И я без хлеба остался, голодую.

«А боец-то, видать, командир. Вон, на боку – наган в кобуре, и планшетка пристёгнутая», – машинально подумал парень.

Командир в это время снял всё снаряжение и повесил на луку. Конь вороной масти стоял, как вкопанный, хотя повод висел у него на шее.

– А ну, пастушок, полей мне на руки! – командир засучил рукава исподней рубахи и вытянул руки.

Схватив полупустое ведро с водой, Тимофей стал лить на руки, косясь на стоящего рядом коня. Красноармейцы, перешучиваясь, отошли в сторону и закурили.

Вытащив большой грязный носовой платок, командир стал вытирать руки.

– А ты, паря, мне брешешь, как кобель хуторской?

Комков сразу сжался в один кулак, готовый ко всему.

– Морда-то у тебя холёная, – не видать по ней, что голодуешь. А глазки-то, как у волчонка, да и говор не мужичий.

Резко выброшенная рука ударила парня в живот. Но, готовый ко всему, Тимофей уже напряг мышцы, и удар не причинил ему даже боли. С удивлением, потеряв дар речи, командир смотрел на него и ничего не понимал. Мало кто мог устоять на ногах от такого удара.

А парню рассуждать было некогда, он с такой силой приложился по челюсти обидчика, что хруст сломанной кости услышали и подчиненные. Перепрыгнув через сбитого на землю командира, парень, как кошка, вскочил в седло и выхватил из ножен шашку. Дав шенкелей, он направил коня на толпу красноармейцев. Свист шашки, которая летала в воздухе, как мол-

ния, опускаясь на их головы, заставил врагов разбежаться в разные стороны.

Хорошо зная дорогу, казачок уходил по балке в сторону родного хутора. Конь с такой силой рвал из-под себя землю, что казалось, не всадник уходил от смерти, а он сам.

Тимофей уже летел по степи, когда первые наездники показали из-за хуторских садов. О том, что по нему стреляют, он узнал по свисту пуль над головой. Только перескочив речку Ольховатку, наш пластун понял, что погоня прекратилась. Видать, испугались красные, что ждёт их казачья засада. Разогретый конь не хотел переходить на рысь.

– Ну, брат, молодец! Лихо ты меня от беды унёс. Раскусили пластуна хренова на раз-два! Ну, ничего, теперь уж точно получил боевое крещение и стал казаком...

Заскочив на минутку домой, Тимофей переоделся, расцеловал мать и, с заверениями, что вернётся живым, ускакал на Шумилин.

* * *

«Возвращение блудного сына», как окрестили казаки вылазку Тимофея, вышла встречать вся сотня. Он специально чинно проехал по центральной улице мимо храма и повернул влево к гимназии. Остановив вороного коня у крыльца, спешился и попросил казаков, очумевших от увиденного, поддержать повод. С шашкой и наганом на ремне, он зашёл в штаб.

– Господин сотник, казак Комков с задания явился! – отрапортовал парень.

Увидев в окно, на ком тот приехал, Тихон Васильевич потерял дар речи. Обняв парня, он выдал:

– Ну, орёл! Ну, молодец! А главное – живой! Да, гляжу, ещё и с трофеями!

Смущённый герой стоял навтыжку, красный, как рак, – аж вспотел.

– Тут это, Василич, сумка ещё, с бумагами какими-то. У их командира увёл, – Тимофей отстегнул планшетку и подал ее сотнику.

Не спеша разложив на столе сначала бумаги, затем карту, сотник произвольно присвистнул. Быстро сложив всё назад, Любимов ещё раз обнял парня.

– Спасибо, брат! Я не ошибся в тебе. Ты добыл ценнейшие сведения для нас. Я – срочно в штаб, а ты отдыхай...

* * *

– Тимоха, где мы теперь табачку брать будем? У тебя же своя шашка! И наган приобрёл!

Парень делал грудь колесом и высокомерно отвечал:

– Вам, господа казаки, я табачок даром отдам.

– А на коне трофейном дашь покататься?

– А вот коня и жену казак в чужие руки не даёт!

– Ты глянь, как заговорил! У нас и шашку нельзя давать, а мы тебе давали...

– Заметьте, господа, за табачок давали – не даром же...

Казаки подшучивали над парнем, а сами гордились им, услышав от него все похождения «пастушка».

Осип подошёл к парню и спросил:

– Ты чего с конём намерен делать?

– Ну, не знаю. Мы посоветовались с командой и решили тройку сделать, кузнец уж маракует⁵³, как переделать тачанку.

– Ну, это не по-хозяйски! Да и Уголёк (так прозвали коня за его масть), видать, в упряжке не ходил. Я вот что предлагаю: ты подойди к Любимову и предложи ему обменять своего коня. Сивый приучен ходить в хомуте, да и конь он, вроде, ещё крепкий, в коренные пойдёт. Ну, а Уголёк достоин нашего сотника, не зря же комиссар на нём гарцевал!

– Ладно, так я и сделаю...

* * *

В планшетке, которую привёз Тимофей, были ценные сведения. По докладным запискам казаки определили, как и какими силами будет организовано следующее наступление. Вылаз-

⁵³ Маракует – здесь: думает.

ками небольших отрядов красные хотели измотать силы казаков, зная их стратегию, и усыпить их бдительность.

Тем временем в районе Богомолова и Березнягов, а также в городе Калаче, накапливался большой, хорошо вооружённый и экипированный ударный кулак. Костяк этой группировки составляли вновь прибывшие балтийские матросы, добровольческие отряды из числа фронтовиков, набранных в Воронежской губернии, и даже китайцы.

Минуя все хутора, красные решили ударить по одному из центров восстания – хутору Шумилину. Известна была даже дата. Эту информацию довели до всех казаков и жителей хутора. Был проведен не митинг, а какое-то вече. Все клялись, что хутора не отдадут. На защиту поднялось всё население, с вилами в руках.

Сотник отдельно собрал своих казаков во дворе училища.

– Господа казаки, вам день на подготовку – и отдыхать. Завтра до свету уйдем в рейд. Задачу поставлю уже в стремени. Тачанки подготовить тоже.

– Тихон Васильевич, можно с вами поговорить?

– А, герой! Тебе нынче всё можно.

– Я бы хотел с вами обмен произвести.

– Это какой такой обмен?

– Ну, мы решили в тачанку тройку запрячь, уж и оглобли вместо дышла приладили. Легче коням тянуть тачанку будет.

– Ну, молодцы! Хвалю за укрепление боеспособности сотни.

– Да так-то оно так... Но Уголёк в хомуте не ходил, – слукавил парень. – Вы нам дайте Сивого, на место коренного, а я вам – Уголька. Он хороший конь, умный, резвый.

– Ишь ты, как закрутил! Ну, хорошо, сговорились. Забирай Сивого!

– А вы берите Уголька, прям с седлом, оно ловко на коне сидит – холку не бьёт.

– Ну, Тимофей, ты, прям, как цыган! – засмеялся сотник, хлопывая казака по плечу.

* * *

Целый день казаки готовились в рейд, а, повечеряв, все улеглись спать. Только кашеварам спать не пришлось. Перемыв казаны, они опять стали разжигать костры.

– Сотня, подъём!

Казаки выскакивали из классов на улицу и умывались водой из бочек. Их уже поджидал сытный завтрак, – наваристого кулеша наготовили с избытком. Бог его знает, когда ещё ложку в руки возьмёшь... Но казак – натура домовитая: у каждого за седлом была приторочена саква, в которой лежали сухари, кусочки сала и, обязательно, пригоршня овса для боевого товарища – коня.

Сотня, строем по четыре всадника, выехала в сторону хутора Обрывского. Сзади ехали две тачанки. Не доехав до хутора, сотня остановилась и стала для постановки задачи.

– Господа казаки, далее мы пойдём по логу, аж до хутора Попова. Потом по меже пройдемся до Разрытого кургана... Наши же «знакомые», морячки, большим числом пойдут от Разрытого кургана на хутор Каменный, затем по Пятому логу – на Шумилин. Скорее всего, они развернутся перед хутором по Грачёвой горе... Наша задача – в лоб с противником не встречаться, а пройти у них за спиной и отрезать тылы, – по нашим сведениям за ними пойдет обоз. Затем мы должны развернуться и успеть на помощь братьям – ударить в тыл наступающим...

Сотня опять перестроилась в колонну и на рысях пошла вверх по логу, на север.

19.

Ещё затемно в селе Богомолово закипела прифронтовая жизнь. За последние три дня сюда стянули разношерстную гвардию. Здесь, в форме с иголочки, шиковали матросы, всегда бывшие навеселе. Они с презрением посматривали на местное ополчение. Тут же были и кадровые части, состоящие

из бывалых, обстрелянных фронтовиков. Кавалерия расположилась особняком, – коням нужен был простор.

Проведя затемно совещание в штабе, объявили построение уже накормленным солдатам, матросам и кавалеристам. Первой на грань выступила кавалерия, следом пошли матросы, замыкали колонны ополченцы. Немного погодя, погрузив боеприпасы, продукты, медикаменты, выступил в поход обоз.

Кавалерия по штату выросла до сотни. Самофалов не стал претендовать на роль сотника. Его задача состояла в осуществлении общего политического руководства. Он должен был присматривать за настроением не только красноармейцев и краснофлотцев, но и за поведением командиров: вовремя остановить зарвавшихся и поставить их на место, сглаживать конфликты среди всей этой разношёрстной гвардии. Проблем хватало.

В Казанском юрту у повстанцев было два места концентрации казаков: в станице Казанской и в хуторе Шумилине. Оттуда они делали вылазки, а также отбивали наступление красных.

Чем дольше Андрей воевал на своей донской земле, тем больше он не понимал руководство молодой России: «Зачем было до такой степени озлоблять население? Ведь здесь также большая его часть жила в нужде и принуждении. Действительно, за клочок земли казак всю жизнь клал на алтарь служения России. За свой счёт приобретал амуницию, коня. Годами не видели казаки своих семей, а многие, сложив голову на чужбине, не имели и могилы».

Андрей понимал, почему полыхнул «сполох»: «Ведь перед восстанием, за неделю, в Казанском и Мигулинском юрту были расстреляны или сгинули в неизвестность почти четыреста человек! Четыре сотни – это казачий полк. Да на фронте от такой силы немцы в штаны делали...»

А что с нашими семьями стало? И что ещё им предстоит пережить? Мало кто и в живых останется. Сколько сирот по белу свету пойдет!..

Как там родные? Как Дуняша? Ей трудней всех придётся. Ведь красных войск прибывает с каждым днём всё больше и больше, а казаков с каждым боем всё меньше и меньше. И настанет переломный момент, когда оставят свои хаты или погибнут все казаки. А если уйдут, то возврата к старому уж не будет. И останется Дуняша вдовой при живом муже...

Эх, Тиша, Тиша! Ничего не смогу я для тебя сделать. Смогу ли защитить жену офицерскую?..»

С такими тяжёлыми мыслями ехал комиссар впереди сотни. Ехал в неизвестность, по течению судьбы.

* * *

Дуняша не могла заснуть, ее мучили дурные мысли. Под сердцем росло родное чадо, а радости не было. Был какой-то жуткий страх за судьбу ребёнка и свою долю. Но самое страшное, что по разные стороны баррикад стояли бывшие друзья, отцы и сыновья, братья. Они разошлись в разные стороны: одни – за красных, другие – за белых. И у каждого – своя правда.

Едва на улице забуланело⁵⁴, Дуняша тихо оделась, взяла подойник и на цыпочках шмыгнула на улицу. Утренняя свежесть взбодрила молодую хозяйку. Она глубоко вдохнула всей грудью и, перекрестившись на восток, прошла в коровник. Све кровь была уже на ногах.

– Маманя, ну что вы ни свет, ни заря повскакивали!

– Эх, доча! Тебе, молодой, да не спится, а к нам и вовсе сон не идёт... Я тут подумала, как управимся и позавтракаем, поднимем с погреба картошку семенную. Её нужно перебрать и рассыпать на погребице, пусть прогреется и прорастет. Завтра хозяин огород заборонит. А через несколько дней под плуг картошку и посадим.

Набросив тряпицу на корчажку, Дуняша цедила молоко. Екатерина Трофимовна поставила сковороду с крупно нарезанным салом на разогретую грубку⁵⁵, собираясь нажарить яичницы.

⁵⁴ Забуланело – стало светать.

⁵⁵ Грубка – печь.

– Дуняш, ты вчера к матери бегала... Как там сваха?
– Да вроде, ничего, держится.
– Живём, как покойника ждём. И поговорить-то не о чем. Не дай Бог, ещё наши попустят. Что нам тогда делать? – старуха в сердцах кинула на боровок⁵⁶ чаплю⁵⁷.

– Мамаля, я уже для себя всё решила. Из дома – ни на шаг! Куда мне по белу свету мыкаться с пузом?

– Ну, это да, – завздохала старуха...

Василий Павлович, почистив в яслях, задал корма скотине. Поставив ведро у порога, он подошёл к воротам и, опершись на прясло, задумался.

«Господи, прости наши души грешные!.. За что нам такое испытание? В хутор повезли первых погибших на меже казаков. Триста лет не убивали славяне друг друга на Дону. Не дай Бог, дрогнут дети наши, – запольхают все куреня по хуторам. Злости и ненависти столько накопилось в людях! Вон, в кузнице был надесь... Бывало, казаки дела обсуждают, шутят. А теперь – бычатся. Ведь все знают, где чьи дети воюют, – боятся затрагивать друг друга... А то и в тылу может всё закипеть. Тогда ещё хуже будет. А кто верх возьмёт, один Господь не знает!..»

* * *

От хутора Каменного сотня пошла вдоль межи по мужицкой стороне. Разведка ушла веером вперёд по степи.

Из-за Улитина леса выскочил казачий дозор и галопом понёсся к сотнику.

– Ваше благородие! По южной стороне Правоторова леса прошла конница около сотни человек. За нею идут матросы, солдаты, ополченцы. Их не счесть, как саранчи, – тыщи полторы, а, мабудь, и более.

– А обоз видели?

– Никак нет! До самой бровки осмотрели – не видать.

⁵⁶ Боровок – это часть печной кладки, находящаяся выше потолочной разделки дымохода.

⁵⁷ Чапля – кухонная принадлежность: крюк с упором на деревянном черенке, предназначенный для захватывания сковороды.

– Вот и славно. Киреев, со своей полусотней и тачанками остаешься здесь. Точнее, вон, у леса займи позицию, выстави дозоры и – ждите. А мы налегке проскочим, отобьём обоз – и к вам. А потом рысью – на помощь к казакам в Шумилин.

– Есть!..

Полусотня галопом ушла на восток. Вторая полусотня расположилась на опушке, выставив пикеты.

* * *

– Тимофей, где станем?

– Ваня, рули вон туда, под дубок. Семен, возьми торбы и сыпни коням по жменьке овса, пусть подкрепятся. Сдаётся мне, что скоро скачки будут.

– Есть, командир!

Казаки спешили, осматривая коней, сбрую, готовя оружие к бою.

День обещал быть жарким. Природа брала своё, весна вовсю вступала в свои права. Трава стала зеленеть, с каждым днём усиливался в лесу птичий гомон. Пошли первоцветы.

Прошло уже около часа, а полусотня всё не возвращалась. Казаки собирались группами и травили байки.

– Владимир Иваныч, а про лесных сторожей ты какую-нибудь историю знаешь?

– Да вроде нет...

– Я знаю, – отозвался Осип Толокольников, понимая, что перед боем нужно снять с души напряжение. – Было это у нас в Песковатской Лопатине... В вершине хутора растёт лес дубовый. Его Лопатинским называют. Лесным сторожем служил Игнат Романович Коршунов. Вроде, и не плохой казак, но испортили его хуторяне казёночкой да дымкой. Сунут, бывало, ему поллитра, и пошли хворост собирать. А Романович сядет на пенёк, достанет луковицу с хлебом и потягивает зелье. И так – днями напролёт. Атаман уж хотел его отстранить от службы, но тот сам бросил пить за один день. А дело было так...

Игнат Романович страсть не любил, когда без его спроса в лесу кто самовольничал.

Делал он как-то вечером обход и видит: сухой дубок кто-то свалил и вытащил на тропинку. Видать, приготовили, чтобы вечером утащить домой. Прямо от края леса начинались хуторские дворы. Но кто это мог сделать, неведомо... И решил старый вояка залечь в засаду, – всё равно, мол, придут.

Достал он из сумки дневной магарыч, харчишки и, чтобы не прозевать воров, уместился в ветках сваленного дубка. За долгим ожиданием стемнело и закончилось горячительное. Ох, и дымка была! Видать, первач... Задремал наш сторож, крепко ухватившись за ветки.

А недалеко от леса жили две сестры, вдовушки. Казачки были уж зрелого возраста. Решили они в родительском курене доживать. Вдвоём оно сподручней – легче выживать.

Затеяли с вечера хозяйки опару на хлеба, а печку нечем прогреть. От хвороста жару никакого. Где дров взять? На казенку денег нет, самогон не гнали... И решили казачки с утра пораньше дубок в лесу свалить да втихаря ночью домой притянуть. Так и сделали.

Ночью вернулись в лес. Темень, хоть глаз коли. Нашли они свой дубок и потащили из всех сил ко двору. Умаялись сёстры и решили дрова рубить с утра.

А на улице, как только стало буланеть, и закричали первые петухи, стал просыпаться горе-сторож. И что он видит? А лежит он в ветвях посреди двора. Два казака в папах, шароварах, сапогах, зипунах и, главное, с топорами в руках идут на него. Один из них и говорит:

– Давай отсечём по одной, порубим, а потом посмотрим – может, и хватит.

Заходят казаки с двух сторон и замахиваются топорами.

Игнат Романович подумал, что ему решили отрубить руки. Как заорёт дурниной, аж казаки на задницы попадали! Выпрыгнул он с веток, через прясло сиганул – и был таков.

До вечера Игнат Романович бродил по своим угожьям, со страха не понимая, где он есть...

С тех пор его как подменили: и сушняка старухам даст, и вею казаку выделит, и жердей разрешит нарубить. Всем угож-

дал, ни с кого и чекушки не брал, и копейки не попросил. А узнав, что это были за «лихие казаки», разрешил сёстрам дров себе заготовливать по нужде.

Казаки недружно засмеялись, но по лицам было видно, что напряжение спало...

– Наши скачут!

Подъехали дозорные с вестью.

– Господа казаки, по коням! В походную колонну! Комков, Беляев, выдвигайтесь мимо Каменного на Пятый лог. Мы вас догоним, ещё и обойдём до Шумилина.

– А где же обоз, ваше благородие? – удивились казаки.

– Мы дошли аж до Разрытого кургана, но обоза не встретили. Тогда решили завернуть до Богомолова. Обозники только выходили из села и, увидев нас, разлетелись по дворам, как воробьи. Это и хорошо, они не сунутся теперь за между без сопровождения... Вперёд, казаки, – на помощь братьям!

И сотня ушла вниз, на Пятый лог.

* * *

С утра в хуторе Шумилине творилось невообразимое. На майдан собрались не только вооружённые казаки, но и местное население из окрестных хуторов. Бабы привели с собой даже малолетних детей, боясь оставить их дома одних. Казачки приняли решение передать кагалу⁵⁸ под присмотр батюшки в храм, а самим, вооружившись вилами, топорами и кольями, идти на помощь своим мужьям и братьям.

Вскоре от хутора Пятый Лог показались дозорные.

– Матросы уже в версте! – кричали всадники.

Женщины, по команде, развернулись в пять линий и вышли в поле. Казаки с флангов определили конницы, а сами за бабами, чтобы их ближе подпустили, выстроились в несколько эшелонов. План был таков: как только подойдут поближе к наступающим, бабы с криком разворачиваются и убегают назад, за казаков, а те встречают красных на рукопашную.

⁵⁸ Кагала – дети.

Все зорко следили за приближающимися матросами. И вот, когда уже до наступающих рядов оставалась пара сотен метров, сзади раздались крики. Это казачата, убежав из храма, проскочили сквозь женские ряды и побежали дальше в степь.

С криками, схватив вилы наперевес, казачки побежали вперёд, окликая детей и выкрикивая проклятия в адрес матросов.

А те, пьяные, схватившись под руки, шли цепью и горланили песни под гармошку.

Когда между атакующими друг друга рядами оставалось несколько десятков метров, был дан сигнальный выстрел из нагана, обозначающий начало общей атаки. Матросы сдёрнули винтовки с плеч, дружно клацнули затворы, раздались выстрелы. Но казачек уже было не остановить, когда они увидели, что на землю упало несколько детей.

С рёвом обезумевшие женщины втыкали в чёрные бушлаты вилы, падали на матросов. Раненые, в крови, на коленках лезли вперёд, чтобы опять атаковать.

Навалившиеся сзади казаки не могли отогнать своих жён. Командование, видя такую ситуацию, распорядилось атаковать кавалерией с флангов и отсечь женщин от наступающих. Но когда казаки развернулись в лавы и оголили шашки, с флангов ударили пулемёты. Женщин отхватили, но понесли потери.

Казаки пошли в наступление по фланговым направлениям, рубили направо и налево головы врагов. Задавливая с флангов, смяли ещё две шеренги, которые состояли из вонючих, грязных китайцев, обвешанных котомками и рюкзаками. Они шли позади красноармейцев и штыками подгоняли отстающих.

Командиры красных, которые были на конях, развернулись и ускакали. Казаки думали, что победа близка, но из-за Грачёвой горы навалилась во фланг свежая красная конница. Кавалеристы рубались лихо, – сразу видать, бойцов набрали из казаков. Пешие повстанцы мало чем могли помочь в этой мясорубке. Туго пришлось бы шумилинцам, если бы с криком и гиканьем в тыл красным не ударила Солоновская сотня. Обе стороны бились до изнеможения.

И всё-таки красные дрогнули и побежали. Гнали их недолго, – все были измотаны до полусмерти. Кони еле стояли на ногах: белая пена хлопьями стекала с боков, изо рта шла красная пена. В бою казаки без меры рвали поводья, отбиваясь от неприятеля.

В плен взяли несколько десятков китайцев, которые, увидев весь ужас боя, побросали винтовки и подняли руки. Казаки подводили китайцев к глубокой промоине на горе, ставили на колени и отсекали головы, а тела стаскивали вниз. В их рюкзаках и мешках нашли золото, серебро, перевязанные ложки, вилки, царские и советские деньги, скрученные в тугие пачки. Понятно, за какую свободу боролись иноверцы, – они шли убивать и грабить...

* * *

Потери и у шумилян были большие. Среди казаков на подводах лежали женщины и дети. Несколько дней собирали в окрестностях хутора покойников. Казаки снимали с матросских бескозырок ленты и раздали детям, которые, как трофеи, носили их на головах. Они еще не знали, что впоследствии за найденную во дворе ленточку расстреляют всю семью. Такая жестокая месть была у красных за это поражение...

* * *

Когда конница красных дошла до межи, она резко повернула на восток и, спустившись в Пятый лог, пересекла его и укрылась за Грачёвой горой, выжидая своего часа. Прискакавший вестовой толком ничего не объяснил. Пришлось атаковать из-за укрытия, не владея оперативной обстановкой. И когда практически на плечи уставших, забрызганных кровью повстанцев налетела свежая сотня, то перевес боя пошёл в пользу красных.

Андрей наравне со всеми рубился в бою. И тут в тыл им ударила сотня, которой командовал Тихон.

Сотня была дерзкая, рубились они десятками, чувствуя командира. Подлетевшие две тачанки с разворота ударили по

правому флангу красных, обратив их в бегство. Попытка отрезать пулемёты результатов не дала, – казаки грудью стали за них. И пришлось дать команду на отход, пока не полегли все.

Мельком Андрей увидел товарища, и что-то недоброе шевельнулось в его груди. Но, поразмыслив, с радостью понял, это был смертельный холодный страх за судьбу кровного брата. Поэтому и ощущения были такими мерзкими, похожими на ненависть. От такого открытия у него аж посветлело на душе, несмотря на большие потери в своих рядах. Андрей душой и сердцем понимал, что подкрепление красным на днях подойдет ещё, а казаков, которые сидели в осаде, становилось с каждым днём всё меньше и меньше.

* * *

Расседлав коня и протерев его пучком сена, Тихон присел на камень и задумался.

«Боже мой, судьба-злодейка! В этом бою я видел друга. Тот, как всегда, лихо махал шашкой, а я к нему не почувствовал ни грамма ненависти. И даже с облегчением увидел, как он уходил с остатками сотни. Не является ли это предательством перед товарищами? А в чем же он их предал? Махаю шашкой наравне со всеми. Да и вся мораль сейчас перевернулась с ног на голову. Господи, всё, на чём строилась казачья суть, оборвалось, как пуповина у младенца. Так и казака оторвали от матушки России... И чем мы провинились перед Господом? Почему родное дитя сделали изгоем? Почему мы должны отбиваться от родной матери?!..»

* * *

Любимов восстановил потери за счёт пеших казаков. Раненых тут же определили в лазарет. Один из классов выделили под палату. Для подготовки могил под братские захоронения казаков из сотни не привлекали. Ведь в любой момент могли объявить тревогу. Дозорных отправили на грань – следить за передвижением противника.

Красных ополченцев и матросов погрузили на телеги и вывезли за хутор в буруны, там и прикопали между песчаными дюнами.

* * *

– Тихон Васильевич, разрешите Уголька на Песковатку свети – искупать?

– Комков, у тебя же своя тройка.

– Да у меня и команда из трёх человек.

– Ну ладно, веди, только на поводу.

– Так точно, ваше благородие!

– Иди уж, служака...

Казаки с конями купались «в чем мать родила». Именно так было принято на Дону.

– Иван, закругляйтесь. Как дети, ей-богу! Гимнастёрки уж просохли, да и вода ещё ледяная. К обеду надобно поспеть, после на похороны пойдём.

Голозадые казаки, ополоснувшись, выскочили из речки и, прыгая на месте, стали натягивать портки и рубахи.

– Тимофей, а пойдём ноня⁵⁹ к речке, на посиделки? Ниже рынка молодёжь собирается.

– Да ты чё, Ваня?! С полудня – похороны, а ты на гулянку!

– Вот ты дурак, Тимоха! Много местных полегло, и молодёжь решила друзей помянуть. Общих поминок не будет. Столько народа соберётся, что и сотни гусей на лапшу не хватит. А так, тихо посидим... Меня друг пригласил.

– Ладно, посмотрим. Поехали в расположение, коней поставим в стойло.

* * *

Всю ночь в храме было отпевание убиенных казаков. Похороны назначили пополудни.

После обеда на центральной площади хутора Шумилина народа набилось видимо-невидимо. Все старались пробиться

⁵⁹ Ноня – сегодня.

ближе к церкви, но атаман, предвидя ситуацию, выставил служивых казаков. Они оцепили храм и выносили гробы на улицу. До кладбища убиенных несли на руках, – благо, что оно было рядом, в конце улицы.

Крик поднялся неимоверный. Кто голосил, кто проклинал власть, сотни раз проклятую, и всех на белом свете. Ведь в гробах лежали не только казаки, но и казачки, и дети.

Перед кладбищем остановились и провели митинг, поклявшись защищать родную землю не щадя живота своего. С рёвом и причитаниями гробы стали разносить по всему кладбищу.

Смотреть на это было просто невозможно. Картина наводила такую жуть, что мурашки бегали по спинам даже у выдавших виды казаков. Одно дело – погибали боевые товарищи на чужбине. Совсем другое, когда их убивали на глазах у родных, и на похороны приходили все близкие: и стар, и мал...

– Ваня! Иван! Я, наверное, с тобой вечером пойду к речке, – не стесняясь слёз, толкнул в спину товарища Тимофей.

* * *

Любимов снарядил подводу, которая должна была отвезти двух убитых казаков в Быковский и одного – в Солоновский.

Сначала завезли Митяя Дёмина. Он был сиротой и жил с бабкой Аксюткой. Это была набожная старуха, староверка. Смерть внука она приняла как нечто, предначертанное Всевышним.

Переодетого покойника положили на широкую лавку под образами. Бабка шумнула соседке, чтобы та собрала старух для отпевания.

Когда же подвезли Федота Киреева ко двору, его молодая жена упала на колени и, безутешно рыдая, рвала на голове волосы. Подобрал с земли ее платок, свёкор пытался успокоить невестку.

Дурную весть о смерти хуторян в курень Любимовых принесли Самофаловы. Семён Карпович пришёл вместе с супругой и поделился трагическими новостями.

Дуняша словно окаменела. Она стояла посреди стряпки и смотрела на гостей широко раскрытыми глазами.

– Дуня, ты что так смотришь на нас, как будто их наш сын по-рубал?

– Да бог с вами, дядя Семён! Я просто подумала, что, не дай Бог, вот так Тишу или Андрейку привезут... Я ж умом тронусь! Мамань, пойдём завтра на похороны?

– Да ты не то рехнулась, милая? Ты же в положении, тебе нельзя к покойнику, – старуха вдруг осеклась, прикрыв рот ладошкой, и с испугом глянула на мужа.

– Да чего тут в варежку шептать, – чай, не на базаре. Не чужие нам кумовья... Ты прости нас, Карпыч. Дуняша у нас на сносях, а времена, сам видишь, какие. Офицерская жена ведь...

– Да Бог с тобой, кум! У нас в семьях секретов не должно быть. Вот именно, что такие времена настали, что друг за дружку держаться надобно, а не топить в дерьме.

Хозяин махнул рукой и, открыв дверцы на поставе, взял графин.

– Иди, мать, на стол собери! Помянем казаков рюмкой да добрым словом...

* * *

Затишье на Шумилинском участке продолжалось с неделю, а потом пошла мясорубка. Красные изменили тактику. Их конница влетала в хутора, стреляя и махая шашками направо и налево. Рубали всех, невзирая на пол и возраст. А затем пролетали по хутору с зажжёнными факелами, подпаливали соломенные крыши куреней и амбаров.

Увидев дым, казаки и не летели сломя голову на помощь, зная, что красных там уже не было. Все пограничные хутора были разграблены и скот угнан за межу.

От безысходности и постоянной опасности в Шумилин, под защиту вооруженных казаков, потянулись беженцы. Они, как цыгане, жили в телегах, становясь лагерями над речкой.

Из безлюдных хуторов прекращалась подпитка продовольствием. Рацион питания у казаков поскуднел, но никто на жизнь не жаловался. Все понимали: или грудь в крестах, или голова в кустах. Со своей земли отступить было некуда.

Из станиц не раз посылали и пеших, и конных вестников в Донскую Республику, но никто не пробился через плотное кольцо окружения.

20.

15 мая 1919 года между хутором Сингиным и Кривским приземлился аэроплан, посланный Главным штабом Донской Армии. С пилотом в обратный путь казаки-мигулинцы передали письмо: «Скорее идите к нам! Скорее несите оружие и снаряды, патроны... К числу пострадавших хуторов относятся все 49, расположенных на правом берегу Дона... Несчастные женщины и дети, не успевшие спастись бегством, расстреляны и порублены... Сытин, Любимов».

Восставшим всё труднее удавалось удерживать позиции.

* * *

На фронт целиком была переброшена 9-я Армия, и силы красных сразу увеличились вдвое. Командир штаба 9-й Армии Бухарцев призывал казаков сдаться. Кудинов написал крупными буквами по всему листу: «КАЗАКИ НЕ СДАЮТСЯ!!!»

7 июня 1919 года конница генерала Секретева соединилась с повстанцами в районе ст. Казанской, разрезав Южный фронт красных надвое.

* * *

В это время шли бои за хутор Шумилинский. Казаки рубались в Гусынской балке, и им на подмогу отправили Солоновскую сотню.

Спускаясь на рысях с горы, солоновцы увидели, как по бурунам в гору поднимались десятки подвод с беженцами. Несколько женщин толкали по песку тачку с пожитками и пытались гнать большого борова. Но жирная животина, перегревшись на солнце, легла на песок, не собираясь отступать. Удары костылём уже не помогали, боров был красный, как рак, и

не двигался. Только налитые кровью глаза бешено вращались, указывая на то, что он ещё жив.

– Что, бабоньки, запалили худобину?

– Да будь он проклят, неладный! Помогите нам! Жалко бросать... Сколько мяса нашим врагам достанется!

– Толокольников, а ну помоги! Сотня тебе спасибо скажет.

Осип выхватил шашку, перегнувшись, с гаком, махнул с плеча. Голова у борова отвалилась и упала в песок.

– Комков, возьмите к себе «пополнение»!

Казаки дружно бросили безголового борова в тачанку. С хохотом, предвкушая сытный ужин, сотня галопом пошла на Шумилин.

Пока две сотни пошли в обход по тылам и во фланг красным, Любимов со своими орлами ударил в лоб, помогая измотанной пехоте. Но всё оказалось не так просто. Красные по подножию Грачёвой горы установили несколько десятков пулемётов. Отступая за линию, они встретили казаков пулеметами и ружейными залпами. Выскочив из проулка, Тихон и попал под этот ураган.

Есть такое понятие – «дежавю». Это когда тебе кажется, что с тобой это уже было. Такое же чувство появилось на подсознательном уровне и у нашего героя.

Пуля ударила в правое плечо с такой силой, что казак развернулся в седле, а рука с шашкой откинулась назад. Если бы не темляк, оружие улетело бы в сторону. Всё сразу окрасилось в розовый цвет, и звук боя стал доноситься до Тихона, как из поднебесья. «Так вот откуда у меня было такое чувство! Меня уже убивали один раз», – пронеслось в его голове.

Уголёк, почувствовав, что с хозяином приключилась беда, осторожно развернулся и ускакал в безопасное место.

Осип Толокольников, направляя коня в укрытие, увидел, как Уголёк уносит хозяина с поля боя. Он пришпорил своего Сокола, нагнал Уголька, схватил его за повод и повёл к лазарету.

* * *

Красные в этот раз решили ударить на Шумилин из нескольких направлений. В это же время надавили и на Казанскую. Да так, что казаки закрутились, как вьюны на сковородке.

Еще до обеда наступающие заняли окраину хутора, установили огневые точки – на случай контратак. Кавалерию держали в тылу.

Наблюдая в бинокль, Андрей аж привстал в стременах. В контратаку пошла казачья конница, и вёл её ни кто иной, как Тихон.

Но что такое? Заработали пулемёты, и товарищ упал на шею коня. «Неужели вот так: бах – и нет у меня друга? Нет, не может меня судьба так наказать!» – прошептал Андрей.

Ведь не первый год, как расстались, но больше ни одного товарища Андрей так и не завёл. Да и не стремился он это сделать. В жизни должен быть один друг и одна любимая. Только тогда у тебя и сердце, и душа будут на месте.

– Товарищ комиссар! Смотрите! Нас обошли!

Этот окрик отрезвил Андрея, и он резко оглянулся. По Пятому логу в несколько эшелонов шла казачья лава. Как и положено – молча, давя на психику.

– Повод! Шашки к бою! В атаку!

Две лавы неслись друг на друга. Казаки скакали молча, красные кричали «ура».

Казачков с детства учили, что в атаке нужно беречь дыхалку для лучшего удара. И шашку вверх не поднимать, – кровь уходит из руки, не поставишь удар. Рука должна быть на отлёте – наливаясь кровью, для тяжести удара.

Пик не было ни с одной стороны. Поэтому срубались сразу на шашках.

Самофалов первого достал носком шашки по горлу, кровь хлестанула фонтаном. Не успел он обернуться, как на него навалился здоровенный детина. Он рубанул Андрея, как топором. Лезвие широкого палаша скользнуло по шашке, и наполовину погашенный удар пришёлся по голове Самофалова почти плашмя. Но этого было достаточно, чтобы у того потем-

нело в глазах, и тело безвольно повисло на шее коня, который рванул вперёд и вынес его из боя.

* * *

Дуняша, выкрутив ведро с водой из колодца, вылила его содержимое в каменное долблёное корыто. Куры, свободно гулявшие по двору, подошли и стали пить свежую холодную водицу.

Набрав еще два ведра, хозяйка пошла в курень. Ступив ногой на порог, она вдруг резко поставила ведра и, ухватившись левой рукой за сердце, почти повисла на перилах.

Свёкор, бросив вилы, подбежал к снохе:

– Дуня, что случилось? Зачем ты по два ведра тягаешь? Нельзя же тебе уже!

– Папаня, с Тишей беда приключилась, – сердце заходится.

– Да брось ты беду накликай! Всё обойдётся... Пойди, приляг.

Старик вернулся на баз, но взяв вилы и воткнув их в землю, опёрся на них и зашептал:

– Господи, дай ангела хранителя в помощь нашим детям!.. Да когда же это мракобесие закончится? Когда своей кровушкой казаки перестанут поливать родную земельку?..

Старик стоял и крестился, а слёзы текли по щекам, теряясь в густой седеющей бороде.

* * *

Тихон открыл глаза и увидел высокие потолки. «Понятно, я в лазарете», – мелькнула мысль.

Раненый попытался повернуть голову и рассмотреть, кто рядом. Но резкая боль в груди вернула его в бессознательное состояние.

Из-за стола, что стоял в углу, поднялась девушка и, взяв лампу, подошла к Тихону. Татьяна (так звали сестру милосердия) осторожно поменяла компресс на голове Тихона, приподняла край одеяла и осмотрела повязку. Кровь перестала сочиться, и это был хороший признак. Она уже собралась отходить, как услышала шёпот:

-
- Танюша, я живой?
– Да, живы-живы, Тихон Васильевич.
– А на ноги поставишь?
– Нет, уважаемый, такой команды не было.
– А что так?
– Велено привести в чувство и отправить на излечение домой.
– Ну и прекрасно, – криво усмехнулся раненый.

* * *

Андрей с трудом открыл глаза, но это не помогло ему определить, где он находился. Кругом была темень, на небе ни звёздочки.

Ночная свежесть привела его в чувство. Рядом раздался хруст срываемой травы и звон трензеля – значит, конь пасся рядом.

Казак попытался оторвать голову от земли, но она была тяжёлой, как кувалда, и плохо слушалась. Он начал ощупывать её рукой. На голову была глубоко натянута кожаная фуражка. Верх был разрублен, и кровь запеклась в волосах.

Глубоко подышав, Андрей перевернулся на живот и стал на колени. Спазмы до боли скрутили ему живот, и его стошнило.

– Вот, гад, как шлёпнул! Да он же меня контузил...

После того, как желудок освободился, стало легче дышать, и даже в голове прояснилось. Пошарив вокруг руками в надежде найти опору, казак упёрся в камни. Поднявшись по стенке, он понял, что это ограда и, возможно, кладбищенская.

Кругом не было жилья. Никакие запахи не выдавали его присутствия. Только свежий степной июньский ветерок приносил запах донской степи. Если ты вырос на Дону, то этот запах ни с чем не сравнить. Он только меняется по временам года.

Андрей с трудом сделал несколько шагов, и руки нащупали вереву ворот. Толкнув калитку, он шагнул внутрь и ухватился за первый попавшийся крест. Присев, неспеша обследовал его и стал вспоминать карту. Эту местность он изучил буквально до балочки.

Казак, когда устанавливали на могиле крест, поворачивали его так, чтобы нижняя косая перекладина смотрела прямо на полярную звезду. И поэтому определить стороны света для казака не составляло труда. Бой проходил по лугу под названием Пятый, а в его вершине располагался хутор Попов. В отрожине – хутор Каменный, других погостов здесь не должно быть. Значит, ему нужно ехать на запад, вдоль межи.

Андрей на слух нашёл коня, взобравшись в седло, потянул левый повод.

* * *

На дворе стоял тёплый июньский день. Сделав перевязку, из лазарета вышли Осип Толокольников и Тимофей Комков. Ранения у них были легкие, но все же сотник дал им три дня отлежаться.

Хуторяне решили съездить на побывку. Красных отжали далеко за межу, и в Песковатской Лопатине было спокойно и безопасно.

– Господа казаки, никак на побывку собрались? – дорогу им перегородил Плигин.

– Что тебе от нас нужно?

– Есть дело доброе и благое. Нужно Тихона Васильевича до хаты в Быковский отвезти. А оттуда через Свидовский и домой махнёте.

– Слышь, Плигин, если бы не Василич, послали бы мы тебя... на хутор бабочек ловить!

– Осип, да тебе абы к ночи к Наталье попасть. А этому оболтусу, вообще, всё байдюже⁶⁰ – к любой жалмерке⁶¹ заедет. Такому герою везде рады... Вот, носилки берите – и в лазарет за сотником. А я побегу сенца в телегу постелю.

Казак опять вернулся в санчасть.

Дорогу выбрали нижнюю, через Луку. По песку телега катилась, как каюк по воде. Осип с Тимофеем ехали по бокам от нее, тихо беседуя с возницей.

⁶⁰ Байдюже – безразлично.

⁶¹ Жалмерка – жена казака, ушедшего на военную службу.

К обеду процессия подъехала ко двору Любимовых.

– Эй, хозяин, встречай гостей да наливай горячих щей! – Плигин, как всегда, балагурил.

Отец подошёл к пряслу и, перегнувшись, глянул на сына, который удобно лежал на телеге и улыбался.

– Слава тебе, Господи! Живой!

– Тиша! Милый мой! – с криком с крыльца не сошла, а слетела жена.

Она нырнула меж жердин и чуть не свалилась в телегу на мужа.

– Тише, тише! Жив твой герой. Вот приехал на побывку, – Осип придержал казачку.

– А ну, хватит гузынить⁶²! Марш в курень, – постель мужу стели! – распорядился хозяин.

– Помогите, господа казаки, сына определить.

– Батя, мы своего командира да за рюмку первача хочь на руках через все буруны перенесём! – не утерпев, вставил Владимир.

– Хватит трепать языком. Бери с Тимохой дерюжку за угол в ногах, а я у изголовья возьму, – скомандовал Осип.

Тихона занесли в залу и переложили на перину.

– Спасибо, казаки, что домой под белы рученьки доставили...

– Да, судя по тому, как хозяйка колготится в стряпке, мы ещё с батей и по стопочке наливочки потянем за твоё здоровье, командир!

– Господа казаки, прошу отобедать с нами... Дуняша, заруби петушка, – нужно Тихону бульона отварить... Подавай, мать, на стол! – раздавал команды пришедший в себя Василий Павлович.

Голодные товарищи скромничать не стали и с удовольствием уселись за стол.

– Откель будем родом? – разливая по рюмкам, поинтересовался хозяин.

– Туташние мы. Шумиляне, да лопатинцы, – опять всех опередил Плигин.

⁶² Гузынить – здесь: реветь.

– Да вы что? А в Лопатине, мой односум живёт. Прокопом зовут.

– Прокоп Михайлович? – уточнил Осип, беря рюмку в руки.

– Ну да! Мы с ним полихачили в японскую компанию. Поклон передайте, если в живых...

– Ну, давайте, господа казаки, выпьем за наш многострадальный Дон-батюшку!

Отобедав, казаки распрощались по-доброму и уехали.

* * *

Только на рассвете всадник, еле держась в седле, подъехал к зданию сельсовета в селе Богомолowo.

– Товарищ комиссар! – забросив винтовку за спину, по ступенькам с крыльца сбежал красноармеец. – Держитесь покрепче за луку, я вас зараз к лазарету отведу. Там еще с вечера всё забили ранеными. А про вас подумали, что убиты...

Постовой за повод подвёл коня к большой хате, на крыльце которой висел белый флаг.

– Маруся, а Маруся, выдь на улицу! Комиссар приехал, раненый дюже.

Из открытой двери показалась молодая санитарка в белой повязке.

Андрею помогли слезть с коня и завели в лазарет.

Усадив казака на стул, девушка схватила два ведра и выскочила на улицу. Через минуту она забежала в комнату и поставила медную чашку на стул, налила туда кипятка, разбавив его холодной водой.

– Андрей Семёнович, разрешите вашу фуражку разрезать, – там всё в запёкшейся крови.

– Родная, если ты мне сейчас и голову отрежешь, я не замечу. Она сейчас, как не моя...

– Я аккуратно...

Заговаривая раненого, сестра милосердия умело орудовала острыми ножницами и скальпелем. Она разрешила и сняла кожаную фуражку и, как заправский цирюльник, остригла

полголовы. Затем, намочив большой тампон, стала отмачивать кровь и зачищать рану.

– Ну, товарищ комиссар, ничего страшного здесь нет. Удар прошёлся вскользь, срезав кожу на голове. Необходимо набросать несколько стежков, чтоб всё быстро зажило, – легко и с юмором подвела девушка клиента под операцию.

– Делайте, что нужно.

– Вот и хорошо. Нам дано указание – подготавливать раненых к эвакуации на Калач. Белые получили подмогу, и пошли в наступление.

– Тогда не теряйте времени, шейте!..

21.

В родных стенах Тихон стал выздоравливать быстрее. Через неделю он уже сам садился на кровати и деревянной ложкой наяривал куриную лапшу, запивая травяными отварами с мёдом.

Молодая хозяйка не отходила от мужа. Больше всего она боялась, что Тихон выздоровеет и опять ускачет в степь на своём вороном. И снова она останется одна, наедине с бессонницей, мокрой от слёз подушкой и дурными мыслями, которые раздирают душу.

* * *

Доехав всей компанией до Пьяного ерика, казаки спешили и испили родниковой водицы.

– Ты, Володя, езжай также через Луку, а мы – на Городище и дальше через Третинский на Лопатину пойдём...

Казаки попрощались и поехали каждый своей дорогой.

Наталья стирала белье. Старшая дочка доставала из колодца воду и разливала в ведра, наполняя их до половины. Младшие сёстры подносили ведра к матери, выливая воду в корыто. Иван перебирал какие-то игрушки, сидя тут же, на дерюжке.

Конский топот за воротами заставил семью бросить все свои дела и посмотреть на дорогу.

– Мамаля, глянь, папаня приехал!

Девичья гвардия с визгом и криками бросилась к воротам. Не успел хозяин ввести во двор коня, а у него на шее уже висела вся семья.

– Мои родные, мои жалюшки! Как я по вам соскучился!.. А где мой наследник?

Сёстры наперегонки побежали к колодцу за вмиг осиротевшим братцем, который и внимания не обратил на пропажу всей родни.

* * *

Душным вечером Тихон сидел на порожках крыльца и смотрел в бездонное чёрное небо. Соловьи уже угомонились с песнями, и только одна запоздалая птаха заливалась за весь разбежавшийся оркестр.

– Милый, ты чего тут уселся? Чего в хату не идёшь? – спросила Дуняша, проходя мимо с подойником.

– Я ещё немного посижу. Подышу, подумаю...

– Ну-ну. Гляди мне, только не убеги никуда! – засмеялась казачка, нырнув в курень.

В хуторе Быковском, который спрятался за буруны и дубраву, была тишь и благодать. Словно не было войны, не текла ручьями казачья кровь, не гибли братья.

«Господи, ради чего люди убивают друг дружку? Зачем столько злобы и ненависти, от которых потом слёзы и смерть?.. Живи тихо у себя в хуторе, паши земельку, выращивай хлебушек, рожай детей и радуйся жизни... Да кому-то, видать, нужна русская кровушка, кому-то, видать, не угодны казачьи устои...

И где теперь Андрей? Ему тоже сейчас не мёд. Когда пришёл с помощью генерал Секретёв, красные отступили за межу. Теперь вся Донская армия в наступление перешла. Но насколько у неё мочи хватит? Мужиков-то на Руси поболее будет, чем нас, казаков. Подмоги нам брать неоткуда. Одни старики да дети остались по хуторам...»

Тяжело поднявшись, придерживаясь за перила, казак пошёл в хату.

* * *

Лето пролетело одним днём. Осень, несмотря на мерзкую погоду, тоже проскочила мигом.

Тихон, поправив своё здоровье, пошёл с утра в управу, но атаман категорично заявил:

– Тихон Васильевич, вас в чистую списали в запас. Два грудных ранения не каждый выдюжит, а вы ещё и воевать собрались! Да и, скажу по секрету, туго нашим приходится на передовой. Казаки захаживали, жалились, – долго не продержатся. Как бы на днях за Дон не откатили... И ещё по-отечески скажу: оставаться в хуторе вам нельзя. Красные сразу в расход пустят. Хутора у нас по десять раз из рук в руки на передовой переходят, так красные сразу зачистки делают. К стенке ставят и раненых, и стариков, и баб... А уж за офицеров и речи нет...

Всю дорогу домой разговор с атаманом не шел у Тихона из головы. Дуняша не сегодня, завтра родит. Куда с ребёнком в отступ? Самому оставаться никак нельзя. Советская власть, если установится на Дону, то это навсегда или надолго. Сил отбиваться у казаков больше нет. Хоть «караул» кричи! Да кто тебя тут в левадах услышит... В крови так вымазались, что и Господь Бог уж давно отвернулся от грешников...

– Тиша, где ты бродишь?! У Дуняши схватки начались! Бабы меня в горб выперли, как и не хозяин тут вовсе.

Тихон перекрестился и, усевшись на лавку за воротами, отчётливо спросил у отца:

– Батя, что мне делать? Через неделю-другую фронт через хутор прокатит. Казаки в отступ пойдут. Останусь – расстреляют. С собой в степь, в зиму, дитя брать – это безумие. Оставить жену офицера – тоже могут расстрелять... Что делать? Ума не приложу...

Старик вздохнул и присел на лавку рядом.

– Я уж давно спать перестал, всякая дурость в голову лезет. Я с бабкой дома останусь. Пусть стреляют. Сваха, ей что? Она

давно вдова. У кумовьёв сын в комиссарах ходит, их не тронут. Ну, а Дуняшу с дитём как уберечь? Ума не приложу. А, може...

– Что может?

– Ты меня прости, сын, но речь сейчас уж не о нас. Надо внука спасти. Я переговорю с кумом, чтобы Дуняша с дитём у них пожила. К нам в куток никто не ходит. Ну, вроде, у нас жила невестка, затем другой казак отбил. Все знают, что вы двое за нею ухлёстывали. Что рожает, никто не знает, – на сносях в хуторе никто её не видел. Против Андрея новая власть ничего не имеет. А баба, она и есть баба. Что с неё взять? Абы рожала...

Сын сидел, опустив голову, и молчал.

– Да, не о такой доле мы мечтали, не такого счастья ждали... Я понимаю, что оставаться мне нельзя. Это всё едино, что пулю в висок. Так хоть без мук...

– Не дури! Не бери греха на душу. Ты молодой, жизнь ещё наладить можешь. С Дуняшей невенчаный, греха большого не будет, если ещё бабу найдёшь... А Андрей – он же нам тоже, как дитё. Живы будем, хоть внука попестаем.

– А как Дуняше сказать?

– Она девка с понятием: ради дитя согласится пожить у Самофаловых. Да и не чужой ей Андрей, – душа и по нему болит.

– Эй, чего расселись? Сват, иди наливай, «пятки мыть» будем внуку!

– Ну, пошли, сынок. На том и порешим... Да сходи за Карповичем, – обычаем у казаков таков...

* * *

Откуда пошёл такой обычай, никто не знает, но казаки не только новорождённым «пятки мыли». Они организовывали застолье и когда покупали коня. А это называлось «мыть копыта».

Выпив по три рюмки наливки, хозяин прокашлялся и завёл неприятный разговор:

– Тут, за столом, сидят самые близкие мне люди, от которых в нашей семье секретов нету. У нас нынче, вроде как, праздник – казак родился! С другой стороны, беда уж недалече. Ка-

заки на фронте если дней десять продержатся, так хорошо. И фронт покатит через хутор. Все пойдут в отступ. На пороге зима... Кумовьям бежать не от кого. Они сына ждут. Их не тронут. Я с Трофимовной из дома никуда. Свахе всё едино, какая власть... А вот Тихону надо в отступ уходить, иначе его арестуют. У красных разговор с офицерами короткий. Дуняша с дитем тоже может пострадать...

Кум, я прошу тебя, возьми пока сноху к себе. Никто не знает, что она ходила на сносях и родила. А потом видно будет...

– Хорошо, кум, детей в обиду не дадим!

– Ну, и слава Богу, – еле выдавил хозяин сквозь ком горечи, который не ко времени застрял в горле.

22.

К началу декабря, красные выдавили казаков на линию Матюшин Лог, на казачью межу.

Давно ставший в строй, комиссар Самофалов воевал в разных частях. Он отступал, наступал в составе разных частей Красной армии, но в неизменной должности комиссара. Последнее время воевал под командованием Думенко.

7 декабря 1919 года их часть опять заняла село Богомолово. По сведению разведки и беженцев, казаки тронулись в отступ. Сил защищать свои куреня и хутора уж не было. Белые решили закрепиться за правый берег Дона, и сосредотачивали там все свои силы.

Красные же готовились к решительному удару по зачистке левобережья Верхнего Дона.

* * *

Хутор Быковский словно вымер. Те, кто собирался в отступ, ушли по шляху на Дударев, потом и на Вёшки. А те, кто уходить не собирался, позакрылись в куренях.

С утра проскакали низом казаки, сообщив, что на Шумилин опять наскочили красные, сразу с двух сторон, а оборонять его уж некому...

Тихон с утра отправил жену с сыном к Самофаловым. Сам же подседлал Уголька, оделся, нацепил портупею с наганом, шашку повесил на луку. Собрал харчишек в дорогу и сменное бельё. На душе было сумрачно и погано, но был он совершенно спокоен. Казак ходил без цели по двору, не зная, чем себя занять, а уезжать как бы причины не было. Некому было подтолкнуть. Родители ушли в гости к свахе, приболела она, затем собиравались к кумовьям.

Взяв коня под уздцы, Тихон вывел его на улицу и повёл в поводу к дому Самофаловых. Он открыл калитку и отпустил коня, который сам пошёл под навес к яслям. Обстукав сапоги от снега, не спеша поднялся на крыльцо.

Покормив ребёнка, Дуняша уложила его в люльку и, покачивая, мурлыкала какую-то песню.

«Как она быстро повзрослела», – глядя на любимую, подумал казак.

Взглянув на мужа, молодуха приложила палец к губам. Она укачала сына, потом вышла в стряпку. Тихон сидел в амуниции на лавке, только снял папаху и мял её в руках.

– Что же с нами будет, Тиша? – казачка стала посреди комнаты и посмотрела на мужа.

– Дуняша, чтобы с нами не случилось, ты думай только о ребёнке. Может, мы уже и не свидимся. Сильно нас поджали, – он встал и обнял жену.

В это время с улицы послышался конский топот. Через несколько минут дверь распахнулась, и в хату буквально ввалился красноармеец с красной лентой поперёк папахи.

Тихон схватился за кобуру.

– О, да у нас гости! Здорово дневал, Тихон! – Андрей, улыбаясь во всё лицо, расставил руки для объятий.

Тихон шагнул к другу, и они обнялись. Андрей левой рукой обхватил и Дуняшу за талию, прижав к себе.

Когда они отстранились, у всех по щекам текли слёзы.

– А где родители, Дуняша?
– Да они у мамы с кумовьями собрались на посиделки.
А мы – вот, у вас на постое.
– Не вразумею, поясните!
– Тише, там у нас сын спит.
Сняв папаху, Андрей на носках подошёл к двери и приоткрыл занавеску.
– А как назвали? – спросил он.
Супруги переглянулись и, потупив голову, Тихон прошептал:
– Андрейкой его кличут... Ещё не крестили. Крёстным будешь?
Комиссар опять сгрёб в охапку молодых родителей:
– Ну, вы даёте! Обрадовали меня. Да я ему не только крёстным отцом буду, ангелом-хранителем его стану!
Слёзы опять навернулись у троицы на глаза.
– Так, Тиша, ты почему не в отступе? Хутор уже красные заняли и дальше на Дударевский пойдём.
Дверь резко распахнулась и в хату, с карабином наперевес, ввалился Плигин. Увидев комиссара в кожанке, он направил на него ствол.
– Владимир Иваныч, да так ли у казаков принято по гостям ходить? – засмеялся хозяин.
– Андрейка? – осторожно спросил удивлённый Плигин.
– Мать моя женщина! Чего только я не нагляделся на своём веку! Вы только меня по голове опять не бейте...
– Да, брат, в долгу я у тебя... Так ты там один, али ещё кто?
– Да Осип с Тимофеем в левадах поджидают. А я вот ваше благородие потерял...
– Так у вас времени нет, – за мной могут в любой момент подъехать. Прощаемся!
Тихон расцеловал жену и сына, обнял товарища и выскочил на улицу.
Плигин задержался в курене. Выбежав на улицу, он вскочил в седло и галопом с места поскакал вслед за своим командиром. В низине, у вербы, стояли Толокольников с Комковым.
– Как пойдём, Василич? – спросил Осип, трогая коня.

– На Дударев дорога закрыта. Нам нужно к Дону пробиваться: на той стороне – наши. Давай через речку перемахнём и на Широкий, мимо Дубровки к Чигонакам. Там и переправимся. По бурунам дорога будет чистой...

Казаки, аккуратно переправившись через Песковатку, ушли в буруны. Песок, с осени набравшись водой, с первых морозов промёрз, и по нему было скакать так же легко, как по брусчатке.

* * *

Такого «бардака» в войсках Тихон еще не встречал. Отступали очень быстро, в метелях и по морозу. Казаки офицеров не слушались, те с раненым самолюбием лезли бить морду, получая в ответ. Революция ничему руководство не научила. Они не поняли главного: казака нужно беречь и ценить.

У Тихона на этот счёт было всё проще. Его уважали, ценили и даже прикрывали в бою. Не давал и он своих казаков в обиду. Как-то на привале один бывалый казак выдал ему:

– Ты, видать, Василич, из простых казаков. Не лезешь по головам вверх, не выслуживаешься... Это правильно.

– Это почему ты так думаешь?

– Ну, понимаешь, в этой жизни случается иной раз так, что для того, кто лезет по карьерной лестнице вверх по головам, время настанет спускаться на землю. При этом с людьми, по чьим головам он шёл, придётся ему встречаться лицом к лицу... А у тебя совесть чиста. И сухарь не противно с тобой разделить.

* * *

Более полугода мыкались наши герои по степям Дона и Кубани. На дворе стоял знойный август. В один из вечеров, когда жара немного спала, казаки, расположившись в редком лесу, стали готовить себе ужин. Шумиляне держались вместе. Они установили небольшой казанок и варили кулеш.

– Тихон Васильевич, подходите к нашему шалашу, – мы вас кулешом угостим.

– Да знаю, Владимир Иванович, какова на вкус ваша полевая каша! Но не откажусь...

Установив казанок на пенёк, казаки уселись кругом и стали ужинать.

– Василич, скажи нам, долго мы ещё, как зайцы, драпать будем?

– А кто его знает? Вон, уж морем запахло, там и отскачемся, – отрешённо ответил тот.

– Эх, Тихон Васильевич, если бы не ты, махнули бы мы уже домой.

– Это как? Вас же там перестреляют, как куропаток!

– Да мы дураки какие, что ли, ваше благородие?

Плигин вытащил и передал Любимову бланк документа.

– Это книжки красноармейца. Мне их тогда в Быковском Андрияха дал: мол, одумаетесь, домой езжайте. У них там какое-то решение было, конница им нужна была, и они казаков вербовали. Мы и форму трофейную приготовили...

– А чего же не ушли? – удивился Тихон.

– Так за тобой присматриваем! Ты уж нам, как брат, стал.

Покачав с сожалением головой, казак тихо молвил:

– Хорошие вы... И бойцы, и товарищи. Но скоро придёт время, когда каждый сам за себя будет. Мне назад дороги нет. А вы можете возвращаться... Да, Иваныч, заскочи к нашим, скажи Дуняше, что нет меня в живых. Пусть она с Андреем сына воспитывает. А батюшке шепни, что ушёл я за кордон, – он поймёт, что к чему.

Сотник тряс казакам руки и, обнимая на прощание, целовал мокрые от слёз щёки.

Ночью казаки исчезли из сотни. Никто на это и внимания не обратил...

Эпилог

Снег выпал на Верхнем Дону ещё на Покрова. Натянув по самые плечи папаху, Василий Павлович чистил во дворе дорожки.

На улице зацокали копыта лошадей и затихли возле ворот. Старик неторопливо поднял голову. За пряслом стояли три конных красноармейца в будёновках.

– Здорово дневал, батя!

– Слава Богу... Чего, товарищи, хотели?

– Да ты чё, Василь Палыч! Последний раз при встрече первача наливал, а теперь не рад?

Подняв со лба папаху, казак присмотрелся и улыбнулся:

– А, хуторяне моего односума⁶³. Вы ему привет шлите.

– Хорошо. Но мы по поводу сына заехали.

– Что с ним? – старик в ожидании плохих вестей опёрся о лопату.

– Ну, весть двоякая. Для тебя – он за кордон ушёл, а для Дуняши – погиб. Сын передал, что ты поймёшь.

– Спасибо вам, братцы, немного успокоили душу... А со снохой всё понятно. Андрей – парень с душой. Он в Совете расписался с Дуняшей, а дитя на себя записал. Пока всё формально, он казак с честью. Ну, а теперь пусть семьёй живут. Унура⁶⁴ уж по хате шлёпает. Отец ему нужен. Времена тяжёлые начались. Пойду старуху чуть успокою... Может, зайдёте?

– Да нет, батя, – дома нас ждут... Ты Андрейке передай, что нас видел. И ему тоже про Тихона скажи. Это его решение.

– Ладно. Будьте здоровы, прощайте!

Старик, поставив лопату у крыльца, тяжело передвигая ноги, пошёл в курень.

⁶³ Односум – казач.: товарищ в походе, однополчанин, сослуживец.

⁶⁴ Унура – внук.

Наталья Варламовна, как и обещала, родила мужу ещё одного сына, Серёжу.

Осипа при коллективизации арестовали ночью вместе с хуторским батюшкой Георгием Чудновским, двоюродным братом Рухом Симоновым и ещё двумя казаками. Арестованных поместили в Лопатинскую церковь. За узелок продуктов постовой вывел его по нужде, и жена с детьми смогла с ним проститься. Больше его никто не видел, – угнали ночью, неведомо куда...

Наталья Варламовна, моя любимая прабабушка, и моя бабушка Ольга Осиповна воспитывали меня с братьями. Обе прожили почти по 100 лет, передав нам любовь к родному краю и нашим казачьим обычаям...

Тимофей Комков, любитель техники, работал в колхозе. Любил заниматься с молодёжью. Учил ее военному делу. Был призван на фронт в 1941 году. Командовал кавалерийским эскадроном. Лихо рубал немцев, но был ранен и попал в плен. Из плена бежал. После войны работал механизатором в родном колхозе им. Калинина. Когда косили жито, заступился за молодых девчат, которые не справлялись со снопами и пообещал председателю набить морду. Зная крутой нрав казака, председатель написал на него заявление, оклеветав его в том, что он сам сдался в плен. Основываясь на этом доносе, военный трибунал вынес приговор, по которому Тимофей Комков был осужден к лишению свободы. Через пять лет военкомат при пересмотре дела установил невиновность Комкова. Когда ветеран вернулся домой, сотрудники военкомата извинились перед ним за несправедливое обвинение...

Образ Владимира Ивановича Плигина – собирательный, воплощающий в себе черты, которые всегда с избытком встречались у казаков Верхнего Дона. Но наш герой является полным тёзкой моего товарища из станицы Шумилинской. Реальный Владимир Иванович – талантливый гармонист, исполнитель казачьих песен, весельчак и балагур...

Судьба главных героев описана в начале книги...

В память о событиях периода Верхнедонского восстания в 1990 г. в ст. Шумилинской был установлен Поклонный Крест. С тех пор ежегодно в начале марта возле него собираются казаки, чтобы почтить память своих погибших земляков.

В бывшем здании гимназии была школа, в которой я тоже обучался в 9-10 классе. До сих пор помню толстые стены, высокие потолки и крюки в них, на которые вешали люстры. Во время Отечественной войны, когда враг подошёл к Дону, в школе размещался фронтовой госпиталь.

В здании церковно-приходской школы х. Песковатско-Лопатинского впоследствии тоже располагалась школа, в ней я учился в начальных классах. Из церкви советская власть сделала клуб, куда мы ходили смотреть кинофильмы и танцевать. За экраном на сцене на стенах просматривались фрески святых ликов. Получается, что мы росли среди артефактов и людей, которые видели те страшные события.

Во времена советской власти в бурунах был установлен обелиск погибшим краснофлотцам. В девяностые годы он стал разрушаться. В настоящее время станичный атаман Юрий Александрович Шапошников своими силами восстанавливает обелиск. Видать, пришло время потомкам осмыслить трагедию нашей страны во времена Гражданской войны...

Приложение 1.

Мой товарищ, краевед Николай Витальевич Гордеев из станицы Калининской Цимлянского района, занимается восстановлением казачьих фамилий. Он отыскивает данные казака по справочникам и архивным данным, отслеживает его боевой или служебный путь. По моей просьбе, он взял несколько казачьи фамилий нашего юрта и описал их. Может, кто из потомков увидит в этом списке и своих героических предков.

Использованы материалы Донского архива, вывезенного в Болгарию, затем в Чехословакию, и спасаемого казаками в период с 1920-го по май 194-го года.

А.

Агафонов Андрей, урядник Войска Донского, атаман хутора Четвертенского, Казанского юрта.

Агафонов И., казак Войска Донского, атаман хутора Матюшинского, Казанской станицы.

Агафонов Федот, атаман хутора Макаровского, Казанского юрта.

Акимцев Лука Афанасьевич, р. ок. 1755 г., из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На службе казаком – с 1 января 1776 года. В донском казачьем полку подполковника Ивана Андреевича Дячкина. С 1 января 1777 г. – в походе с Дона на Балканы, у содержания пограничных кордонов по границе с Турцией. С 1778 г. – кордонная служба по границе с Турцией, с 1778 г. – кордонная служба по границе с Австрией. Пятидесятником в Донском казачьем полку полковника Михаила Давыдова – с 20 апреля 1782 г., у содержания пограничных кордонов по границе с Австрией. В 1783-1785 гг. – кордонная служба на границе со Швецией. С конца 1785 г. некоторое время находился дома, на льготе. В Донском казачьем полку полковника Сычева – с 15 апреля 1787 г.: в походе с Дона в Таврию, у содержания караулов при встрече императрицы Екатерины в Таврии. В Донском казачьем полку полковника Мартынова – с 12 октября 1790 г.: участие в Русско-турецкой войне 1787-1791 гг., при атаке Килийской крепости, в действительных сражениях (Измаил). Произведен в квартирмистры 11 декабря 1790 г. С 1794 г. – служба в Таврии, у содержания кордонов по берегам Черного моря. В Донском казачьем полку полковника Петра Тимофеевича Денисова (10-го) – с 15 мая 1798 г.: в походе с Дона к городу Пинску (Западный край). Сот-

ником – с 22 сентября 1798 г. В Донском казачьем полку подполковника Андропова – с 1 октября 1800 г.: у содержания кордонов по р. Днестру. Жена: дочь казака Авдотья Даниловна; дети: Иван, р. ок. 1779 г.; Хрестинья, р. ок. 1786 г.; Алексей, р. ок. 1791 г.

Акимцев Самсон Иванович, р. ок. 1829 г, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. Участник Восточной войны 1853-1856 гг., награжден БМ-853. На воинской службе казаком – с 1 января 1849 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1849-1851 годах. В Донском казачьем полку №40 подполковника Николая Петровича Андропова. С 18 марта 1853 г. по 29 октября 1856 г. – в походе с Дона в Европейскую Турцию, у содержания пограничных кордонов в Молдавии и Валахии. Участвовал в Восточной войне 1853-1856 гг., в действительных сражениях с турками. Урядником – с 11 апреля 1857 г. Писарем в Алексеевском винном подвале – с 1 февраля 1858 г. по 1 января 1860 г. Некоторое время находился дома, на льготе. В Донском казачьем полку № 34 Попова – с 20 мая 1863 г.: служба в Польше, в делах не был. Жена: дочь казака Елезавета Агафоновна Бочарова, детей нет.

Алексеев Алексей Иванович, состоял в XIV классе, учитель Казанского станичного двухклассного приходского училища; исполняющий должность надзирателя и заведующий Казанским станичным двухклассным приходским училищем. При добросовестном отношении к своим обязанностям учителя все его ученики получали достойные знания. За усердно-отличную службу неоднократно поощрялся руководством образования округа и Войска. Умер 15 мая 1911 года.

Алексеев Андрей Петрович, священник, законоучитель Казанского станичного женского училища 3-го разряда.

Алексеева Ефросинья Алексеевна, девица, учительница Казанского станичного женского училища 3-го разряда.

Алексеева Татьяна Матвеевна, учительница Казанского станичного женского училища 3-го разряда.

Алиманов Вукол Васильевич, из казачьей семьи хутора Тубянского станицы Казанской Верхне-Донского округа Области Войска Донского. Участник Первой мировой войны, подхорунжий. Георгиевский кавалер, награжден за мужество и отвагу, оказанные им при защите Отечества. Награды: Георгиевский крест 3-й степени, Георгиевский крест 4-й степени. Сообщение о наградах и фотография

*Подخورунжий
Вукол Васильевич Алиманов*

героя опубликованы в Войсковой газете «Донские областные ведомости» 6 декабря 1915 года.

Алиманов Иван, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с весны 1759-го по 1786 г.: в походе с Дона на Кубань, в многочисленных делах по укреплению южных границ России. После возвращения походным порядком на Дон некоторое время находился дома, на льготе. В походе с Дона на Царицынскую линию, у содержания кордонов по линии, затем поход на Дон. Участие в Русско-Турецкой войне 1768-1774 гг. в составе 1-й армии в течении семи лет на Балканах. После льготы – служба по Казанке и в походе обратно на Дон; служба на Бекете. Женат;

дети: Павел, Степан, р. ок. 1772 года, Петр, р. ок. 1775 г.

Алиманов Лазарь, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1765-го по 1775 г.: в походе с Дона на Царицынскую линию, у содержания кордонов на линии. После смены – возвращение походным порядком на Дон. После нахождения на льготе участвовал в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. в составе 1-й Армии, в течении пяти лет на Балканах. Женат; сын р. ок. 1764 г.

Алиманов Минай, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На службе казаком – с 1759-го по 1786 г.: у содержания кордонов по Маночи, затем некоторое время находился дома, на льготе; в походе с Дона на Царицынскую линию, у содержания кордонов на линии, после смены в походе обратно на Дон; после двух-летнего на льготе участвовал в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. в составе 1-й армии, в течении семи лет – на Балканах. Женат, один сын – на службе на 1786 г.

Алиманов Семен, урядник Войска Донского, атаман хутора Мутилинского Казанской станицы Верхне-Донского округа Области Войска Донского в 1908-1916 гг.

Андропов Филипп, урядник Войска Донского, атаман хутора Кукуевского Казанской станицы Верхне-Донского округа области Войска Донского.

Антонников Назар Никифорович, р. ок. из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1814 г. В 1814-1815 гг. – в охране и сопровождении на Качалинской почте. В Донском казачьем полку Каршина – с 3 июля 1815-го по 1818 г.: в походе с Дона в Финляндию, у содержания пограничных кордонов на границе; после возвращения в 1818 г. на Дон некоторое время находился дома, на льготе. В Донском казачьем полку Янова (2-го) с 25 апреля 1821 г. по 1825 г.: Бессарабия, у содержания пограничных кордонов по левому берегу реки Прут. За разновременные отличия произведен в урядники. 10 января 1824 г. – в Донском Казачьем полку № 48 Астахова (2-го), впоследствии – подполковника Михаила Каршина.

Антонников Иван Назарович, р. ок. 1826 г., из казачьей семьи обер-офицера Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1845 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1845-1847 гг. В Донском казачьем полку № 52 Волгина (впоследствии – Ульянова) – с 15 апреля 1848-го по 25 октября 1851 г.: в походе с Дона в Западный край, Польша. Урядником – с 6 декабря 1851 г. Некоторое время находился дома, на льготе. В Донском казачьем полку № 61 полковника Ивана Ивановича Жирнова (впоследствии – подполковника графа Орлова-Денисова Петра Васильевича) – с 29 июня 1854-го по 30 сентября 1856 г.: в 1854-1855 гг. – участие в Восточной войне 1853-1856 гг., в действительных сражениях с англо-французами в Крыму, Евпатория, боевая служба в охране берегов Азовского моря. После заключения мира полк вернулся на Дон и был расформирован, а казаки отпущены по домам, на льготу. В Донском казачьем полку № 9 полковника Стефана Никифоровича Ежова – с 27 апреля 1858 г.: в походе с Дона на Западный край, Польша. Женат, детей нет.

Андропов Данила, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На службе казаком – с весны 1776-го по 1786 г.: у содержания кордонов по Казанке, у содержания караулов на Бекете, в Черкасском годовом карауле (дважды), у содержания пограничных кор-

донов по берегу реки Буг. Женат, дети: Фаддей, р. ок. 1780 г., Сергей, р. ок. 1783 г.

Андропов Дмитрий Николаевич, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1860 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1860-1862 гг. За разновременные отличия на службе произведен в урядники 30 сентября 1869 г.

Андропов Маркиян Ефимович, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1860 года. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1860-1862 гг. За разновременные отличия на службе произведен в урядники 1 января 1874 г.

Афонин Гаврил Петрович, р. ок. 1847 г., из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1868 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1868-1870 гг. В Донском казачьем полку № 27 (после военной реформы 1875 года стал № 12) полковника Ростислава Александровича Хрещатицкого – с 16 мая 1873 г. За отличия по службе произведен в урядники – 1 января 1875 г. Жена: дочь казака Мария Алипатьевна Носова; дети: Любовь, 1868 г. р., Акулина, 1871 г. р., Василий, 1872 г. р.

Агафонов Леонтий, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1760-го по 1775 г.: в походе с Дона на Царицынскую линию, у содержания кордонов по линии, в походе обратно на Дон; в походе с Дона на Днепровскую линию, у содержания кордонов по линии, после выполнения задания в походе обратно на Дон. Женат, сын р. ок. 1765 г.

Агафонов Никита, из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1751-го по 1781 г.: в походе с Дона на Царицынскую линию, служба на линии и в походе обратно на Дон; в походе в Пруссию и обратно; в походе в Польшу, служба во внутренних областях, в походе обратно на Дон; в 1774 г. – в походе с Дона против государственного злодея Емельяна Пугачева. Женат, пять сыновей, из них трое на 1781 г. находились на службе.

Агафонов Марк Филиппович, р. ок. 1846 г., из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1864 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – с 1864-1866 гг. В Донском казачьем полку № 4 подполковника Андрея Ивановича Катасонова – с 17 мая 1869 г. по 23 октября 1872 г.: в по-

ходе с Дона в Польшу, служба в Варшавском военном округе, город Люблин. За разновременное отличие по службе произведен в урядники 26 февраля 1873 г.

Агафонов Михаил Митрофанович, р. ок. 1846 г., из казачьей семьи Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1864 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1864-1866 гг. (состояла из подготовки молодых казаков внутри каждой станицы к воинской службе опытными урядниками-инструкторами). В Донском казачьем полку № 4 подполковника Андрея Ивановича Катасонова – с 17 мая 1869-го по 23 октября 1872 г.: в походе с Дона в Польшу, служба в Варшавском военном округе, город Люблин. За разновременные отличия по службе произведен в урядники 26 февраля 1873 г.

Агафонов Марк Филиппович, из казачьей семьи Казанской станицы Донского округа Области Войска Донского. Отставной урядник.

Агафонов Тихон, из казаков Казанской станицы Донского округа Области Войска Донского. Участник Первой мировой войны, старший урядник. Георгиевский кавалер. За отличия, оказанные в разновременных делах с неприятелем, награжден Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевской медалью 4- степени.

Агафонов Афанасий Леонтьевич, р. 18 января 1878 г., из каза-

ков Казанской станицы Донского округа Области Войска Донского. Окончил станичное двухклассное училище, окружную военно-ремесленную школу и Новочеркасское казачье юнкерское училище по 1-му разряду. В марте 1901 г. произведен на действительную службу в Донскую артиллерию. С разрешения командования летом 1901 г. экстерном сдал экзамены на права вольноопределяющегося. Выдержал экзамен и был зачислен юнкером в Новочеркасское казачье юнкерское училище с 1 сентября 1901 г. После успешного окончания в 1904

г. (33-й выпуск) произведен в хорунжие – 9 августа 1904 г., со старшинством – с 10 августа 1903 г. Хорунжий, сотником – с 15 апреля 1908 г., со старшинством – с августа 1907 г. Сотник Донского казачьего полка № 5. За отличие по службе награжден орденом Святого Станислава 3-й степени – 23 марта 1911 г. За отличие по службе произведен в подьесаулы 5 октября 1911 г., со старшинством – с 10 августа 1911 г. Подьесаул Донского казачьего полка № 22, за отличия в делах произведен в есаулы – 31 марта 1916 г., со старшинством – с 10 августа 1915 г. Награжден: орденом Святой Анны 4-й степени – 9 мая 1916 г., орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом – 11 мая 1916 г., орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами – 9 октября 1916 г. За отличия в делах произведен в войсковые старшины 27 апреля 1917 г., со старшинством – с 8 февраля 1917 г.

Аксенов Ефим, из казачьей семьи Казанской станицы Донского округа Области Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1750 г. по 1781 г.: в походе с Дона на Царицынскую линию, у содержания кордонов по линии, затем в походе обратно на Дон; в походе в Пруссию и обратно; в походе с Дона в крепость Моздок, служба в крепости, после выполнения задания – в походе обратно на Дон.

Б.

Быкадоров Филипп, р. ок. 1742 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с весны 1762-го по 1786 г.: служба на Царицынской линии и содержание кардонов, участие в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг. – в составе 1-й Армии (Балканы), в походе с Дона к городу Ломов и возвращении обратно на Дон, в Черкасском годовом карауле. Женат, дети: Яков, р. ок. 1779 г., Василий, р. ок. 1784 г.

Быкадорова Екатерина Григорьевна, дочь урядника Казанской станицы ВД. Муж – Рудаков Афанасий Фёдорович, сотник, р. 5 июня 1830 г., из дворян ВД, казак Митякинской станицы ВД. Дети: Дарья, р. 12 марта 1863 г.

Быкадоров Иван Ермилович, р. ок. 1821 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. Участник Восточной войны 1853-1856 гг. Награжден: бронзовая медаль в память Восточной войны 1853-1856 гг. На воинской службе казаком – с 1 января 1841 года. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1841-1843 гг. В Донском казачьем полку №24 полковника Алексея Кузьмича Кушнарёва – с 20 мая 1846-го по 16 июля 1850 г.: в походе с Дона на Северный

Кавказ, служба на Кавказской линии, в многочисленных делах по укреплению южных границ Российской империи, служба на Лабинской линии. За разновременные отличия в делах произведён в урядники 30 августа 1850 года. После двухлетней льготы вновь на службе. В Донском казачьем полку №35 подполковника Ивана Михайловича Маркова – с 16 мая 1852 г.: в походе с Дона в Польшу, служба во внутренних областях и на границе с Австрией и Пруссией. Переведён в Донской казачий полк №32 подполковника Михаила Степановича Краморенкова, в котором состоял с 16 марта 1854-го по 7 октября 1856 г. (служба в Польше). По возвращении полка на Дон и его расформирования Иван Ермилович находился в родной станице на льготе. В Донском казачьем полку №22 подполковника Матвея Ивановича Сазонова (впоследствии – войскового старшины Фёдора Алексеевича Шейкина, с 29 июля 1860 года) – со 2 мая 1859-го по 8 июня 1863 г.: в 1859 г. – в походе с Дона на западную границу, Волынская губерния, у содержания кордонов; в 1860 г. – в походе на Кавказ, Терская область, в многочисленных делах по укреплению границ России. Женат, дети: Семён, р. ок. 1844 г., Аграфена, р. ок. 1847 г.

Быкадоров Иван Фёдорович, р. ок. 1847 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1865 года. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1865-1867 гг. В Донском казачьем полку №4 подполковника Андрея Ивановича Катасонова – с 17 мая 1869-го по 23 октября 1872 г.: в походе с Дона в Польшу, Варшавский военный округ, город Люблин. За отличие по службе произведён в урядники 26 февраля 1873 г. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., отправлен в запас 1 января 1881 г., награждён светло-бронзовой медалью в память Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Женат, детей нет.

Быкадоров Иона Алексеевич, р. ок. 1826 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. Участник Венгерской компании 1849 г., награждён серебряной медалью за усмирение Венгрии и Трансильвании. На службе казаком – с 1 января 1844 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1844-1846 гг. В Донском казачьем полку № 51 подполковника Иосифа Иосифовича Зарубина – с 16 марта 1848-го по 12 мая 1851 г.: командиром в Западный край, Польша, затем Венгрия, участие в Венгерской компании 1849 г., в действительных сражениях с мятежниками. За отличия по службе и в делах произведён в урядники – 30 августа 1851 г. С 13 мая 1851 г. находился на

льготе. Вновь в Донском казачьем полку №51 подполковника Ивана Михайловича Михеева – с 7 апреля 1854-го по 30 января 1859 г.: командиром на Кавказ, служба в охране побережья Чёрного моря, участие в Восточной войне 1853-1856 гг., в действительных сражениях с турками. После окончания войны – служба на Лабинской линии, затем на Лизгинской линии. После выполнения поставленной задачи и смены его другим, Донской казачий полк №51 по ходному порядку вернулся на Дон и был расформирован. С 31 января 1859 г. находился на Дону, на льготе. Женат, детей нет.

Быкадоров Михаил, р. ок. 1855 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе – с 1 января 1873 г. Служба в подготовительном разряде в 1873-1875 гг. (служба по внутренности Войска Донского). По решению окружной призывной комиссии назначается для прохождения действительной службы в комплект Донских гвардейских полков (приказ Войска Донского №244 от 26 ноября 1876 г.). По выслуге 15-ти лет, 1 января 1889 года переводится из гвардии в Войско Донское (приказ Войска Донского №422 от 11 ноября 1888 г.).

Быкадоров Пахом Иванович, р. ок. 1853 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., награждён светло-бронзовой медалью в память войны. На воинской службе казаком – с 1 января 1871 г. Служба «по внутренности» Войска Донского – в 1871-1873 гг. В Донской казачьей артиллерийской батарее № 4 – с 6 мая 1874 г. по 29 ноября 1878 г.: участие в составе ДКБ № 4 в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в действительных сражениях. В Донской казачьей батарее №19 – с 11 апреля 1879 г. За разновременные отличия в делах произведён в урядники 5 июня 1879 г. Женат, есть дети.

Быкадоров Филипп Васильевич, р. ок. 1842 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с 1 января 1862 г. За отлично-усердную службу произведён в урядники 1 января 1871 года. После двух лет нахождения на льготе, в течение нескольких лет служил станичным смотрителем конно-плодового табуна.

Быкадоров Павел, р. ок. 1884 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. Год переписи – 1903; состоял в наряде на укомплектование лейб-гвардии Атаманского полка; переведён в Войско Донское по болезни (приказ ВД№ 491 от 18 августа 1906 г.).

Быкадоров Пётр, из казаков Казанской станицы Области Войска Донского. На ежегодных окружных конно-спортивных соревнованиях «за наездничество 2-го разряда, награждён черпаками с подушками» (приказ ВД №471 от 1895 г.).

Быкадоров Семён, р. ок. 1887-1888 гг., из казаков Казанской станицы Донецкого округа Войска Донского. Год переписи – 1907, окружной призывной комиссией выбран на укомплектование Донских казачьих артиллерийских батарей (приказ ВД №637 от 28 ноября 1908 г.). Весной 1910 года призван на действительную службу в лейб-гвардии Донскую казачью батарею. За отлично-усердную воинскую службу произведён в младшие урядники 12 февраля 1911 г. Бомбардир лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареи (приказ ВД №42 от 30 января 1912 г.) Участник Первой мировой войны 1914-1918 гг., старший урядник Донской казачьей батареи №9 (второочередной). За разновременные отличия в делах награждён Георгиевским крестом 4-й степени.

Быкадоров Тимофей, р. ок. 1877-1878 гг., из казаков Казанской станицы Донецкого округа Области Войска Донского. Год переписи – 1897, окружной призывной комиссией выбран на укомплектование лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареи. Некоторое время служил в лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батарее. Переведён в Войско Донское по имущественному положению – (приказ Войска Донского №337 от 20 июля 1901 г.).

Быкадоров Илья, р. ок. 1881-1882 гг., из казаков Казанской станицы Донецкого округа Области Войска Донского. Служба в подготовительном разряде в родной станице в течение трёх лет (обучение военному делу, принятие воинской присяги и полевые лагеря под командованием опытных инструкторов-урядников). Год переписи – 1901, окружной призывной комиссией выбран на укомплектование лейб-гвардии Атаманского полка.

Быкадоров Иван, р. ок. 1717 г., из казаков Казанской станицы Войска Донского. На воинской службе казаком – с весны 1738-го по 1775 г.: у содержания кордонов на Сабачеи, по Ловерти, в походе с Дона до Кизляра и обратно, в походе до Опска и обратно, Вязьма, Пруссия, Царицынская линия, у содержания кордонов в Таганроге. Женат, дети: Ефим и Никита – на службе, Данила – р. ок. 1760 г.

Приложение 2. Исторические снимки

Церковь Пресвятой Богородицы и церковно-приходская школа.
Хутор Песковатско-Лопатинский

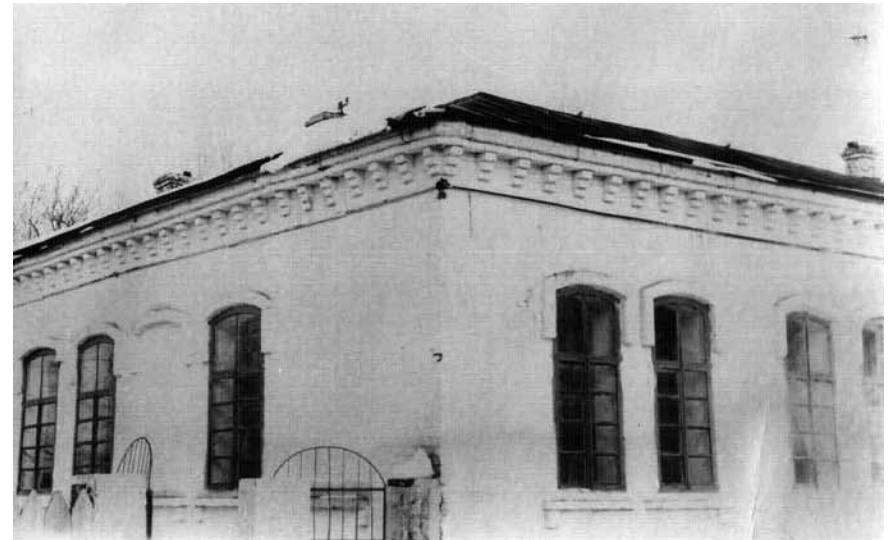
Церковь в х. Морозовском

Похороны казачьего офицера. Ст. Вешенская, 1919 г.

Проводы казаков. На переправе ст. Казанской, 1919 г.

Бывшая церковно-приходская школа. Ст. Шумилинская

1-я комрота Московской области, отправленная на подавление восстания казаков ст. Казанской и ст. Вешенской, 1919 г.

Памятник погибшим балтийским морякам в с. Краснофлотском

Карта Верхне-Донского восстания 1919 г.

Крест, установленный на кладбище х. Песковатско-Лопатинского
иногородним казакам, погибшим в первом бою

*Крест, установленный в центре ст. Шумилинской
в память о казаках, погибших в Верхне-Донском восстании 1919 г.*

Содержание

Предисловие автора	5
1.	8
2.	13
3.	21
4.	28
5.	43
6.	53
7.	63
8.	71
9.	80
10.	88
11.	94
12.	111
13.	120
14.	125
15.	138
16.	145
17.	147
18.	154
19.	165
20.	178
21.	186
22.	190
Эпилог	195
Приложение 1.	198
Приложение 2. Исторические снимки.	208

Литературно-художественное издание

Абакумов Георгий Николаевич

«У казаки уходят в тишину...»

Редактор В.А. Тихонов.
Обложка Н. Г. Абакумова
Вёрстка И. М. Сиренко

Сдано в набор 15.03.2022 г. Подписано к печати 11.04.2022 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13. Тираж 250 экз. Заказ № 633.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8-958-544-59-27.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.